

Источник: adobestock 283521421

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (12) / 2023

ИНТЕГРАЦИЯ VS ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ
В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)**

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

**Научный журнал
№ 3 (12) / 2023**

ИНТЕГРАЦИЯ VS ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Издается с 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Составитель номера –
канд. полит. наук Н.А. Коровникова

**Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)**

**SOCIAL NOVELTIES
AND
SOCIAL SCIENCES**

Scholarly journal

Nº 3 (12) / 2023

**INTEGRATION VS DISINTEGRATION
IN THEORY AND PRACTICE**

Published since 2020

Issued quarterly

Issue editor –

N.A. Korovnikova (PhD Polit. Sci.)

Учредитель:
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Редакция

Главный редактор: *O.B. Большакова* – д-р ист. наук

Заместитель главного редактора: *M.A. Положихина* – канд. геогр. наук

Ответственный секретарь – *И.А. Чувычкина*

Редакционная коллегия: *Борисоглебская Л.Н.* – д-р экон. наук, канд. техн. наук (Орел, Россия);
Быков А.А. – д-р экон. наук (Беларусь); *Гребеницкова Е.Г.* – д-р филос. наук (Москва, Россия);
Долгов А.Ю. – канд. социол. наук (Москва, Россия); *Казакова А.Ю.* – д-р социол. наук (Москва, Россия);
Коровникова Н.А. – канд. полит. наук (Москва, Россия); *Манучарян М.Г.* –
канд. экон. наук (Армения); *Мелешикина Е.Ю.* – д-р полит. наук (Москва, Россия); *Николаева У.Г.* – д-р социол. наук (Москва, Россия); *Погосян Г.А.* – д-р социол. наук, акаадемик НАН
РА (Армения); *Смирнов С.Н.* – д-р экон. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет: *Кузнецов А.В.* – член-корреспондент РАН, д-р экон. наук (Москва, Россия);
Ефременко Д.В. – д-р полит. наук (Москва, Россия); *Акбердина В.И.* – член-корреспондент
РАН, д-р экон. наук (Екатеринбург, Россия); *Алферова Е.В.* – канд. юрид. наук (Москва,
Россия); *Батцэнгэл Хуухээ* – д-р экон. наук (Монголия); *Бровко Н.А.* – д-р экон. наук (Кыргызстан);
Додонов В.Ю. – д-р экон. наук (Казахстан); *Кашепов А.В.* – д-р экон. наук (Москва, Россия);
Лоскутова И.М. – д-р социол. наук (Москва, Россия); *Макашева Н.А.* – д-р
 экон. наук (Москва, Россия); *Мысливец Н.Л.* – канд. социол. наук (Беларусь); *Петров В.Н.* –
д-р социол. наук (Краснодар, Россия); *Прокапало О.М.* – д-р экон. наук (Хабаровск, Россия);
Файзуллоев М.К. – д-р экон. наук (Таджикистан); *Чепель С.В.* – д-р экон. наук (Узбекистан);
Чжан Шухуа – PhD (Китай)

ISSN 2712–7826

DOI:10.31249/snsn/2023.03.00

© ИНИОН РАН, 2023

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Editorials

Editor-in-Chief:
Olga Bolshakova, DrS. (Hist. Sci.)

Deputy editor-in-chief:
Maria Polozhikhina, PhD (Geogr. Sci.)

Executive secretary:
Inna Chuvychkina, PhD

Editorial board: *Borisoglebskaya L.N.* (DrS Econ., PhD Tech. Sci.), Orel, Russia; *Bykov A.A.* (DrS Econ. Sci.), Belarus; *Grebenshchikova E.G.* (DrS Philos. Sci.), Moscow, Russia; *Dolgov A.Yu.* (PhD Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Kazakova A.Yu.* (DrS Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Korovnikova N.A.* (PhD Polit. Sci.), Moscow, Russia; *Manucharyan M.D.* (PhD Econ. Sci.), Armenia; *Meleshkina E.Yu.* (DrS Polit. Sci.), Moscow, Russia; *Nikolaeva U.G.* (DrS Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Pogosyan G.A.* (Academician of the National Academy of Sciences, DrS Soc. Sci.), Armenia; *Smirnov S.N.* (DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia

Advisory board: *Kuznetsov A.S.* (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia; *Efremenko D.V.* (DrS Polit. Sci.), Moscow, Russia; *Akberdina V.I.* (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci.), Yekaterinburg, Russia; *Alferova E.V.* (PhD Law Sci.), Moscow, Russia; *Battsengel Huuhee* (DrS Econ. Sci.), Mongolia; *Brovko N.A.* (DrS Econ. Sci.), Kyrgyzstan; *Dodonov V.Yu.* (DrS Econ. Sci.), Kazakhstan; *Kashepow A.S.* (DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia; *Loskutova I.M.* (DrS Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Makasheva N.A.* (DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia; *Myshlivets N.L.* (PhD Soc. Sci.), Belarus; *Petrov V.N.* (DrS Soc. Sci.), Krasnodar, Russia; *Prokapalo O.M.* (DrS Econ. Sci.), Khabarovsk, Russia; *Fayzulloev M.K.* (DrS Econ. Sci.), Tajikistan; *Chepel S.S.* (DrS Econ. Sci.), Uzbekistan; *Zhang Shuhua* (DrS), China

ISSN 2712–7826

DOI:10.31249/snsn/2023.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер.....	7
-------------------------	---

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА: ТЕОРИИ ИНТЕГРАЦИИ

<i>Коровникова Наталья Александровна</i>	
Теоретическое измерение международной интеграции: европейский ракурс	12
<i>Ридевский Геннадий Владимирович</i>	
Центр-периферийные и интеграционные процессы как ключевые тренды трансформации пространственных структур	34

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>Жилина Ирина Юрьевна</i>	
Международное сотрудничество в Арктике: история и современность	53
<i>Семеко Галина Викторовна</i>	
Региональная платежная интеграция: мировой опыт и уроки для ЕАЭС	78
<i>Крылов Данила Сергеевич</i>	
Перспективы российско-египетского сотрудничества в рамках интеграционных объединений. (Обзор)	94

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

<i>Чухарев Андрей Владимирович, Положихина Мария Анатольевна</i>	
Развитие европейского кризиса суверенного долга в первой четверти XXI века	105
<i>Коровникова Наталья Александровна, Полторацкая Александра Витальевна</i>	
Проблемы и тенденции европейской интеграции в 2016–2022 гг.	120

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

<i>Ермак Кристина Андреевна</i>	
Информационная безопасность как элемент интеграции в рамках ЕАЭС	132
<i>Гузаеров Разиль Илишатович</i>	
Социально-культурное взаимодействие стран – участниц Организации тюрksких государств. (Обзор)	143

Contents

Introducing the issue	7
-----------------------------	---

THE SPACE OF DISCOURSE: INTEGRATION THEORIES

<i>Korovnikova N.A.</i>	
Theoretical dimension of international integration: European perspective	12
<i>Ridevsky G.V.</i>	
Center-periphery and integration processes as key trends in the transformation of spatial structures	34

POINT OF VIEW

<i>Zhilina I.Yu.</i>	
International cooperation in the Arctic: past and present	53
<i>Semeiko G.V.</i>	
Regional payment integration: world experience and lessons for the EAEU	78
<i>Krylov D.S.</i>	
Prospects for Russian-Egyptian cooperation within integration associations. (Review)	94

YESTERDAY AND TODAY

<i>Chukharev A.V., Polozhikhina M.A.</i>	
The development of the european sovereign debt crisis in the first quarter of the XXI century	105
<i>Korovnikova N.A., Poltoratskaya A.V.</i>	
Problems and trends of European integration in 2016–2022	120

HUMAN FACTOR

<i>Ermak K.A.</i>	
Information security as an element of integration within the EAEU	132
<i>Guzaerov R.I.</i>	
Socio-cultural interaction of the member states of the Organization of Turkic States. (Review)	143

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Нарастающее противостояние ведущих западных держав и Российской Федерации, подпитываемое напряженной обстановкой в зоне проведения специальной военной операции (СВО) на Украине, способствовало формированию международной конъюнктуры, которую можно охарактеризовать как переформатирование мирового порядка¹. Это, с одной стороны, привело к интенсификации интеграционных процессов в рамках региональных группировок, отстаивающих интересы одной из противоборствующих сторон (относительное единодушие стран Европейского союза (ЕС) в решении российско-украинского вопроса; акцентирование потенциала евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), председательство в котором в 2023 г. приняла на себя Россия). С другой стороны, возникла угроза глобальной дезинтеграции ключевых акторов международных отношений на фоне эскалации конфликта между ними.

Все это объясняет особый интерес к интеграционной проблематике, которая в свете текущих событий требует дополнительного анализа и переосмысливания как в теоретической, так и практической плоскостях. Неслучайно данный номер «Интеграция vs дезинтеграция в теории и практике» содержит материалы, отражающие концептуально-методологические наработки в данном вопросе, как в странах ближнего зарубежья (Республика Беларусь), так и Европы, эвристический потенциал которых может быть полезен в ходе дальнейших исследований существующих и разработок новых альтернативных концепций интеграции, адаптированных к современному международному контексту.

Кроме того, в выпуск включены работы, в которых, одной стороны, отражены особенности процессов на различных уровнях интеграции: макроуровне международных региональных (ЕАЭС, ЕС, Организация тюрksких государств (ОТГ)) и межрегиональных (Арктический совет (АС)) альянсов; мезоуровне двустороннего сотрудничества (на примере российско-египетских отношений); микроуровне внутристранных развития территорий (на примере Республики Беларусь). С другой

¹ В научной и публицистической литературе чаще встречается характеристика текущей международной обстановки как периода глобальных трансформаций мирового порядка, результат которых на сегодняшний день довольно затруднительно спрогнозировать даже на краткосрочную перспективу. Однако в отечественной исследовательской среде появляются попытки построить возможные сценарии дальнейшего мирового развития. В частности, оптимистический сценарий, который предполагает стабилизацию многополярного порядка с выделением нескольких стран-лидеров, равных по своему потенциалу и влиянию; пессимистический – переход «событий в стадию большого конфликта с активным участием стран Запада»; или реалистический – экстраполяция тенденций 2000-х годов на «окончательное установление многополярного мира» [Ежов Д.А., Жаркова Е.С., Филимонова К.Р. Мировой порядок после 2022 года // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 4. – С. 12–13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-poryadok-posle-2022-goda-stsenarii-transformatsii> (дата обращения 01.06.2023)].

стороны, рассматриваются различные направления интеграции – от ее традиционных форматов до наиболее актуальных вопросов формирования интеграционной расчетно-платежной системы и обеспечения информационной безопасности.

Открывает выпуск традиционная рубрика журнала «**Пространство дискурса**» с материалами *Н.А. Коровниковой и Г.В. Ридевского*, в которых интеграция рассматривается в ее теоретическом ракурсе.

В работе *Н.А. Коровниковой* в междисциплинарном ключе рассмотрен термин «интеграция» наряду со смежными с ним понятиями «дезинтеграция», «регионализация», «регионализм», а также предложена авторская трактовка концепта «международная интеграция» (МИ). Проведен детальный анализ основных теорий МИ, разработанных в рамках европейского интеграционного дискурса, предпринята попытка их сопоставления по следующим параметрам: представители, принципы, теоретические основания. Несомненными достоинствами работы стали авторская систематизация европейских классических и новых концепций МИ. А также выводы автора относительно адаптивности и пригодности европейского опыта как для изучения неевропейских интеграционных форматов, так и для разработок альтернативных интеграционных концепций, учитываяющих особенности современной международной конъюнктуры.

Существенный не только теоретический, но и прикладной интерес вызывает статья *Г.В. Ридевского*. В работе на базе детального обзора российских и зарубежных источников представлены авторские теоретические выкладки касательно центр-периферийных процессов (ЦПП) и процессов пространственной интеграции (ППИ). Особенной заслугой автора является то, что ему удалось наглядно проиллюстрировать свои выводы на примере развития территорий Республики Беларусь; для этого во второй части статьи приводятся диаграммы и рисунки, содержащие результаты авторских расчетов. Представляется, что рассматриваемый центр-периферийный подход и его авторская интерпретация могут быть полезны для проведения теоретико- или практико-ориентированных исследований процессов интеграции и дезинтеграции на различных уровнях, от микролокальных (внутригосударственных) до макромеждународных.

Начинает рубрику «**Точка зрения**» исследование *И.Ю. Жилиной*, в котором автор обращается к стратегически важному для России и ведущих западных (в первую очередь приполярных) держав вопросу многостороннего сотрудничества в Арктике. Работа содержит интересный фактологический материал как о самом арктическом регионе, так и о наиболее значимой международной организации, которая в формате межправительственного форума способствует сотрудничеству и координирует взаимодействие между всеми акторами арктического пространства, а именно об АС. Высокой оценки заслуживает проведенный *И.Ю. Жилиной* детальный обзор истории, структуры, направлений деятельности АС, который уже более четверти века служит арктической интеграционной платформой. Особая заслуга автора также заключается в анализе актуального со-

стояния АС, которое существенно ухудшилось после начала СВО в результате фактического бойкота России (даже в период ее председательства) со стороны западных участников АС. *И.Ю. Жилина* задается вопросом, насколько будет реально поддерживать эффективное сотрудничество в регионе без непосредственного участия крупнейшего члена Совета Российской Федерации. Что немаловажно, в заключении предложены возможные сценарии дальнейшего функционирования АС в свете различных вариаций темпов развития мировой экономики и степени конфликтогенности международной обстановки, спрогнозировать реализацию которых, по справедливому замечанию автора, представляется крайне затруднительным в текущей энтропийной геополитической ситуации.

Продолжает рубрику статья *Г.В. Семеко*, которая посвящена одному из наиболее перспективных направлений современной региональной экономической интеграции – формированию единого платежного пространства на базе общей трансграничной расчетной системы. Автору удалось показать достоинства и недостатки платежной интеграции на примере латиноамериканских, африканских и азиатских интеграционных объединений развивающихся стран (РС) и стран с формирующимся рынком (СФР). Основываясь на результатах проведенного анализа, *Г.В. Семеко* приходит к выводу о том, что наработанный рассмотренными альянсами опыт может быть полезен для наращивания темпов и углубления интеграции в рамках ЕАЭС, поэтому заслуживает особого внимания и осмыслиения в ходе развития евразийской интеграции.

Завершает раздел «**Точка зрения**» обзор российско-египетских отношений *Д.С. Крылова*, в котором автор аргументировано доказывает особую значимость стратегического партнерства между Российской Федерацией и Египтом в экономической, гуманитарной, политической сферах и, что немаловажно, в решении вопросов национальной и международной безопасности. Кроме того, показано, что взаимодействие обоих государств на таких интеграционных площадках как ЕАЭС, Африканский союз, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) открывает новые горизонты не только для развития двусторонних отношений, но и для взаимной поддержки и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами-участницами региональных группировок. Отдельного внимания заслуживает вывод автора о необходимости дальнейшего укрепления связей между Россией и Египтом как в двустороннем, так и в многостороннем (интеграционном) форматах на фоне глобального переформатирования миропорядка.

Следующую рубрику «**Вчера и сегодня**» открывает материал *А.В. Чухарева и М.А. Положишиной*, посвященный крайне актуальной для европейской экономики проблеме суверенного долга стран ЕС в качестве потенциально опасного фактора дезинтеграции Союза. Особого внимания заслуживает авторская оценка роли Европейского центрального банка (ЕЦБ) в качестве «кредитора последней инстанции», применяющего нетрадиционные инструменты современной теории денег (в том числе количественного и кредитного смягчения), оказывающие, однако, неоднозначное

влияние на состояние европейского альянса. Существенный интерес также представляют авторские расчеты динамики суверенного долга и связанных с ним индикаторов в наиболее экономически слабых государствах ЕС, так называемых странах PIGS (от англ. Portugal, Italy, Greece, Spain), которые наглядно демонстрируют экономическую неоднородность европейского пространства, чреватую центробежными тенденциями для европейской интеграции. Выводы авторов, бесспорно, могут быть полезны для экономического анализа европейской интеграции в современном геоэкономическом контексте.

Продолжает европейскую проблематику в рамках рубрики «**Вчера и сегодня**» работа *Н.А. Коровниковой и А.В. Полторацкой*, в которой освещаются тенденции и проблемы евроинтеграции в постlisсабонский период (после 2009 г.). Отдельное внимание в контексте социально-экономической и политической гетерогенности европейского региона уделяется моделям гибкой интеграции, которые, несмотря на свой дезинтеграционный потенциал, не теряют своей актуальности не только для ЕС, но и для интеграционных объединений в других регионах мира. Помимо детального рассмотрения эндогенных (Брексит, внутренние политico-аксиологические трудности) и экзогенных (последствия пандемии COVID-19, напряженность текущей международной обстановки) препятствий интеграции в рамках ЕС, особая заслуга авторов заключается в анализе сценариев развития евроинтеграции до 2025 г., закрепленных в Белой книге Европейской комиссии, результаты которого могут быть полезны для развития дискурса европейской интеграции.

Завершает выпуск раздел «**Человеческий фактор**», в который вошли статья *К.А. Ермак* и обзор *Р.И. Гузарова*.

Исследование *К.А. Ермак* отражает проблематику более ранней рубрики «**Человек в цифровом мире**¹». Автор обращается к крайне актуальной проблеме обеспечения информационной безопасности. И приводит достижения в данной области ведущих мировых держав (России, Китая, США) и интеграционных объединений (ШОС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ)), а также фокусируется на решении проблемы противодействия информационным и киберугрозам в рамках динамично развивающегося ЕАЭС. В работе рассматриваются основные документы, регулирующие информационные процессы как на национальных уровнях стран-участниц, так и на региональном уровне интеграционного объединения, на котором уже сформированы основы общей Цифровой повестки ЕАЭС. Интересными представляются замечания автора относительно необходимости сохранения информационного / цифрового суверенитета на фоне интенсификации интеграции, которая имеет «разноскоростной» характер для членов Союза. А также относительно целесообразности учитывать не

¹ Рубрика «Человек в цифровом мире» была включена в следующие выпуски научного журнала «Социальные новации и социальные науки»: № 1 (1) за 2020 г.; № 1 (3) за 2021 г.; № 6 (6), 2 (7) за 2022 г.

только международный опыт, но и национальный контекст стран ЕАЭС, в ряде случаев ограничивающий возможности обеспечения информационной безопасности. Отдельного внимания заслуживает основной вывод, который автор выносит в название работы о том, что информационная безопасность является условием и неотъемлемым элементом интеграции ЕАЭС. Очевидно, что данный тезис актуален не только для евразийского альянса, но и для других региональных и межрегиональных интеграционных структур.

Заключительный материал *Р.И. Гузаерова* содержит обзор эволюции и основных направлений деятельности ОТГ. На фоне экономических и политических диспропорций развития современного тюркского мира автор делает акцент на перспективах социально-культурного и гуманистического сотрудничества стран – участниц ОТГ, в первую очередь в сфере науки, образования и СМИ. *Р.И. Гузаеров* не без основания подчеркивает ведущую роль Турции в поддержке и распространении идей туркоцентричной интеграции в рамках ОТГ, что представляет бесспорный интерес для международных экспертов в вопросах тюркской интеграции.

Работы, вошедшие в данный номер, не только дополняют материалы второго выпуска научного журнала «Социальные новации и социальные науки» за 2022 г., который был посвящен теме «Социально-экономическая интеграция: прошлое, настоящее, будущее» и содержал результаты исследований социально-экономических, политических и цифровых особенностей интеграционных процессов в различных регионах мира (в том числе ЕС, ЕАЭС, СНГ, ССАГПЗ), но и существенно обогащает отечественный и зарубежный дискурс по интеграции как с точки зрения теоретико-методологических разработок, так и анализа наиболее актуальных практических вопросов интеграционных процессов и объединений в условиях глобальных трансформаций XXI века.

Н.А. Коровникова

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА: ТЕОРИИ ИНТЕГРАЦИИ

УДК 332.135:339.924

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.01

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ РАКУРС

Коровникова Наталья Александровна

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия,
e-mail: natalia.kor@list.ru

Аннотация. В работе представлена система смежных понятий («интеграция» и «дезинтеграция», «регионализация» и «регионализм»), предложена трактовка термина «международная интеграция». Рассмотрены история, принципы и теоретические основы классических и новых европейских концепций международной интеграции. Отмечается их потенциал для изучения и оценки неевропейских моделей интеграции. Перечислены основные риски и перспективы современных интеграционных процессов, которые должны быть учтены в ходе дальнейшего развития европейских и альтернативных теорий международной интеграции.

Ключевые слова: интеграция; международная интеграция; европейская интеграция; классические и новые теории интеграции; Европейский союз.

Для цитирования: Коровникова Н.А. Теоретическое измерение международной интеграции: европейский ракурс // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 12–33.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.01

Рукопись поступила 11.05.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

Введение

В конце XX – начале XXI в. интеграция превратилась в одну из основных тенденций мирового развития, а растущее число интеграционных проектов в различных регионах мира доказывает глобальный характер этого явления. По некоторым оценкам, уже к середине 2010-х годов общее количество интеграционных объединений превысило число государств [Байков, 2017, с. 39]. Этот факт объясняется тем, что страны вышли на межрегиональный уровень сотрудничества и получили возможность одновременно участвовать в интеграционных структурах «различного состава, конфигурации и предмета деятельности» [там же].

На протяжении длительного времени в качестве эталона международной (региональной) интеграции¹ выступал европейский опыт [Гаман-Голутвина, 2016, с. 184], и первоначально теоретические подходы к ее осмыслинию базировались на тезисе об эволюционно-поступательном характере интеграционных процессов. Но уже в 1980–1990-е годы стал быстро расти плюрализм научных взглядов и школ международной интеграции [World Economy Major Trends … , 2023, р. 93], обусловленный «разнообразием, многочисленностью и нерегулярностью динамики интеграционных процессов» [Гаман-Голутвина, 2016, с. 185]. Это послужило импульсом для эволюции интеграционных исследований «от нормативно-европейской парадигмы к разработке общей теории международной интеграции» [Гаман-Голутвина, 2016, с. 185]. В настоящее время все большую популярность набирает идея сравнительно-интеграционной теории, учитывающей «многоформатное и разноскоростное сотрудничество государств не только в экономике, но и в политике» в различных регионах мира [Байков, 2017, с. 49].

Однако как сторонники, так и оппоненты европоцентрических взглядов сходятся во мнении, что теоретическое обоснование особенностей интеграционных процессов и структур в контексте современных кардинальных трансформаций мирового порядка целесообразно выстраивать, основываясь на структурированной теоретической базе, наработанной в ходе изучения и концептуализации интеграции европейского региона. Представляется, что классические и новые теории европейской интеграции обладают существенным гносеологическим потенциалом, и в адаптированном виде могут использоваться при изучении многочисленных процессов неевропейской (региональной) и межрегиональной интеграции, а также заслуживают внимания и переосмыслиния в ходе создания альтернативных интеграционных концепций.

¹ В профессиональной среде сформировалась «неформальная» практика анализа и оценки неевропейских моделей интеграции на базе коэффициента «один ЕС», который подразумевал максимальный уровень «интеграционности», достигнутый европейским объединением [Гаман-Голутвина, 2016, с. 185].

Интеграция в системе смежных понятий

Прежде чем приступить к анализу теорий интеграции, базирующихся на богатом европейском опыте в данной области, представляется целесообразным рассмотреть само понятие «интеграции» и смежные с ним концепты дезинтеграции, регионализации, регионализма, а также определить сущность международной (региональной и межрегиональной) интеграции.

Популяризация интеграционной проблематики со второй половины XX в. привела к тому, что термин *интеграция* превратился в неотъемлемую характеристику современных процессов международного сотрудничества (от простейших форм до формирования наднациональных межрегиональных объединений) [Галушко, 2023, с. 40]. В исследовательской среде циркулирует множество разнообразных трактовок интеграции, отражающих не только ее экономические особенности (что характерно для классиков европейской интеграции), но и политico-правовую, и даже культурно-аксиологическую специфику (например в русле конструктивистского подхода). Последнее особенно важно ввиду все возрастающей значимости идеально-политических факторов интеграции в современном мировом пространстве.

Признавая многомерность самого феномена, понятие интеграции определяют следующим образом:

• в общем виде как: а) процесс воссоединения (от лат. *integratio*) нескольких отдельных элементов, формирующих новое «единое целое»; б) конечное состояние, процесс, функцию, выполняемую «отдельными агентами» (Д. Сартори); в) формирование в ходе взаимодействия элементов их новых системных качеств, которыми они не обладают по отдельности (К. Дойч); г) способность отдельных элементов или их системы поддерживать себя «перед лицом внутренних и внешних вызовов» (А. Этциони) [Галушко, 2023, с. 41–43]; д) совокупность процессов функционирования и развития некоторой системы, в ходе которых растет количество и интенсивность взаимодействий ее элементов, укрепляется их взаимозависимость при снижении степени автономности по отношению друг к другу [Семак, 2012, с. 25];

• в экономическом измерении: а) торговую политику «дискриминационного сокращения или устранения торговых барьеров только между объединяющимися нациями» (Д. Сальваторе); б) формирование наиболее оптимальной и эффективной «структуры международной экономики, устраниющей искусственные препятствия для оптимальной работы и преднамеренно вводящей все желательные элементы координации и объединения» (Я. Тинберген); в) «процесс», направленный на устранение экономических барьеров между национальными государствами, а также «состояние дел», предполагающее «отсутствие различных форм дискриминации между странами» (Б. Баласса) [Икромов, 2022, с. 14];

- в социологическом измерении: а) упорядоченное взаимодействие между индивидуумами и их социальными группами, которое базируется на отношениях относительной автономии и зависимости между ними (Э. Гидденс) [Селиванова, Зайцев, 2014, с. 42]; б) как «социальное партнерство, лояльность, социальный порядок» (Т. Парсонс) [Ховрин, 2010, с. 81];
- в политическом измерении: а) процесс формирования нового политического сообщества, институты которого «обладают или требуют юрисдикции над существующими национальными государствами» (Э. Хаас) [Галушко, 2023, с. 42]; б) «слияние» государственных структур в межгосударственное объединение посредством формирования «новых институтов власти с передачей им части суверенных прав национальных политических органов»; в) образование из ранее разъединенных систем новой политической системы (М. Ходжес); г) «создание сообщества безопасности между государствами региона» (К. Дойч) [Бугров, 2023, с. 147].

Исходя из множественности и разнообразия трактовок, можно констатировать, что в академической среде до сих пор не сформировалось единого подхода к определению «интеграции» как в общем виде, так и в рамках разных научных дисциплин. Схематично объединение на макрорегиональном уровне может быть представлено в формате «интеграционной модели», которую составляют три взаимозависимых элемента: а) субъекты интеграции (государства, национальные и транснациональные экономические структуры); б) институциональные интеграционные механизмы (уровень развития и оформления наднациональных механизмов принятия решений и контроля, юридическая проработанность интеграционных соглашений или глубина интеграции, формат взаимодействия от зоны свободной торговли (ЗСТ) до политического союза, социально-экономические и политические цели интеграции); в) эндогенные и экзогенные условия интеграции (пространственно-территориальные характеристики, степень экспансивности, скорость и направленность¹ интеграции) [Багдасарян, 2019, с. 358]. Данная модель представляется универсальной для понимания существующих и пригодной для разработки новых концепций международной интеграции.

Особого внимания в рамках теоретического анализа интеграции заслуживает противоположный, но неразрывно с ней связанный и протекающий параллельно процесс *дезинтеграции*², под которым в широком смысле понимается «процесс разложения, распада, разрушения, отделения, изоляции» элементов определенной системы, в результате которого сокращается количество и интенсивность связей между ними, а также наблюдается рост их автономности [Семак, 2012, с. 25].

¹ Подразумевается поддержка «закрытого» или «открытого» типа регионализма. Первый нацелен на «защиту региона от негативных последствий глобализации», созвучен идеи протекционизма. Цель второго – «предотвращение регионального сепаратизма» с акцентом на укрепление «глобального экономического партнерства» [Костюнина, 2020, с. 308].

² Существенный интерес для дальнейших детальных исследований международной дезинтеграции представляют конфликтная, стагнирующая и дивергентная модели дезинтеграционных процессов [Икромов, 2022, с. 14–16].

Соотношение интеграции и дезинтеграции целесообразно рассматривать в системе смежных понятий, как-то: «дедифференциации» (рост гомогенности элементов) и «дифференциации» (рост гетерогенности элементов); «накопления» (самая простая форма объединения, не предполагающая образования системы) и «рассеивания» (отталкивание элементов, при котором их свойства сохраняются); «ассимиляции» (интродукция внешних элементов в систему) и «диссимилияции» (исключение из системы ее внутренних элементов) [Семак, 2012, с. 26–28]. Однако значимое смысловое отличие интеграции / дезинтеграции от смежных с ними понятий, вытекающее из вышеупомянутых дефиниций, заключается в том, что они предполагают появление качественно нового образования со свойствами, не присущими прежней системе и ее элементам [Семак, 2012, с. 27–28].

По своей сути интеграция непосредственно перекликается с понятиями *регионализации* и *регионализма*¹, споры о разграничении которых не утихают в академической среде с конца 1960-х – начала 1970-х годов. В контексте классических европейских теорий интеграции интересным представляется тот факт, что понятие регионализации изначально трактовалось как синоним интеграции для характеристики соответствующих процессов и структур за пределами европейского региона. Однако более поздние исследования позволили шире трактовать регионализацию как неинституционализированную «интеграцию снизу», охватывающую «совокупность процессов, способствующих нарастанию экономической однородности того или иного региона в результате углубления разделения труда и повышения интенсивности связей между близко расположенными странами» [Байков, 2013, с. 151].

В свою очередь, регионализм (институционализированная управляемая «интеграция сверху») предполагает проведение государственной «интеграционной политики», направленной «на сближение политических и экономических отношений» в контексте интернационализации [Семак, 2012, с. 23–24]. При этом влияние глобализации, которая представляет собой параллельно идущий интеграции процесс, приводит к противопоставлению «старого» (период после Второй мировой войны до начала / середины 1980-х годов) и «нового» (конец 1980-х – начало 1990-х годов) регионализма. Для первого были характерны bipolarность мирового пространства, жесткий контроль, протекционистский характер, ориентация на решение экономических проблем и обеспечение безопасности. Второй развивается в условиях многополярности, соответствует понятию «глубокой» интеграции² и включает в себя многочисленные направления (социальное, экологическое, торгово-

¹ В число близких по значению терминов также включают «конвергенцию», которую определяют как «сближение основных показателей развития и унификацию социально-экономических политик» [Гаман-Голутвина, 2016, с. 185].

² В классической интерпретации Р. Лоуренса «глубокая» интеграция подразумевает «упразднение тарифных и нетарифных ограничений» в отличие от «поверхностной» либерализации торговли [Малахова, 2018, с. 1879].

финансовое, политическое и др.), содержит элементы спонтанности и автономии государственных, негосударственных и субнациональных акторов [Костюнина, 2020, с. 307 ; Семак, 2012, с. 24].

В региональном контексте также следует различать *региональное сотрудничество и региональную интеграцию*. Первое предполагает взаимодействие отдельных стран (или иных субъектов) в пределах общего географического региона для решения некоторых общих вопросов в определенных сферах (например, инфраструктуры, водоснабжения или энергетики) при наличии противоречий в других областях. Иными словами, экономическая взаимозависимость в основном проявляется в формате кооперации и необязательно ведет к интеграции. В отличие от регионального сотрудничества, региональная интеграция представляет собой более глубокий процесс и основывается на либерализации торговых и инвестиционных потоков между странами-участницами, что может привести к их слиянию в «единое интегрированное пространство» [World Economy Major Trends … , 2023, р. 99]. В свою очередь, «межрегиональная интеграция» охватывает государства более чем одного региона и может осуществляться между интеграционными объединениями, расположенными в разных областях мира (АСЕАН – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), путем объединения стран различных регионов (США – Марокко) или одного региона и страны другого региона (ЕС – Вьетнам), а также в виде мегапартнерств нескольких разнорегиональных субъектов (Транстихоокеанское партнерство (ТТП)), в том числе приграничных районов соседних государств (зоны экономического роста) [World Economy Major Trends … , 2023, р. 99].

Вышеизложенное позволяет констатировать, что понятие *международной интеграции (МИ)* охватывает весь спектр производственно-хозяйственных, финансово-экономических и политико-институциональных аспектов многочисленных региональных и межрегиональных интеграционных процессов в различных сферах и областях мирового пространства. Тогда европейская интеграция может рассматриваться как одна из вариаций МИ. В ходе ее многовековой концептуализации был накоплен солидный теоретический багаж, который может применяться не только для осмыслиения и оценки интеграционных процессов в Европейском союзе (ЕС), но и для изучения неевропейских альянсов. Этот опыт также может быть полезен для поиска и разработки новейших альтернативных теорий, отражающих особенности МИ в современных условиях глобальных трансформаций мирового порядка.

Классические европейские подходы к международной интеграции

В течение последних десятилетий в отечественном научном дискурсе появляется все больше интересных публикаций по интеграционной проблематике¹, в которых не только проводится глубокий анализ результатов зарубежных исследований, но и предпринимаются попытки разработать новые концептуальные подходы к МИ, обогащающие накопленный европейский опыт. Учитывая многовековую историю европейской научной мысли², ее достижения в области теоретико-методологического анализа МИ действительно заслуживают пристального внимания.

Первые образцы интеграционных проектов в трудах западноевропейских мыслителей появились еще в XIV в.³, и эти идеи длительное время определяли содержание и направления исследований МИ. Существенный импульс теории европейской интеграции получили в межвоенный период 1920–1930-х годов⁴ в связи с оформлением федералистских идей в рамках панъевропейского движения⁵, деятели которого (Р. Куденхове-Калерги, А. Бриан и др.) пытались противостоять военным угрозам и призывали к «сохранению мира посредством добровольного объединения граждан» [Основные теоретические подходы … , 2023, с. 2].

В основе ранних теорий европейской интеграции лежал поиск оптимальных интеграционных форматов национальных государств. В их разработку, которая существенно активизировалась после Второй мировой войны, большой вклад внесли исследователи из Франции (М. Аллэ, М. Бийо, Ж. Вейер, Р. Эрбэ и др.) и Германии (Х. Кремер, А. Предоль, Х. Юргенсен и др.) [Обуховский, 2007, с. 27].

К началу 1990-х годов в западноевропейской исследовательской среде сформировались разноплановые концептуальные подходы к МИ, отражающие наиболее актуальные для своего време-

¹ Особый интерес представляют работы научных коллективов профильных исследовательских центров России, в их числе: ИМЭМО РАН (например, см.: [Артееев, 2020]) и Институт Европы РАН (см.: [Публикации, 2023]), а также тематические учебные материалы в рамках отдельных учебных дисциплин ведущих отечественных вузов (МГИМО (Университет) МИД РФ, НИУ ВШЭ и др.), в том числе см.: [Европейская интеграция … , 2016], «Введение в европейскую интеграцию» [Курсы, 2023], «История и теория европейской интеграции», «Европейская идея и европейская интеграция» [Учебные курсы, 2023] и многие другие.

² В отечественном научном дискурсе существует довольно много подходов к периодизации европейской интеграции. Одной из наиболее детализированных представляется интерпретация, предложенная специалистами Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, которые выделяют шесть этапов: 1) подготовительный (позднее Средневековье – 1910-е годы); 2) начальная институционализация (1920–1940-е годы); 3) становление Европейских сообществ (1950–1960-е годы); 4) усиление политического аспекта (1970–1980-е годы); 5) конституирование (1992–1999-е гг.); 6) современный этап (с начала 2000-х годов) [Бахлов, Бахлова, 2016].

³ Генезис европейской интеграции специалисты относят к «подготовительному» этапу и усматривают ее в идеях П. Дюбуа (XIV в.), Э.С. Пикколомини (XV в.), И. Подебрада (XV в.), У. Пенна (XVII в.), Ш. де Сен-Пьера (XVIII в.), а также А. де Сен-Симона, О. Тьерри, Дж. Мадзини (XIX в.) [Бахлов, Бахлова, 2016 ; Терехина, 2013, с. 8].

⁴ Отдельного упоминания в качестве прообраза европейского интеграционного альянса заслуживает действовавший в 1922–1939 гг. и возрожденный после Второй мировой войны Бельгийско-Люксембургский экономический союз с участием Нидерландов [Обуховский, 2007, с. 27].

⁵ Более подробно историю федералистской теории в формате создания «Соединенных штатов Европы» см.: [Медушевский, 2021].

ни вопросы политического и экономического развития европейских акторов. Очевидно, что эти теории (табл. 1) не могут в полной мере соответствовать сегодняшним высокоскоростным трансформациям мирового пространства, однако их принципы и теоретические основы могут и должны быть учтены при концептуализации результатов современного дискурса об интеграции.

Таблица 1

Классические европейские подходы к международной интеграции*

История / представители	Принципы	Теоретические основы
1	2	3
Марксистский подход		
Формировался в начале XX в., основы отражены в труде Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910).	<ul style="list-style-type: none"> интеграция – организационная форма функционирования торгово-промышленного капитала. 	Австромарксизм, теория финансово-промышленногокапитала.
Федералистский подход		
Исторические истоки можно найти у европейских мыслителей начальных этапов европейской интеграции (см. выше). В числе наиболее ярких представителей – А. Спинелли, М. Альбертини, С. Пистоне, К. Фридрих, Д. де Ружмон и др.	<ul style="list-style-type: none"> федеративная модель – основа эффективной и успешной интеграции (цель – федеративная Европа); определенная роль наднациональных институтов интеграции; цель – объединение национальных государств «в рамках надгосударственной (супранациональной) системы управления, в которой принимаемые решения обязательны для всех членов». 	Традиционный и новый федерализм (Р.Т. Гриффитс), альтернативная теория функционального федерализма (Г. Геро).
Либеральный подход		
Один из первых послевоенных теоретических подходов к исследованию интеграции (1950–1960-е годы), представлен в работах Р. Арана, В. Рёпке и др.	<ul style="list-style-type: none"> механизм интеграции предполагает исключительно рыночные инструменты регулирования и исключает любые формы государственного вмешательства; цель интеграции – обеспечение свободной торговли между акторами посредством устранения экономических препятствий и ограничений (прежде всего таможенных пошлин). 	Экономический либерализм.
Неолиберальный подход		
Технологическая версия получила свое развитие в 1960–1990-е годы в трудах Д. Казермана, Д. Бейна, Р. Борка, Дж. Викерса и др.	<ul style="list-style-type: none"> интеграция детерминирована технологическими факторами; цель интеграции – технологическое единство акторов. 	Традиционная технологическая концепция.
Трансакционный вариант нашел отражение в исследованиях О.И. Уильямсона, Д. Норта, К. Эрроу, Р. Коуза и др.	<ul style="list-style-type: none"> механизм интеграции – организация трансакций между субъектами с помощью рыночных механизмов; интеграция обусловлена экономическими (а не технологическими) взаимозависимостями, связанными с уменьшением трансакционных затрат за счет гармонизации интересов и замены рынка внутренней организацией. 	Трансакционная экономическая теория, концепции горизонтальной и вертикальной интеграции ¹ (О.И. Уильямсон).
Рыночно-институциональная вариа-	<ul style="list-style-type: none"> интеграция – одновременно процесс и 	Рыночно-институциональная

¹ В общем виде горизонтальная интеграция – конкурентная стратегия расширения за счет включения компаний из одной отрасли, находящихся на одном «уровне цепочки создания стоимости»; вертикальная интеграция – конкурентная стратегия расширения за счет включения компаний, находящихся на других (обычно более низких) «уровнях цепочки создания стоимости» [Горизонтальная и вертикальная интеграция ..., 2021].

Коровникова Н.А.
Теоретическое измерение международной интеграции: европейский ракурс

ция разрабатывалась такими учеными, как Б. Баласса, Дж. Винер, Дж. Мид, Р. Липси, Ч. Купер, Б. Масселл и др.	<ul style="list-style-type: none"> «определенное состояние» экономики и политики интегрируемых акторов; • механизм интеграции должен сбалансировано сочетать государственное и рыночное регулирование, а также политику снятия ограничений внутри объединений наряду с коллективным протекционизмом в отношении третьих государств. 	концепция, теория эффектов интеграции (Дж. Винер), теория о стадиях (этапах) международной экономической интеграции (Б. Баласса).
--	---	---

1	2	2
Структуралистский подход		
Разрабатывался в середине 1960-х годов А. Маршаллом, Г. Мюрдалем, Ч. Кинделбергером и др.	<ul style="list-style-type: none"> • интеграция – процесс глубоких структурных преобразований интегрирующихся экономик в свете их транснационализации; • социальное измерение интеграции, цель которой – решение социальных вопросов и обеспечение всеобщего блага. 	Структурализм.
Функциональный подход		
Основоположник – Д. Митрани, опиравшийся на идеи П. Райнша, Л. Вульфа, и сформулировавший основы своей теории еще в 1940-е годы.	<ul style="list-style-type: none"> • интеграция – процесс постепенного перехода от традиционных форм регионального межстранового взаимодействия к формированию транснациональных структур, формы организации которых зависят от выполняемых ими функций; • интеграция должна быть максимально деполитизирована, а в основу эффективного межгосударственного сотрудничества должны быть заложены вопросы благостояния, основная роль в решении которых отводится не политикам, а специалистам-технократам. 	Функционализм.
Неофункциональная концепция, существенный вклад в становление которой в 1950–1970-х годах внесли такие ученые, как К. Дойч, Э. Хаас, А. Этциони, Л. Линдберг и др.	<ul style="list-style-type: none"> • интеграция предполагает формирование системы влиятельных межправительственных централизованных институтов и постепенную трансляцию национального суверенитета государств-участников наднациональным структурам; • цель – не только сближение государств, но и их сообществ («социологическая нация» К. Дойча); • интеграция в одной области захватывает смежные сферы и способствует включению в интеграционные процессы все большего количества новых областей (Э. Хаас). 	Неофункционализм, теория коммуникации (К. Дойч) ¹ , концепция «переплескивания» (англ. spill-over – эффект Э. Хааса) ² .
Неокейнсианский подход		
Получил широкое распространение в 1970-х годах в работах Б.Ф. Массела, Р. Купера и др.	<ul style="list-style-type: none"> • необходимость согласования внутренней и внешней политики интегрирующихся акторов; <p style="margin-left: 20px;">цель – оптимальное сочетание международной экономической интеграции и сохранения суверенитета национальных государств.</p>	Неокейнсианство.

¹ Макроуровневая теория принятия политических решений на основе изучения технических аспектов информационных потоков, а также межличностных коммуникаций [Теория коммуникации ..., 2023].

² Развитие интеграции рассматривается как «перетекание» интеграции из одной экономической области в другие, причем в итоге интеграция приобретает всеобъемлющий характер и «перетекает» в политическую сферу [Лукашук, 2020, с. 18].

<p>Дирижистское направление разрабатывалось Я. Тинбергеном, Р. Санвальдом, И. Штолером и др.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • отрицание или снижение значимости рыночного механизма в интеграционных процессах; • необходимость выравнивания уровней доходов между странами-участницами; • наднациональная централизация и координация социально-экономической политики акторов – участников интеграции. 	<p>Неокейнсианство, концепция положительной и отрицательной интеграции (Я. Тинберген)¹.</p>
1	2	3
Реалистичный межправительственный подход (традиционный интергoverнментализм)		
<p>Истоки относятся к первому периоду застоя европейской интеграции в середине 1960-х годов, когда С. Хоффманном (1966) были сформулированы основы интерговернментализма.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • государства есть и останутся доминирующими акторами в международных интеграционных процессах; • степень интеграции ограничена интересами государств; • акцент на самосохранении национальных государств, учет разнообразия их особенностей и традиций; • интеграция ограничена экономическим сектором и связанной с ним «малой политикой»²; • слабость наднациональных органов вследствие низкого уровня поддержки со стороны национальных акторов. 	<p>Теория политического реализма в международных отношениях (МО).</p>

* Составлено по: [Байков, 2017, с. 42 ; Галушко, 2023, с. 51–57 ; Интеграция стран в мировое хозяйство … , 2022, с. 16–18 ; Карелина, 2015, с. 70 ; Основные теоретические подходы … , 2023, с. 3–5 ; Семак, 2012, с. 16–23 ; Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, р. 63–64].

Анализ классических европейских теорий МИ позволяет зафиксировать основные закономерности их эволюции и модификации в зависимости от конкретно-исторических эндогенных и экзогенных условий, а именно: а) приоритет экономических или политico-административных механизмов интеграции (от крайне либеральных вариантов до дирижистской версии); б) приоритет суверенитета национальных государств или надгосударственных супранациональных структур (от традиционного интерговернментализма до федералистской идеи «Соединенных Штатов Европы»).

Так, несмотря на успех широко известной декларации Шумана (1950), в которой были зафиксированы принципы «строительства объединенной Европы»³, на фоне провала Договора о ЕОС⁴ свою популярность начали набирать рыночно-либеральные концепции [Бахлов, Бахлова, 2016]. Однако уже в скором времени стало очевидным их несоответствие реальной социально-экономической практике. Как выяснилось, МИ является управляемым процессом, причем не только

¹ Негативная интеграция означает устранение экономических ограничений между странами-участницами (позиция неолибералов), а позитивная интеграция предполагает формирование качественно новой среды, позволяющей взаимозависимым экономикам функционировать оптимально (позиция дирижистов) [World Economy Major Trends … , 2023, р. 95].

² Малая политика сводится к узким краткосрочным вопросам экономики и управления. Более подробно см. [Большая политика, 2023].

³ Декларация от 9 мая 1950 г., которая по праву считается одним из системообразующих текстов европейской интеграции. Более подробно см.: [Декларация … , 2023].

⁴ Договор об учреждении «Европейского оборонительного сообщества», известный как Парижский договор 1952 г. Более подробно см.: [Парижский договор … , 2023].

ко со стороны рыночных регуляторов, но и со стороны национальных властей интегрирующихся стран, а также наднациональных (межгосударственных) институтов региональных экономических альянсов [Семак, 2012, с. 20]. В связи с этим в европейской научной среде стали появляться новые подходы, учитывающие неэкономические, политико-институциональные факторы интеграции. Произошел постепенный сдвиг в сторону институциональных интеграционных концепций, который во многом связан с работами Дж. Винера «Проблема таможенного союза» (1950) и Б. Баласса «Теория экономической интеграции» (1961).

Дж. Винер внес существенный вклад в развитие теории МИ благодаря разработке критериев оценки положительных и негативных последствий интеграции, а также определению эффектов создания и отклонения торговли. Ученый сосредоточил свое внимание на «статических эффектах экономической интеграции», а последователи модифицировали его анализ, выделив «динамические эффекты экономической интеграции» [World Economy Major Trends … , 2023, p. 94].

Предложенная Б. Баласса классификация форм экономической интеграции¹ до сих пор остается своего рода эталоном, с помощью которого оценивается ход региональной и межрегиональной интеграции. Однако появление и модификация новых многочисленных форм интеграции требует либо дополнения, либо выработки нового подхода к интеграционной классификации. И хотя в современном научном дискурсе пока не предложена полноценная альтернативная версия, появляются исследования, дополняющие «традиционную» схему, например за счет включения преференциальных торговых зон². В данной связи нельзя обойти вниманием классификацию, предложенную голландским ученым Ж. Пелкманом, который дополнил версию Баласса тремя формами интеграции: ЗСТ+, как классическая зона с обязательствами перед ВТО и отдельными элементами ВТО+ (например АСЕАН); углубленная ЗСТ, или соглашение об экономическом партнерстве, включающее услуги, инвестиции, содействие торговле и пр. (например Транстихоокеанское партнерство); единый рынок, который, представляет собой экономически-правовую концепцию, которая, по Пелкману, еще не реализована даже в рамках ЕС [World Economy Major Trends … , 2023, p. 98].

¹ Согласно Б. Баласса, экономическая интеграция развивается поступательно от низшей стадии к высшей, различия между которыми определяются степенью либерализации движения товаров и уровнем гармонизации экономической политики стран-участниц. Баласса выделял пять форм интеграции: 1) зона свободной торговли (ЗСТ, например Африканская континентальная зона свободной торговли); 2) таможенный союз (ТС, например МЕРКОСУР в Латинской Америке); 3) общий рынок (например Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) на Ближнем Востоке); 4) экономико-валютный союз (например домаастритский Европейский экономический союз); 5) политический союз как (высшая) форма интеграции (ЕС стремится к достижению этой цели в соответствии с Маврикийским договором 1992 г.) [World Economy Major Trends … , 2023, p. 96–97].

² На текущий момент не сложилось единого общепринятого подхода к трактовке зон преференциальной торговли, которые рассматриваются либо как форма, предшествующая ЗСТ, либо как более широкое понятие, охватывающее все известные на сегодняшний день формы экономической интеграции [World Economy Major Trends … , 2023, p. 97].

Критика тотальной либерализации движения товаров, услуг и факторов производства, которая чревата производственными диспропорциями и ростом социально-экономического неравенства, породила еще одну концепцию интеграции – структуралистскую. Данный подход выдигал на первый план социальные цели интеграции, однако имел и свои слабые стороны. Его разработчики не учли особенности транснационализации (деятельность ТНК нарушает принципы всеобщего равенства и благосостояния) и не смогли предложить жизнеспособные интеграционные механизмы [Семак, 2012, с. 21].

Принцип взаимодополняемости стран в достижении общих целей с учетом экономических интересов регулирующих институтов лег в основу концепции функционализма [World Economy Major Trends … , 2023, р. 95], которая также была раскритикована как нереалистичная и наивная, поскольку делала акцент на технократические задачи и не учитывала ментальные, исторические, конфессиональные особенности интегрирующихся стран и их населения [Семак, 2012, с. 22–23]. Либерализация в русле Римских договоров (1957)¹ способствовала концептуальному обоснованию интеграции в рамках неофункционализма, последователи которого, переосмыслив прежние подходы, обосновывали концепцию «управляемой» интеграции с эффектом неизбежного «перелива» интеграционных тенденций из одной сферы в другую [World Economy Major Trends … , 2023, р. 95].

Распространение данных взглядов привело к усилению в 1970–1980-х годах политической компоненты европейской интеграции и «ревитализации» федеративной идеи уже в формате не «Соединенных Штатов Европы», а «Европейского союза» [Бахлов, Бахлова, 2016]. В данном контексте представители неокейнсианства задались вопросом, который до сих пор остается в центре дискурса о МИ, а именно об оптимальном сочетании противоположных политических эффектов интеграции – утраты суверенитета vs максимально возможного сохранения национальной автономии [Семак, 2012, с. 21]. Однако неокейнсианцы (особенно приверженцы дирижистского направления) недооценили значение экономических (рыночных) факторов [Семак, 2012, с. 22], что закономерно ослабило их позиции перед лицом новых экзогенных и эндогенных вызовов 1990–2000-х годов.

Как уже отмечалось, концептуализация интеграционных процессов вплоть до начала 1990-х годов была обусловлена в основном ходом европейской интеграции [World Economy Major Trends … , 2023, р. 95]. Очевидно, что все описанные выше теории и сегодня представляют не только исследовательский, но и (при определенных оговорках их адаптации к современным особенностям) практический интерес для изучения интеграционных процессов в разных регионах мира. Вместе с тем происходящие радикальные преобразования мирового (и в том числе европейского) пространства вносят существенные корректировки в деятельность международных акторов. Это обуслови-

¹ Историю и содержание Римских договоров 1957 г. о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратор) см.: [Римские договоры … , 2022].

ло появление новых теорий МИ [World Economy Major Trends … , 2023, p. 95], учитывающих высокую энтропийность текущей региональной и международной обстановки.

Новые концепции международной интеграции

Следующий этап развития европейских теорий МИ, рубежом которого можно считать подписание Маастрихтского договора о Европейском союзе в 1992 г.¹, ознаменовался стремительным развитием противоречивых процессов (попытки федерализации сменялись подъемом евроскептицизма, а глобализация столкнулась с возрастающим интересом к национальной идентичности европейских стран и пр.), течение которых оказалось детерминировано целым рядом экзогенных (в том числе мировой финансовый кризис, последствия пандемии COVID-19) и эндогенных (в том числе конституционный кризис ЕС, Брексит) факторов, часто крайне негативных².

Все это поставило новые непростые задачи перед исследователями европейской интеграции. Во-первых, Маастрихтский договор послужил импульсом для оживления интереса к идеям федерализма в формате постепенного объединения стран ЕС в федерацию³ [World Economy Major Trends … , 2023, p. 95].

Во-вторых, влияние глобальных процессов на интеграционные структуры потребовало расширенного анализа динамических эффектов интеграции (которые не были учтены в классических европейских теориях МИ), включая эффект создания / отвлечения инвестиций. Соответственно получило развитие новое направление теорий интеграции, в рамках которого обосновывается значимость прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по сравнению с торговлей товарами, а также подчеркивается их технологический и экономический интеграционный потенциал [World Economy Major Trends … , 2023, p. 95].

В-третьих, углубление европейской интеграции за счет включения новых кандидатов с разным уровнем социально-экономического развития и политического устройства обусловило появление концепций, учитывающих их особенности и возможности взаимодействия. В данном контексте сформировался концепт асимметричной интеграции, суть которого сводится к неравномерности скорости, глубины и формы интеграции вследствие межстрановых различий [World Economy Major Trends … , 2023, p. 94]. Корпус ассиметричного подхода составляют концепции разноскоростной и гибкой интеграции (в том числе модели «крепкого ядра» (В. Штойбле)

¹ Договор о Европейском союзе вступил в силу 1 ноября 1993 г. Предысторию, подробности подписания и критерии более подробно см.: [Договор о Европейском союзе … , 2022].

² Более подробно данные факторы см.: [Коровникова, Полторацкая, 2023, с. 120–131].

³ Современные разработчики федералистской теории интеграции противопоставляют федерацию конфедерации (отличие – сохранение государственного суверенитета) и трактуют федерацию как (М. Форсит): 1) наиболее эффективную форму конституционной защиты от военных угроз; 2) гарантию демократического управления, когда власть максимально приближена к населению (демократическая теория); 3) как условие позитивной социальной динамики на общефедеральном наднациональном уровне [Побединский, 2008, с. 213–214].

и «концентрических кругов» Ж. Делора, дополненные понятием «европейского авангарда» [Семак, 2012, с. 23]), а также модели узловой и спицевой интеграции, в которых одна экономически развитая страна и несколько более мелких стран участвуют в интеграционных процессах в качестве «узла» (центра) и «спиц» (периферии)¹. В этом же русле разрабатываются теории «нового управления» интеграционными процессами, и действуют исследовательские программы, цель которых состоит в изучении отдельных аспектов наднационального регулирования и решение связанных с ними проблем [Основные теоретические подходы … , 2023, с. 7].

Для новых концепций в основном не характерны «большие» теоретические конструкции классических подходов, современные модели интеграции больше ориентируются на анализ отдельных аспектов интеграционных процессов [Основные теоретические подходы … , 2023, с. 7]. Однако особого внимания заслуживает монография Д. Лейффена, Б. Риттбергера (Констанцкий университет, University of Konstanz, Германия) и Ф. Шиммельфеннига (Швейцарская высшая техническая школа Цюриха, ETH Zurich, Швейцария) [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022], в которой представлен детальный теоретико-методологический анализ новейших теорий, составляющих своего рода каркас европейской интеграции, а именно: либеральный интергovernментализм, супранационализм, конструктивизм и постфункционализм (табл. 2).

Таблица 2

Новые концепции международной интеграции^{*}

История / представители	Принципы	Теоретические основы	
		1 2 3	
Либеральный межправительственный подход (либеральный интергovernментализм)			
В 1990-х годах Э. Моравчик разработал новую либеральную версию интергovernментализма. В 2000–2010-х годах получил свое развитие «новый межправительственный подход», учитывающий особенности постмастихтской европейской интеграции и объединяющий наднационализм (совещательные нормы принятия решений) с постфункционализмом (давление внутренней политизации). См. ниже.	<ul style="list-style-type: none"> • государства, которые являются центральными акторами в международной политике, взаимодействуют посредством межправительственных переговоров; • внешняя политика государства является результатом внутриполитического процесса и отражает конкретные интересы доминирующих внутригосударственных групп; • международная взаимозависимость предполагает выгоду от сотрудничества, получение которой осложняется сопутствующими трансакционными издержками; ассиметрией распределения 	Rационалистический (неолиберальный) институционализм, который объясняет интеграцию как результат взаимодействия рациональных индивидуальных выборов государств. Допускается четыре объяснительные теории: а) функциональная теория институтов, отражающая то, как международные институты помогают государствам преодолеть проблемы правоприменения и трансакционные издержки международного сотрудничества; б) теория эндогенной торговли, объясняющая политические предпочтения госу-	

¹ В данном ракурсе интересным представляется тот факт, что примерами гибкой, разноскоростной и спицевой интеграции помимо европейского альянса могут служить неевропейские интеграционные объединения, как-то: а) АСЕАН, в котором в зависимости от уровня и перспектив экономического сотрудничества выделяют форматы «АСЕАН 4» и «АСЕАН +6»; б) USMCA (англ. United States-Mexico-Canada Agreement – новое соглашение о свободной торговле между США, Мексикой и Канадой, заключенное в 2018 г. вместо НАФТА), в рамках которого в качестве узловых выступают американо-канадские связи, а менее интегрированных периферийных – канадско-мексиканские отношения; в) Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), в которой менее развитые в экономическом отношении страны имеют особый торговый режим [World Economy Major Trends … , 2023, p. 94–95].

	ления выгод и издержек; различиями правоприменения.	дарств в отношении интеграции (соглашения о свободной торговле vs протекционистская политика); в) теория переговоров, анализирующая результаты переговорных процессов; г) клубная теория ¹ , объясняющая условия расширения и размеры международных институтов.
--	---	--

1	2	3
Супранационализм (наднационализм)		
С конца 1980-х годов наднационализм (У. Сандхольц, А. Стоун Свит) ознаменовал собой серьезное усовершенствование неофункционализма. Новый импульс своего развития получил с началом кризисного десятилетия 2010-х годов.	<ul style="list-style-type: none"> • признание неэффективности односторонних действий национальных государств; • международное сотрудничество необходимо, но его трудно реализовать в анархической системе, поэтому государства соглашаются с международными правилами и создают наднациональные организации; • в качестве самостоятельных международных акторов выступают не только суверенные государства, но и транснациональные и наднациональные структуры, преследующие собственные интересы. 	<p>Исторический институционализм, который отвергает функциональные объяснения институционального выбора в связи с временными и информационными ограничениями деятельности макрополитических акторов.</p> <p>Предполагает такие объяснительные теории, как: а) плюрализм и б) трансакционализм для объяснения поддержки наднациональной европейской интеграции со стороны национальных акторов, а также в) концепции «принципал-агент» и г) «путь зависимости» для обоснования самоусиливающейся динамики интеграционных процессов.</p>
Конструктивизм		
В 1999 г. журнал European Public Policy опубликовал специальный выпуск под названием «Социальное строительство Европы», который сигнализировал о формировании «конструктивистской школы» в изучении европейской интеграции.	<ul style="list-style-type: none"> • социальные (инструментальные и принципиальные) идеи² и коллективная идентичность имеют определяющее значение для интеграционных процессов; • акторы следуют не рациональным принципам стратегического поведения, а «логике уместности»³ и / или «логике аргументации»⁴; <p>интеграция зависит от степени идейного консенсуса между субъектами, участвующими в интеграционных процессах.</p>	<p>Социологический институционализм, который предполагает примат идейных, а не материальных структур.</p> <p>Предлагаются три основные теории, определяющие, как идеи влияют на международные переговоры и институты: а) общественная теория институтов, согласно которой разные международные сообщества с разными коллективными идентичностями, ценностями, нормами и инструментальными идеями создают международные институты с соответствующими им целями, организационными культурами и структурами;</p>

¹ Клуб – это добровольное объединение, извлекающее взаимную выгоду из производства и обмена коллективными благами [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 69].

² Инструментальные идеи связаны с общим пониманием причинно-следственных связей и решением конкретных проблем (например, причины ухудшения состояния окружающей среды и их преодоление и пр.). Принципиальные идеи включают в себя ценности и нормы. Первые описывают желаемые свойства и цели политического порядка (свободы, равенства и пр.), вторые выражают коллективные стандарты надлежащего поведения [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 119].

³ Согласно этой логике, акторы судят об альтернативных курсах действий не по последствиям для их экономической полезности, а по соответствуанию ценостям, нормам, идентичности и / или социальным обязательствам самих акторов [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 119].

⁴ Дискурс, в котором акторы обмениваются аргументами в поисках общепринятой идеи и подходящего образа действий [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 120].

		б) теория аргументации, согласно которой результаты международных переговоров и деятельность международных организаций отражают совокупность доминирующих идей и «силу лучшего аргумента»; в) теория социализации, согласно которой наднациональные организации не просто регулируют деятельность национальных государств, но и конституируют их идентичность и интересы в соответствии с культурой наднационального сообщества.
--	--	---

1	2	3
Постфункционализм		
В статье, опубликованной в «Британском журнале политических наук» в 2009 г., Л. Хуге и Г. Маркс ввели сам термин и представили основы этой теории интеграции.	<ul style="list-style-type: none"> • исходит из постфункциональной логики распределения компетенций в системе многоуровневого управления и предполагает, что политическая власть рассредоточена по многочисленным пространственным и функциональным юрисдикциям; • согласуется с институционалистским предположением о том, что юрисдикции строятся на общих культурных и идентификационных основах; • региональная интеграция обусловлена партийной политикой и общественным мнением граждан интегрирующихся стран. 	<p>Теория демократической сравнительной политики, предполагающая применение концепций: а) многоуровневого управления и разграничения разноуровневых юрисдикций; б) общественного мнения; в) партий и выборов (демократической массовой политики).</p>

* Составлено по: [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 64–177].

Как видно из таблицы 2, две теории (интерговернментализм и постфункционализм) скорее объясняют некоторую дискретность и даже дезинтеграционный потенциал современного европейского пространства. Две другие (супранационализм и конструктивизм), напротив, трактуют интеграцию как прогрессивный, самоусиливающийся за счет рационально-материальных или идеино-аксиологических факторов процесс. Однако можно зафиксировать и общие принципы, которые позволяют задуматься о поиске новой гибридной теории МИ, сочетающей те интеграционные основы, которые наиболее достоверно смогут учесть международные трансформационные процессы, сопутствующие формированию нового полиполярного мирового порядка.

Так, несмотря на существенные расхождения между либеральным интерговернментализмом и супранационализмом, их объединяет то, что они предполагают (ограниченную) рациональность акторов как на страновом, так и на надгосударственном уровне и разделяют позицию, согласно которой национальные правительства являются влиятельными участниками интеграционных процессов, а переговоры служат наиболее эффективным инструментом межгосударственного взаимодействия [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 92].

Вместе с тем эти концепции по-разному обосновывают данные принципы. В рамках интерговернментализма интеграция рассматривается как результат рациональных решений националь-

ных государств, отстаивающих свои внутренние интересы. В отличие от этого концепция супранационализма утверждает, что интеграция может первоначально отвечать внутристранным интересам акторов, но с появлением надгосударственных институтов она закономерно выходит из-под контроля государств. Эту динамику супранационалисты объясняют механизмами функционального (эффекты интеграции в одном направлении создают спрос на интеграцию в других областях) и географического (внешние эффекты в ограниченной группе стран создают спрос на интеграцию в других странах региона) распространения интеграции. Именно они способствуют тому, что новые транснациональные взаимодействия создают все большую потребность в наднациональном регулировании [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 104–105].

Европейские теории МИ, основывающиеся исключительно на рационалистических принципах, не учитывали идеино-аксиологические факторы интеграционных процессов, значимость которых существенно возрастает как под влиянием новых теоретических исследований (в частности, «нового» «дискурсивного» институционализма¹), так и различных кризисов, поразивших ЕС, в том числе кризиса евро, миграционного кризиса и Брексита [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 118]. В данном ракурсе интерес представляет гипотеза конструктивистов о том, что уровень и качество интеграции возрастает по мере укрепления общности и наднациональной институционализации (интеграционных) идей, разделяемых участниками МИ [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 134–136].

Современная практика европейской интеграции доказывает, что ощутимая политизация интеграционных процессов (популяризация евроскептицизма, интенсификация деятельности правых партий) не только сдерживает межправительственные трансакции, теоретизируемые интерговернментализмом, но и противоречит супранационалистическим принципам наднационального строительства [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 144–145]. Это способствует развитию постфункционалистских идей, которыеозвучны конструктивизму в том, что касается значимости идентификационных и идеологических аспектов МИ. Тем не менее, невзирая на общую идейную ориентацию, между конструктивизмом и постфункционализмом имеют место существенные расхождения. Первый исходит из более широкой трактовки и гибкости интеграционных идей, которые культнируются на уровне международных организаций. Второй фокусируется на деятельности национальных партий, разделяющих традиционные идеологии (в первую очередь, националистические и популистские), препятствующие МИ [Leuffen, Rittberger, Schimmelfennig, 2022, p. 145].

¹ Дискурсивный институционализм (основоположника В. Шмидта) обосновывает динамичность институциональных изменений в отличие от статичных представлений традиционных версий неоинституционализма. Более подробно особенности дискурсивного институционализма см.: [Матвеев, 2021, с. 54–55].

Очевидно, что новые европейские концепции МИ охватывают широкий диапазон противоречивых особенностей современного международного контекста, конфликтогенность и энтропийность которого затрагивает не только экономические и политические аспекты МИ, но и ее правовое измерение. В данном ракурсе заметным дополнением европейских достижений в области концептуализации МИ может стать теория правового регулирования обеспечения адаптивности к интеграции, в рамках которой право выступает и как объект, и как средство интеграции [Галушкио, 2023, с. 67]. Представляется, что подобная правовая теория позволит не только учесть многовекторность и турбулентность современных интеграционных процессов, определить предпосылки и перспективы системной совместимости правопорядков интегрирующихся акторов, но и предотвратить многочисленные угрозы международному праву и безопасности в XXI в.

Вместо заключения: предпосылки, риски и перспективы современной международной интеграции

Проведенный анализ позволяет утверждать, что как традиционные (классические), так и новые европейские теории МИ обладают достаточным исследовательским и практическим потенциалом, чтобы служить своего рода «шаблоном» при разработке если не универсальных, то сравнительных теорий интеграции, пригодных для применения в странах разного уровня и направленности развития [World Economy Major Trends ... , 2023, р. 95]. При этом должны учитываться предпосылки, риски и перспективы современных интеграционных / дезинтеграционных процессов.

К числу *предпосылок* интеграции относятся: а) относительно равный уровень социально-экономического развития, а также совместимость финансовых и производственно-хозяйственных механизмов акторов; б) их пространственно-географическая и историко-культурная близость; в) наличие взаимодополняющих структур экономики; г) общность социально-экономических и иных проблем; д) демонстрационный «эффект» успешной интеграции, который привлекает новых потенциальных участников; е) эффект «домино», связанный с негативными для стран-членов последствиями экономической и политической переориентации участников интеграционных объединений на внутрирегиональное или внутриотраслевое сотрудничество, подталкивающими первых на вступление в интеграционные процессы (ярким примером служат соглашения о свободной торговле Венесуэлы и Боливии с Мексикой после ее вступления в НАФТА) [Семак, 2012, с. 35–36].

Как показывает современная практика, участие в международных интеграционных объединениях влечет за собой не только преимущества для стран-участниц, но и серьезные *риски* для их социально-экономического развития и положения на мировой арене. К числу таких рисков относится: а) снижение уровня диверсификации внешней торговли (вследствие интенсификации вза-

имных связей замедляются темпы роста товарооборота стран – членов интеграционных объединений с третьими странами и, соответственно, уменьшается доля торговли с ними; имеет место эффект отклонения торговли¹); б) неблагоприятное влияние структурных изменений в экономике на менее конкурентоспособные национальные отрасли и компании (которые не могут противостоять внешним конкурентам, в результате чего разоряются или переносят производство в другие регионы), что провоцирует рост безработицы в интегрирующихся странах; в) неравномерное распределение благ между странами-партнерами (из-за разрыва в уровнях экономического развития), что усугубляет межгосударственные противоречия; г) утрата части национального суверенитета в случае участия стран в глубоких форматах интеграции; д) доминирование стран-лидеров, которые могут навязывать свои «правила игры» в интеграционном объединении и преследовать собственные геополитические интересы в других регионах, что негативно сказывается на социально-экономическом развитии других стран – участниц альянсов [World Economy Major Trends … , 2023, р. 100–101].

Несмотря на вышеперечисленные угрозы, которые усугубляются высокой степенью напряженности текущей геополитической и геоэкономической ситуации, процессы МИ продолжают активно развиваться. По данным ВТО, за 1995–2021 гг. количество интеграционных соглашений увеличилось в 7,5 раз [World Economy Major Trends … , 2023, р. 99]. Такой рост объясняется очутимыми преимуществами социально-экономического и, в ряде случаев, политического характера, получаемыми их участниками за счет: повышения национальной конкурентоспособности и совместного противостояния глобальным вызовам; «экономии на масштабе» (англ. economies of scale), возможностей модернизации и снижения трансакционных издержек; стимуляции ПИИ; укрепления сотрудничества, формирования благоприятной внешнеполитической среды и предотвращения как эндогенной, так и экзогенной конфронтации [Семак, 2012, с. 35–36].

Специалисты представляют *перспективы* развития процессов МИ следующим образом: рост количества интеграционных мегапартнерств (прежде всего в формате ЗСТ); расширение участия развивающихся стран в интеграционных процессах; возникновение эффекта «миски спагетти» (англ. the spaghetti bowl effect), согласно которому одна и та же страна одновременно участвует в нескольких соглашениях, устанавливающих свои правила торговли и административные процедуры. Ожидается существенное расширение сферы действия интеграционных соглашений: от традиционной торговли товарами и услугами к инвестициям, созданию механизма совместного разрешения споров, а также сотрудничеству в области экологии и защиты прав интеллектуальной собственности [World Economy Major Trends … , 2023, р. 99–100].

¹ «Эффект отклонения торговли» (trade diversion) наряду с «эффектом создания торговли» (trade creation) был введен Дж. Винером (см. выше). Подразумевает угрозу снижения уровня благосостояния и движения в сторону проекционизма интегрирующихся субъектов [Ушкалова, 2017, с. 122].

Несомненно, что совершенствование европейских и альтернативных (неевропейских) теоретико-концептуальных подходов к МИ потребует учитывать вышеперечисленные риски и перспективы, а также ориентироваться на вероятное развитие международных событий.

Список литературы

1. Артеев С.П Изучение европейской интеграции в ИМЭМО РАН // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 1. – С. 94–115. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43106319_19956033.pdf (дата обращения 05.05.2023).
2. Багдасарян К.М. Анализ модели экономической интеграции // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 352–361. – URL: https://www.researchgate.net/publication/336022086_Analiz_modeli_ekonomiceskoj_integracii (дата обращения 02.05.2023).
3. Байков А.А. Международная интеграция в теоретическом дискурсе // Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под. ред. Т.А. Шакleinой, А.А. Байкова. – Москва : Аспект-пресс, 2013. – С. 143–162.
4. Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 38–53. – URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/39/38> (дата обращения 02.05.2023).
5. Бахлов И.В., Бахлова О.В. Факторы и этапы европейской интеграции // Контентус : электронное периодическое издание. – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-i-etapy-evropeyskoy-integratsii> (дата обращения 02.05.2023).
6. Большая политика // Политическая энциклопедия. Национальная энциклопедическая служба (НЭС). – 2004. – URL: <https://politike.ru/termin/bolshaja-politika.html> (дата обращения 10.05.2023).
7. Бугров А.В. Роль государства в европейской интеграции: некоторые теоретические модели // Университет Лобачевского. – 2023. – С. 145–159. – URL: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/18.pdf (дата обращения 03.05.2023).
8. Галушки Д.В. Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Brexit : дис... д-ра. юр. наук: 5.1.5. Международно-правовые науки. – Москва : МГИМО (МИД) РФ, 2023. – 544 с. – URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2023/galushko-dissertaciya.pdf> (дата обращения 01.06.2023).
9. Гаман-Голутвина О.В. Интеграционные процессы в фокусе исследований Андрея Байкова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 184–191. – URL: <https://www.politstudies.ru/article/5123> (дата обращения 01.05.2023).
10. Горизонтальная и вертикальная интеграция: в чем разница? // Финансовая энциклопедия. – 2021. – URL: https://ne_sarakonk.ru/what-difference-between-horizontal-integration-and-vertical-integration/ (дата обращения 05.05. 2023).
11. Декларация от 9 мая 1950 года // Фонд им. Робера Шумана. – URL: <https://www.robert-schuman.eu/ru/doc/questions-d-europe/qe-391-ru.pdf> (дата обращения 05.05.2023).
12. Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор) // РИА Новости. – 2022. – 07.02. – URL: <https://ria.ru/20220207/dogovor-1770825173.html> (дата обращения 01.05.2023).
13. Европейская интеграция : учебник для вузов / О.Б. Александров [и др.] ; под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова. – 2*е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект-Пресс, 2016. – 736 с. – URL: https://mgimo.ru/library/publications/evropeyskaya_integratsiya/ (дата обращения 05.05.2023).
14. Икромов Д.З. Международная экономическая интеграция : учебник и практикум для вузов / под редакцией О.Н. Мисько. – Москва : Юрайт, 2022. – 256 с.
15. Интеграция стран в мировое хозяйство за счет повышения качества подготовки специалистов и кадров высшей квалификации в цифровой среде / И.А. Максимцев, К.Б. Костин, А.А. Березовская, О.А. Онуфриева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 175 с.
16. Карелина М.Г. Анализ и систематизация научных подходов к исследованию интеграционной активности российских холдинговых структур // Статистика и экономика. – 2015. – № 3. – С. 66–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-sistematisatsiya-nauchnyh-podhodov-k-issledovaniyu-integratsionnoy-aktivnosti-rossiyskih-holdingovyh-struktur> (дата обращения 10.05.2023).
17. Коровникова Н.А., Полторацкая А.В. Проблемы и тенденции европейской интеграции в 2016–2022 годах // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 120–131.
18. Костюнина Г.М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 303–317.
19. Курсы // МГИМО Университет. – 2023. – URL: https://mgimo.ru/study/faculty/esi/kint/courses/?PAGEN_1=3 (дата обращения 05.05.2023).
20. Лукашук А.А. Интеграционные процессы в рамках федералистской и неофункциональной теорий // Мировая политика. – 2020. – № 3. – DOI: 10.25136/2409-8671.2020.3.32823
21. Малахова Т.С. Преобразование форм внешнеэкономического взаимодействия между странами мирового авангарда и периферии: оценка интеграционных перспектив // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24, № 8. – С. 1874–1888. – URL:

THEORETICAL DIMENSION OF INTERNATIONAL INTEGRATION: EUROPEAN PERSPECTIVE

Natalia Korovnikova

PhD (Polit. Sci.), Leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: natalia.kor@list.ru

Abstract. The paper presents a system of related concepts («integration» and «disintegration», «regionalization» and «regionalism»), an interpretation of the term «international integration» is proposed. Considers the history, principles and theoretical foundations of classical and new European concepts of international integration. Notes their potential for studying and evaluating non-European models of integration. Lists the main risks and prospects of modern integration processes, which should be taken into account in the course of further development of European and alternative theories of international integration.

Keywords: integration; international integration; european integration; classical and new theories of integration; European Union.

For citation: Korovnikova N.A. Theoretical dimension of international integration: European perspective // Social innovations and social sciences. – 2023. – N 3. – P. 12–33.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.01

ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ТRENДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Ридевский Геннадий Владимирович¹

Кандидат географических наук, доцент, заведующий Отделом социально-трудовых исследований НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Минск, Беларусь, e-mail: ridgeo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы дифференциации и интеграции территорий. Центр-периферийные процессы, включающие в себя поляризацию, фрагментацию (расслоение) и иерархизацию, приводят к формированию полипроблемного, фрагментированного и иерархического географического пространства. В свою очередь интеграционные процессы, в том числе континуализация, агломерирование и конгломерирование, «сшивают» географическое пространство и объективно способствуют переходу к устойчивому и инклюзивному развитию территорий. Совместно процессы дифференциации и интеграции ведут к регионализации географического пространства, т.е. формированию регионов, в границах которых возможно эффективное управление территориальным развитием. Все перечисленные процессы отчетливо проявляются в реальности, что показано на примере развития районов и поселений Республики Беларусь.

Ключевые слова: центр-периферийные процессы; процессы пространственной интеграции; регионализация; пространственные структуры; Республика Беларусь.

Для цитирования: Ридевский Г.В. Центр-периферийные и интеграционные процессы как ключевые тренды трансформации пространственных структур // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 34–52.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.02

Рукопись поступила 30.05.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

¹ © Ридевский Г.В., 2023

Введение

Основная цель настоящей статьи – раскрыть сущность ключевых геопространственных процессов и показать их влияние на развитие пространственных структур современной Беларуси. Эмпирической основой исследования служат данные о системе расселения в республике за несколько последних десятилетий. Поставленная цель предопределила структуру данной работы, в которой приведен как теоретический, так и фактологический материал.

Методологические подходы к изучению геопространственных процессов, сформированные на изучении белорусских регионов [Ридевский, 2020], были апробированы автором также на регионах российско-белорусского приграничья, включающих в себя Псковскую, Смоленскую и Брянскую области России, а также Витебскую, Могилёвскую и Гомельскую области Беларуси, и представлены в ряде коллективных монографий [Российско-белорусское приграничье … , 2012 ; Модернизация и структурные трансформации … , 2018].

Центр-периферийный подход к исследованию географического пространства: к истории вопроса

К числу основных геопространственных процессов, т.е. процессов, протекающих в географическом пространстве, приуроченном к поверхности Земли, следует отнести, вслед за известным советским экономико-географом Э.Б. Алаевым (1925–2001), процессы распространения, которые представляют собой распределение объектов и явлений в географическом пространстве в форме концентрации (стягивания) и деконцентрации (рассредоточения) [Алаев, 1983, с. 89]. Концентрация объектов и явлений проявляется в центрах пространственных структур, деконцентрация – на периферии. В силу этого процессы распространения могут быть названы центр-периферийными процессами (ЦПП).

Изучение ЦПП – один из примеров применения центр-периферийного подхода в научных исследованиях, в рамках которого любая территория рассматривается как дихотомическое (центр – периферия) или трехкомпонентное пространство (центр, периферия и маргинальная полупериферия, сочетающая определенные черты центра и периферии). Центр-периферийный подход можно считать общенаучным методом исследований, сложившимся к началу 1970-х годов XX в. и находящим широкое применение в современных экономических, географических, политических, социологических и исторических работах.

Среди признанных основоположников центр-периферийного подхода чаще всего называют три имени:

- американского социолога Иммануила Валлерстайна (1930–2019) – создателя «мир-системной теории» [Валлерстайн, 2001];
- французского экономиста Франсуа Перру (1903–1987) – автора теории «полюсов роста и центров развития» [Perroux, 1983];
- американского географа и урбаниста австрийского происхождения Джона Фридмана (1926–2017) – применившего концепцию «центр-периферия» к региональному развитию [Friedmann, 1966].

На наш взгляд, к числу творцов центр-периферийного подхода следует отнести еще четырех известных ученых:

- шведского экономиста Гуннара Мюрдаля (1898–1987), лауреата Нобелевской премии по экономике 1974 г., разработавшего концепцию «взаимной кумулятивной обусловленности», которая стала базовой для всех кумулятивных теорий регионального экономического роста с позиций наличия центра и периферии [Myrdal, 1957];
- норвежского политолога и социолога Стейна Роккана (1921–1979), сформулировавшего со своим американским коллегой Сеймуром Мартином Липсетом (1922–2006) теорию «центр-периферийной полярности», в которой центр и периферия рассматриваются как одно из социально-политических размежеваний (кливажей), способствующих государственному строительству [Lipset, Rokkan, 1967];
- шведского географа Торстена Хагерстранда (1916–2004) – автора теории «диффузии инноваций», всегда идущих от центров к периферийным территориям [Haderstrand, 1967].

Говоря о возникновении центр-периферийного подхода, нельзя не вспомнить о предшествующих исследованиях (предтечах), поскольку изучение геопространственных процессов началось задолго до его утверждения в качестве общенаучного метода. Среди ученых, стоявших у истоков зарождения центр-периферийного подхода, следует назвать: Иоганна фон Тюнена (1783–1850), в 1826 г. сформулировавшего представления об экономгеографической зональности, представляющей собой концентрические зоны вокруг городского центра (узлового района) с разной специализацией хозяйства [Тюнен, 1926; Родоман, 2007]; Хэлфорда Джона Маккинdera (1861–1947), предложившего понятие «хартленда» (т.е. центра, или «сердцевины») и периферийных зон (внутренней и периферийной дуг) географического пространства [Mackinder, 1904]; Вальтера Кристаллера (1893–1969), разработавшего на основе изучения сети поселений Южной Германии теорию центральных мест [Christaller, 1967] и Августа Лёша (1906–1945), выдвинувшего теорию организации экономического пространства, базирующейся на выделении центральных мест [Лёш, 2007].

Среди наиболее значимых работ российских специалистов, направленных на развитие центр-периферийного подхода и его применения при изучении региональной динамики, необходимо отметить исследования О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиша [Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991] и М.Ю. Казакова [Казаков, 2020].

Центр-периферийный подход используется в современной экономической науке и социально-экономической географии в рамках трех групп научных теорий: «мир-системного анализа», т.е. теории геоэкономики (новой геополитики); теории регионального развития и государственного регулирования регионального развития (региональной политики); теории городского развития и управления городским развитием [Ридевский, 2020, с. 11–12].

Применение центр-периферийного подхода особенно важно в современных условиях, поскольку практически для всех созданных человеком территориальных систем типичны центр-периферийные свойства. В первую очередь это относится к узловым (нодальным) районам. Каждый нодальный район обладает центром, собирающим и распределяющим потоки вещества, энергии и информации, а также окружающей его периферией [Родоман, 2001]. Поскольку для познания пространства, охваченного ЦПП, деления на центры и периферийные регионы недостаточно, правомерно выделять полупериферийные пространственные структуры. Полупериферия носит переходной характер и имеет черты сходства как с центральными, так и с периферийными территориями. Формирование центра, полупериферии и периферии нодальных районов и их взаимосвязи друг с другом и с окружающим пространством – основа пространственного развития, управление которым представляет собой важную научно-практическую задачу.

Центр-периферийные процессы и их проявления

ЦПП носят многоуровневый характер, т.е. они проявляются на глобальном, национальном, региональном (внутристрановом) и локальном уровнях. Соответственно, ЦПП, протекающие на данных уровнях, могут быть названы процессами олигополизации¹, метрополизации, регионополизации² и локополизации [Ридевский, 2020, с. 34].

В результате ЦПП происходит концентрация населения и экономического потенциала в крупных городах и природопользования в их пригородных зонах, а также концентрация мест расселения и производственной деятельности на окружающих территориях. Объективно развитие ЦПП ведет к поляризации (концентрации / еконцентрации), фрагментации (расслоению) и иерар-

¹ Авторский термин, который перекликается с принятым в экономической науке понятием «олигополия» – определенной моделью рынка с несовершенной конкуренцией, при которой доминирующее положение занимает небольшое число хозяйствующих субъектов. – Прим. ред.

² Термин, предложенный Э.Б. Алаевым в 1983 г., означал процесс роста населения в региональном центре – регионополисе – относительно всей территории региона как одну из форм урбанизации. В данном случае под ним подразумевается поляризация пространства регионов в результате преимущественного развития крупных городов. – Прим. ред.

ханизации (возникновению центра и периферии) пространства. В связи с этим данные процессы могут быть названы частными ЦПП.

В ходе ЦПП формируется неоднородное (за счет поляризации), полипроблемное (из-за фрагментации) и иерархически организованное пространство. Полипроблемность связана с тем, что практически все пространственные структуры под воздействием ЦПП превращаются в проблемные. При этом пространственные структуры центрального типа проблемны прежде всего в экологическом отношении (из-за концентрации в них населения, экономического потенциала, транспортных средств и различных видов природопользования), а периферийные территории – в социально-экономическом и демографическом отношениях.

Фрагментация географического пространства и иерархичность ЦПП способствуют возникновению четырех четко фиксируемых на территории социальных разломов¹: между развитыми и развивающимися странами; между главными городскими центрами (как правило, столичным городом) и всей остальной страной (разлом столица – провинция); между большими городами и мелкогородской и сельской местностью; между городской и сельской местностью. Причем различия между странами, регионами и поселениями по уровню и качеству жизни могут быть такими значительными, что проявляются в качестве проживающего в них населения (половозрастной структуре, уровне здоровья и образования).

Полипроблемность территорий, охваченных ЦПП, ставит задачу перехода к устойчивому и инклюзивному развитию в виде категорического императива дальнейшего развития человечества [Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН … , 2015]. В соответствии с принятой в 1983 г. «Европейской хартией регионального / пространственного планирования» (или Торремолиноской хартии – по названию испанского города Торремолинос, в котором она была принята) управление пространственным развитием является наукой² [Европейская хартия … , 1983]. В практическом плане это направление воспринимается как важная задача государственного управления на разных уровнях: от локального до межгосударственного.

В частности, на основе Торремолиноской Хартии и представлений об устойчивом развитии в 1999 г. была разработана «Европейская перспектива пространственного развития (К сбалансированному и устойчивому развитию территории ЕС)» (англ. European Spatial Development Perspective – ESDP), а в 2002 г. приняты «Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента». Стратегической целью этих документов стало обеспечение социальной сплоченности на основе сбалансированного и устойчивого полицентричного пространственного развития, укрепления местной и региональной демократии, усиления процессов

¹ Социальный разлом – существенные различия в уровне и качестве жизни населения.

² На эту роль может претендовать социально-экономическая география.

европейской интеграции, поощрения развития, генерируемого городскими функциями и совершенствованием взаимоотношений города и деревни и других мер [Пространственное развитие в Европе].

В России в 2019 г. была утверждена Стратегия пространственного развития на период до 2025 г. [Распоряжение Правительства ... , 2019] и соответствующий план ее реализации, а в 2022 г. принято постановление Правительства РФ об утверждении правил согласования и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций [Постановление Правительства ... , 2022]. Похожих документов в Республике Беларусь не существует, хотя некоторое отношение к данному направлению имеет принятая в 2021 г. Государственная программа «Дороги Беларуси» на 2021–2025 гг. [Постановление Совета Министров ... , 2021].

Процессы пространственной интеграции и регионализация географического пространства

Процессы пространственной интеграции (ППИ) способствуют интеграции сельских и городских поселений и приводят к образованию диссипативных пространственных структур (от лат. dissipatio – «рассеяние»), т.е. структур, возникающих в процессе самоорганизации населения [Доманьский, 2010, с. 304]. Диссипативные пространственные структуры¹, в отличие от институциональных, т.е. пространственных структур, имеющих определенный статус и четко установленные границы, не обладают официальным статусом и имеют подвижные и размытые границы.

К числу институциональных пространственных структур могут быть отнесены административно-территориальные единицы разного иерархического уровня, включающие в себя городские и сельские поселения. К числу диссипативных пространственных структур можно отнести: сельско-городские континуумы (СГК), сельские континуумы (СК), городские агломерации (ГА), сельские агломерации (СА), городские конурбации (ГК). Они формируются в результате тесных взаимосвязей разных поселений друг с другом, основой для которых служат ежедневные челночные поездки экономически активного населения [Ридевский, 2022а].

Иногда понятие «городская конурбация» рассматривается в качестве синонима понятия «городская агломерация», но формируются эти пространственные структуры разными ППИ, и поэтому их следует различать. Так считал и шотландский биолог, социолог и градостроитель П. Геддес (1854–1932), впервые употребивший термины «городская конурбация» и «мегалополис» в 1915 г. [Geddes, 1915].

¹ Диссипативные структуры в неравновесных системах, какими и являются системы расселения, впервые стали выделяться бельгийским физиком российского происхождения И.Р. Пригожиным (1917–2003) – лауреатом Нобелевской премии по химии 1977 г. [Николис, Пригожин, 1979].

ППИ также имеют многоуровневый характер и проявляются в виде континуализации, агломерирования и конгломерирования.

Континуализация – так может быть назван процесс, ведущий к формированию СГК и СК, т.е. пространственных целостностей – континуумов. В СГК и СК формируются наиболее тесные связи между поселениями. СГК – аналоги номов Древнего Египта, городов Шумера и Аккада, полисов Древней Греции и Апеннинского полуострова во времена Античности [Николаенко, 1999], городовых областей Ключевского времен Киевской Руси [Ключевский, 2023]. СК исследователями практически не выделяются, но они, безусловно, существуют на тех территориях, где городские поселения отсутствуют. При образовании СК происходит пространственная интеграция только сельских населенных пунктов, один из которых становится центром локальной системы расселения. Спарта – древнегреческий полис, в котором не было городских поселений – типичный пример СК [Кошеленко, 1980].

Исследования СГК достаточно популярны и ведут свои истоки от П. Сорокина [Sorokin, Zimmerman, 1929] и Р. Редфильда [Redfield, 1930]. В современной России их анализом занимался экономист и социолог В.В. Пациорковский (1941–2021) [Пациорковский, 2010 ; Пациорковский, 2012]. К сожалению, изучение СК не привлекает должного внимания. Практически единственным и первопроходческим исследованием СК среди географов на постсоветском пространстве остается статья А.И. Трейвиша [Трейвиш, 2016].

Агломерирование – ППИ более высокого уровня, при котором формируются ГА и СА. Взаимосвязи между поселениями при этом ослабеваются, но доминирующий городской или сельский центр сохраняется. Челночные трудовые миграции сохраняются, но часто связаны с большими и не всегда рациональными временными затратами. ГА включает наиболее тесно взаимодействующие СГК при сохранении доминирования одного из них. В состав СА входят тесно взаимодействующие СК, одно из которых также остается пространственным доминантой.

Конгломерирование¹ – ППИ самого высокого уровня, при этом формируются ГК, т.е. интегрированные системы расселения полицентрического типа, в которые объединяются СГК и в ряде случаев ГА. Крупнейшими ГК являются мегалополисы или мегарегионы (например, Босваш или Северо-Атлантический мегалополис США, Приозерский в США и Канаде и др.), с населением в несколько десятков миллионов человек. Наиболее значительные ГК – это города-регионы, т.е. система городских поселений, охватывающая своим влиянием значительную территорию в сотни и тысячи квадратных километров. В значительных по занимаемой площади ГК ежедневная трудовая

¹ Процессы конгломерирования (от лат. *conglmeratio* – «собирание», «стягивание») – скопление объектов в одно целое, при котором они сохраняют свои черты и свойства [Конгломерация, 2023].

миграция с периферии в основные городские центры становится затруднительной, но широкое распространение приобретает вахтовая и дистанционная трудовая деятельность.

На территории больших стран (к которым относится не только Россия, но и Беларусь) в ходе ЦПП формируются два-три и более внутренних региона, которые могут быть названы, в силу единства процессов расселения, хозяйствования и природопользования, социально-эколого-экономическими районами (СЭЭР) [Ридевский, 2003]. В границах СЭЭР в результате процессов конгломерирования могут возникать ГК национального значения. Эти ГК концентрируют большую и растущую часть населения и экономического потенциала каждого СЭЭР.

Данные обстоятельства позволяют рассматривать СЭЭР в качестве основных результатов регионализации пространства, к которым ведут совместно ЦПП и ППИ. СЭЭР, как и ГК, являются диссипативными пространственными структурами, но выделять их следует с позиции существующего административно-территориального деления, что необходимо в целях организации государственного управления и самоуправления.

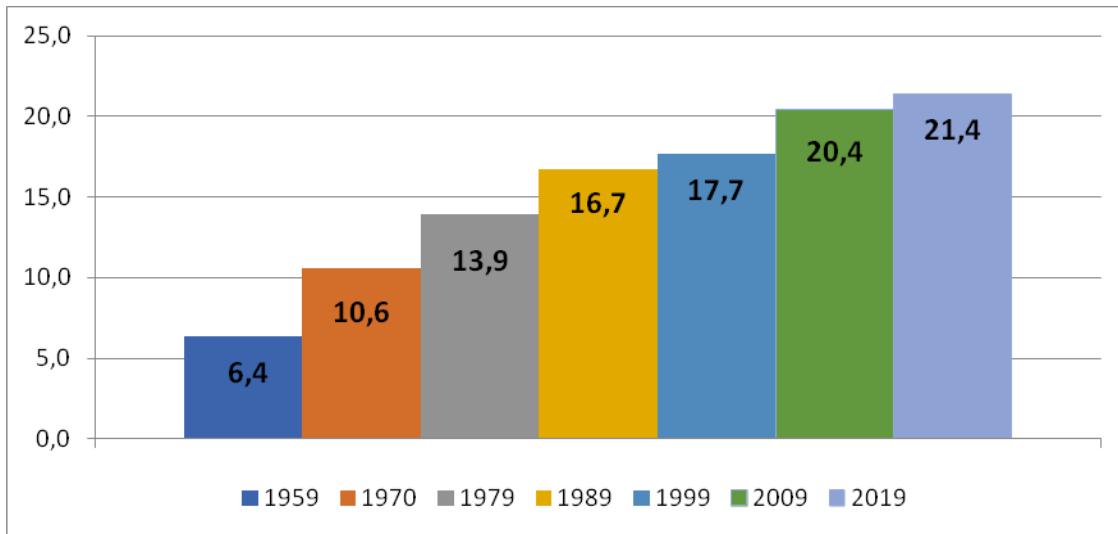
В границах СЭЭР происходит социализация местного населения, формируется его региональная идентичность (пространство принадлежности, по С. Роккану), складываются региональные политические элиты [Rokkan, 1987]. Одновременно регионализация создает основу для пространственной инверсии, под которой в данном случае понимается смена доминирующего тренда в развитии территории.

Республика Беларусь представляет собой идеальный объект для эмпирических исследований процессов пространственного развития. В ее границах активно протекают ЦПП национального, регионального и локального уровней, способствуя поляризации пространства страны, его фрагментации и иерархизации. Одновременно на территории Беларуси развиваются ППИ: континуализация, агломерирование и конгломерирование, а в ходе регионализации сложилась система устойчивых СЭЭР. Результаты эмпирического исследования семи геопространственных процессов применительно к территории Беларуси представлены ниже.

Трансформация пространственных структур Беларуси под влиянием геопространственных процессов

Изучение ЦПП (в том числе метрополизации, регионополизации и локополизации) возможно на основе данных о расселении, поскольку при поляризации пространства демографический и экономический потенциал территории, а также ее экологическое состояние меняются одновременно.

Рисунок 1 наглядно отражает процесс метрополизации, под влиянием которого столица Республики Беларусь – г. Минск – становится все более значимым городским центром страны.

Рис. 1. Доля Минска в численности населения Беларуси, %

Источник: по данным переписей населения 1959–2019 гг.

Система из 15 СЭЭР, сложившаяся в Беларуси к началу 1970-х годов XX в., оказалась достаточно устойчивой и сохраняется до сих пор. Каждый из СЭЭР может быть назван по его главному городскому центру – регионополису (табл. 1). Современный процесс регионализации можно рассматривать как конфигуратор границ СЭЭР.

Таблица 1

**Доля в населении СЭЭР главных регионополисов Беларуси в 1959–2022 гг.
(в их современных границах), %^{*, **, ***}**

СЭЭР	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1978 г.	1999 г.	2009 г.	2019 г.	2022 г.
Витебский	35,2	48,1	57,7	63,8	65,1	70,2	74,1	74,8
Полоцкий**	9,6	21,2	28,4	35,5	39,1	44,4	48,2	49,0
Гродненский	15,4	25,2	34,9	44,6	47,8	55,0	61,0	62,2
Лидский	8,3	13,8	19,7	28,0	31,5	35,7	41,0	42,7
Минский	28,0	40,4	48,7	54,2	55,3	59,8	60,9	60,6
Оршанский	21,9	32,4	37,3	40,8	42,0	45,6	47,5	47,7
Могилёвский	25,7	38,8	51,9	59,6	61,8	66,5	69,0	69,9
Кричевский	6,0	8,7	11,8	14,1	14,5	16,1	17,1	17,3
Барановичский	11,1	18,4	23,7	28,7	30,1	33,8	38,1	38,7
Солигорский*	6,1	9,1	15,6	22,1	24,6	28,3	30,3	30,6
Бобруйский	17,5	22,3	30,0	32,4	32,7	34,9	37,0	37,5
Брестский	14,4	21,6	29,4	38,2	40,2	44,9	48,9	49,7
Пинский	11,0	15,5	21,9	28,5	31,3	34,3	36,5	37,1
Мозырский**	10,1	16,5	24,7	35,5	41,5	45,9	48,3	49,1
Гомельский	26,1	36,7	42,6	55,3	57,7	60,9	63,3	63,6
Все регионополисы	18,9	28,4	37,1	44,1	46,1	51,0	54,4	54,8

* В 1959 г. Солигорский СЭЭР следовало называть Слуцким. Слуцк был главным регионополисом Слуцкого СЭЭР. К началу 1970-х годов XX в. Слуцкий СЭЭР трансформируется в Солигорский и его главным регионополисом становится г. Солигорск.

** В качестве главных регионополисов Мозырского и Полоцкого СЭЭР рассматривались парные города Мозырь–Калинковичи и Полоцк–Новополоцк.

*** Общее число городов-регионополисов в Беларуси – 17. Доля регионополисов в населении соответствующих СЭЭР страны в 2022 г. рассчитана по данным текущего учета населения [Численность населения ..., 2022]. В остальные годы – по данным переписей населения.

Данные таблицы 1 убедительно свидетельствуют о том, что регионополизация в Беларуси проявляется как закономерный процесс, приводящий к перераспределению населения в стране. Если в 1959 г. во всех регионополисах проживало всего 18,9% населения Беларуси, то к началу 2022 г. – уже 54,8%. В 1970 г. в 91 административном районе Беларуси в районном центре проживало менее 30% всего населения соответствующего района. К началу 2022 г. таких районов осталось только семь, при этом в них по нескольку городских поселений (табл. 2).

Единственный в стране метрополис (г. Минск) и все регионополисы по отношению к своим ближайшим пригородам (т.е. на локальном уровне) выступают одновременно как локополисы. Поэтому можно утверждать, что и локополизация – также закономерный процесс трансформации систем расселения Беларуси.

Таблица 2

Группировка административных районов Беларуси по доле населения, проживающего в их административных центрах в 1970–2022 гг.^{*,}**

Группы районов по доли в населении районного центра	Число районов [*]						
	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2019 г.	2022 г.
Более 70%	6	10	14	15	20	22	23
50,1–70%	8	9	15	19	26	40	44
30–50%	12	19	43	52	57	48	44
Менее 30%	91	79	45	32	15	8	7
Всего районов	117	117	117	118	118	118	118

* Население Минска и городов областного подчинения включено в состав районов, которые они возглавляют. Новополоцк включен в состав Полоцкого района. Г. Жодино рассматривался как часть бицентричной городской агломерации Борисов–Жодино и часть Борисовского района.

** Для составления таблицы использовались данные переписей населения 1970–2019 гг. и данные текущего учета населения на начало 2022 г. [Численность населения ..., 2022].

В райцентрах всех типов (метрополисе, регионополисах и иных городских поселениях со статусом райцентра) по переписи 2019 г. проживало 7007,2 тыс. человек, или 74,4% всего населения и 96,0% всего городского населения Беларуси. Поскольку в Минске в 2019 г. проживало 21,4% населения Беларуси, 33,4% – в остальных регионополисах и 19,3% – в иных райцентрах, можно заключить, что наибольшее влияние на трансформацию расселения страны к 2019 г. оказали процессы регионополизации, на втором месте – процесс метрополизации, на третьем – процессы локополизации. Следовательно, процессы метрополизации и регионополизации – важнейшие ЦПП, оказывающие влияние на пространственное развитие Республики Беларусь.

Территориальное преломление социальных разломов (о которых говорилось выше) порождает обособление четырех типов регионов: метрополиса, городов-регионополисов, прочих городских поселений и сельской местности. Фрагментация пространства Беларуси может изучаться путем анализа изменения различных социально-экономических и демографических показателей, отражающих качество и уровень жизни населения, эффективность экономического развития и качество человеческого капитала разных регионов. Продемонстрируем этот процесс на основе одного

показателя – «доли населения с высшим и послевузовским образованием, во всем населении в возрасте старше 10 лет» по материалам переписи населения Беларусь 2019 г.

Рисунок 2 показывает, что самым высоким уровнем образования населения характеризуется Минск и города-регионополисы – это настоящий «командный состав» страны (выражение Н.Н. Баранского, подчеркивающее значимость для развития любого государства его главных городских центров [Баранский, 1960]).

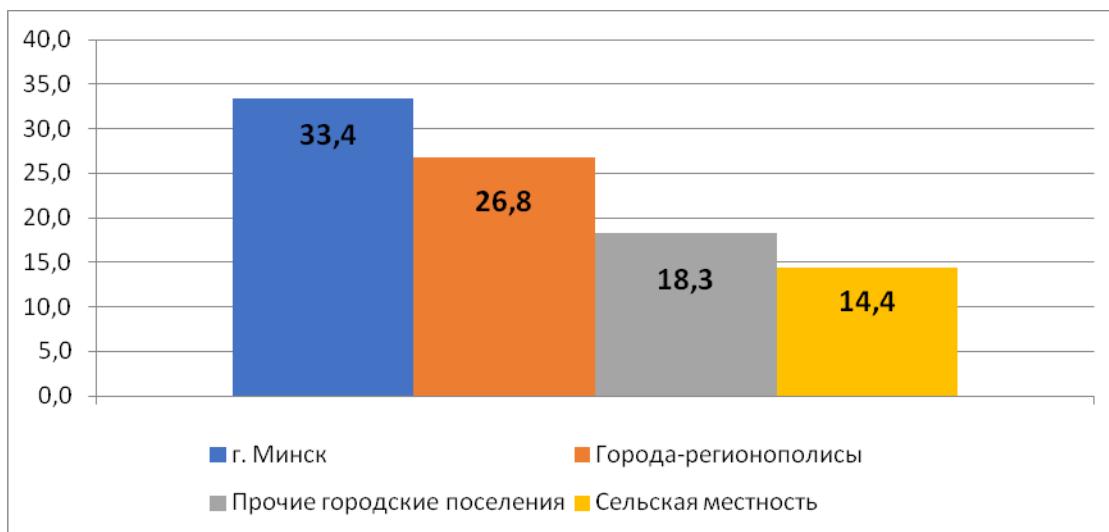

Рис. 2. Доля лиц с послевузовским и высшим образованием в населении Минска, городов-регионополисов, прочих городских поселений и сельской местности в возрасте старше 10 лет в 2019 г., %

Источник: [Итоги переписи ..., 2021].

Протекающие в Беларусь в границах СЭЭР ЦПП дают возможность выделить среди административных районов функционально-иерархические типы: районы экономического ядра (ЭЯ), экономической полупериферии (ЭПП) и экономической периферии (ЭП).

К ЭЯ можно отнести 19 административных районов, включая в их состав Минск и города областного подчинения (при этом Новополоцк входит в состав Полоцкого района, а Жодино – в состав Борисовского района, поскольку образует с Борисовым одну ГА). Центрами районов ЭЯ являются Минск, 14 городов-регионополисов, Калинковичский район (г. Калинковичи часть биценричной Мозырско-Калинковичской ГА), экс-регионополисы Молодечно и Борисов, квазирегионополис Жлобин (рис. 3).

Города Борисов и Молодечно до начала 1970-х годов были центрами Борисовского и Молодечненского СЭЭР, которые в последующем вошли в состав Минского СЭЭР. Жлобин – значимый городской центр, претендующий на роль главного городского центра в Бобруйском СЭЭР.

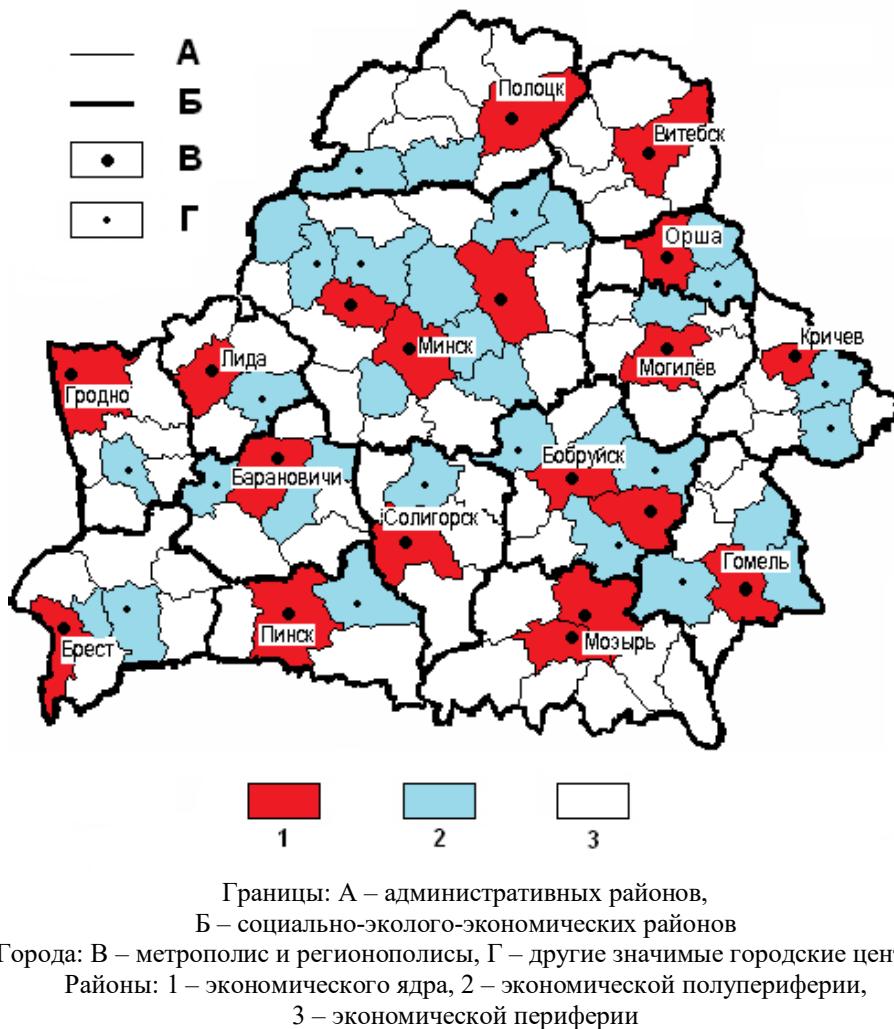

Рис. 3. Распределение функционально-иерархических типов административных районов Беларуси в границах социально-экологического районов

Источник: [Ридевский, 2022 а, с. 124].

ЭПП образуют административные районы нескольких групп (32 района), в том числе:

- территории, центрами которых являются города, не относящиеся к числу регионополисов;
 - территории, центры которых являются городами-спутниками регионополисов; в)
 - территории со специфическими (уникальными) ресурсами, потенциалом и возможностями.
- Оставшиеся 67 административных районов из 118, существующих в Беларуси, – районы ЭП. К ним относится 56,8% всех районов страны, которые занимают 54,0% ее площади.

Таблица 3 убедительно свидетельствует, что районы ЯЭ – подлинный социально-экономический каркас Беларуси. При этом их доля в населении и экономическом потенциале страны год от года растет.

Таблица 3

Вклад функционально-иерархических типов районов в некоторые социально-экономические и экологические показатели Беларуси в 2020 г.*

	Районы экономического ядра	Районы экономической полупериферии	Районы экономической периферии
Число районов	19	32	67
Площадь территории, тыс. км ²	41,5	53,8	112,3
Население на начало 2022 г., тыс. человек	6 296,3	1 479,8	1 479,4
Население на начало 2022 г., %	68,0	16,0	16,0
Уровень урбанизации, %	87,9	64,7	49,9
Плотность населения, человек / км ²	151,7	27,5	13,2
Численность занятых в экономике, %	71,1	14,8	14,1
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, %	85,8	8,9	5,3
Производство промышленной продукции, %	82,0	14,1	3,9
Товарооборот розничной торговли и общественного питания, %	78,7	11,7	9,6
Экспорт товаров, %	82,7	13,0	4,3
Экспорт услуг, %	95,4	3,1	1,5
ПИИ на чистой основе, %	79,4	14,9	5,7
Инвестиции в основной капитал, %	61,2	20,6	17,2
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, %	46,3	31,6	22,1
Сброс сточных вод в поверхностные водные источники, %	70,7	18,0	11,3

*Источник: рассчитано по данным [Численность населения ..., 2022; Статистический ежегодник ..., 2022].

В результате континуализации в Беларуси формируются СГК и СК. На основе дазиметрических¹ исследований в стране выявлено 200 СГК (по числу городских поселений) и 335 СК [Ридевский, 2022а], расположенных вне зон непосредственного влияния городских центров (табл. 4).

Таблица 4

Численность и распределение населения СГК и СК Беларуси*

Территориальные структуры	Городское население		Сельское население		Все население	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
СГК	7300,0	100,0	1679,4	79,5	8979,4	95,4
СК	—	—	434,0	20,5	434,0	4,6
Республика Беларусь	7300,0	100,0	2113,4	100,0	9413,4	100,0

* Источник: [Итоги переписи ..., 2021].

¹ Дазиметрический анализ (от греч. дазиметрия – «измерение густоты») – выявление сгущений расселения, хозяйственной активности или интенсивности природопользования. Подход разработан В.П. Семеновым Тян-Шанским (1870–1942) [Полян, 2014]. При дазиметрическом методе от каждого поселения на определенном расстоянии от центра (малого поселения) или от границ (большого поселения) выделяются пятна сгущения – дазиметрические ареалы – и практически незаселенные территории [Малывкин, 1926]. Границы дазиареалов получили название изодаз, т.е. линий, удаленных на определенное расстояние от поселения. Удаленность изодаз от границ того или иного поселения зависит от численности его населения, путей сообщения, физико-географических факторов.

Достаточно густая сеть городских поселений Беларуси привела к тому, что в зоне непосредственного влияния городских центров проживает 95,4% населения Беларуси, и эта доля растет, поскольку СК теряют свое населения гораздо быстрее, чем большинство СГК.

СГК и СК Беларуси в значительной степени охвачены процессами агломерирования, формируя ГА и СА. При этом некоторые сельские агломерации входят в состав ГА. Это происходит в том случае, если центр СА непосредственно тяготеет к центру ГА, а зона его пространственного тяготения расположена вне непосредственного влияния центра ГА.

Для выделения ГА на основе эмпирических данных были выбраны два основных критерия:

1. Наличие двух и более взаимодействующих городских поселений (СГК), одно из которых можно рассматривать как ядро ГА, а второе (все остальные) как города-спутники.

2. Расстояние между ядром агломерации и городами-спутниками. Предельное расстояние между ядром и городами-спутниками определялось численностью населения главного города агломерации. Если в ядре агломерации проживает до 50 тыс. человек, максимальное расстояние между ядром агломерации и городами-спутниками принято за 15 км, при численности населения в ядре от 50 до 100 тыс. человек – 20 км, при численности населения в ядре от 100 до 300 тыс. человек – 25 км, от 300 до 1000 тыс. человек – 35 км; при численности населения в ядре более 1000 тыс. человек максимальное расстояние между центром и спутниками принято за 50 км.

На основе переписи населения 2019 г. в Республике Беларусь выделено 21 ГА и 82 СА (табл. 5). В состав ГА вошли 63 городских поселения (21 городское поселение – ядра агломераций и 42 города-спутника). Процессами агломерирования были охвачены 31,5% всех городских поселений страны.

Таблица 5

Численность и распределение населения ГА и СА Беларуси*

Пространственные структуры	Городское население		Сельское население		Все население	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
ГА	5314,4	72,8	867,0	41,0	6181,4	65,7
СА	–	–	262,8	12,4	262,8	2,8
СА в составе СГК	–	–	102,4	4,8	102,4	1,1
Самостоятельные СА	–	–	160,4	7,6	160,4	1,7
Республика Беларусь	7300,0	100,0	2113,4	100,0	9413,4	100,0

* Источник: [Итоги переписи ..., 2021].

В числе 82 СА выделяется 53 самостоятельных СА, т.е. расположенных вне СГК (табл. 5, 6). Эти агломерации концентрируют 160,4 тыс. человек, что составляет 37,0% всего сельского населения, проживающего вне СГК. Средний размер СА превышает 3 тыс. человек. СА, расположенные вне СГК, почти в 2,4 раза более населены, чем СК, не охваченные процессами агломерирования.

Шесть СА, с населением более 5 тыс. человек каждая, наиболее значимы для развития сельской местности вне зон влияния СГК. Это Мотольская, Ильянская, Довская, Рубельская, Дивинская и Деревнянская СА. В ряде случаев центры крупнейших СА – бывшие райцентры.

Процессы конгломерирования по отношению к СГК и ГА формируют ГК – системы расселения, сохраняющие свою целостность и самобытность СГК и ГА, непосредственно контактирующие друг с другом. Взаимодействие СГК в границах ГК происходит на расстоянии удвоенного радиуса пригородных зон их центров [Ридевский, 2022а, с. 105].

26 ГК, выделенных в Беларуси по данным переписи населения 2019 г., концентрировали до 90,5% всего населения страны, 95,8% горожан и 72,1% сельских жителей (табл. 6). ГК объединяли 62,8% всех единиц административно-территориального деления первичного уровня и 82,5% всех городских поселений, а также 19 из 21 ГА страны.

Таблица 6

Численность и распределение населения ГК Беларуси*

Пространственные структуры	Городское население		Сельское население		Все население	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
ГК	6991,4	95,8	1524,3	72,1	8515,7	90,5
Пространства вне ГК	308,6	4,2	589,1	27,9	897,7	9,5
Республика Беларусь	7300,0	100,0	2113,4	100,0	9413,4	100,0

* Источник: [Итоги переписи ..., 2021].

СГК, ГА и ГК Беларуси – очень разные по географическому положению, числу входящих в них поселений, численности населения, доле горожан и другим признакам (табл. 7). Города-регионополисы (21 город Беларуси), возглавляющие СЭЭР сегодня или в прошлом (Борисов, Молодечно) и претендующие на эту роль (г. Жлобин), включая части парных, т.е. практически сросшихся городов Полоцк–Новополоцк, Мозырь–Калинковичи, Борисов–Жодино, можно назвать городами национального значения. Эти города формируют 13 ГА и 15 ГК Беларуси.

Таблица 7

Диссилативные пространственные структуры Республики Беларусь национального значения*

21 СГК	13 ГА	15 ГК
Минский, Гомельский, Витебский, Гродненский, Могилёвский, Брестский, Бобруйский, Полоцкий, Барановичский, Пинский, Оршанский, Мозырский, Лидский, Солигорский, Кричевский, Молодечненский, Борисовский, Калинковичский, Жодинский, Новополоцкий, Жлобинский	Минская, Гомельская, Гродненская, Могилёвская, Брестская, Барановичская, Полоцко-Новополоцкая, Бобруйская, Оршанская, Мозырско-Калинковичская, Солигорская, Молодечненская, Борисовско-Жодинская	Центрально-Белорусская, Гомельская, Витебская, Приднепровская, Гродненская, Брестская, Барановичская, Полоцкая, Бобруйская, Мозырская, Солигорская, Лидская, Кричевская, Пинская, Жлобинская

* Источник: [Итоги переписи ..., 2021].

В каждом СЭЭР (кроме Бобруйского) доминирующая в нем ГК концентрирует большую часть населения. Причина исключительности Бобруйского СЭЭР в том, что Жлобин – единствен-

ный город национального значения (квазирегионополис), который не входит в Бобруйскую ГК, формирующую пространственный каркас соответствующего СЭЭР. Находясь в Бобруйском СЭЭР, Жлобин сформировал на юго-востоке этого региона собственную ГК с населением 134,2 тыс. человек [Ридевский, 2022 б].

В связи с процессами континуализации, агломерирования и конгломерирования роль городов национального значения в развитии каждого СЭЭР существенно повышается (табл. 8).

Таблица 8

Доля главных регионополисов и формируемых ими СГК, ГА и ГК в населении СЭЭР Беларуси*, %

СЭЭР	Регионополисы	СГК	СГК и ГА	ГК
Витебский	74,1	80,9	80,9	91,2
Полоцкий	48,2	24,8	53,8	55,3
Гродненский	61,0	67,7	70,4	98,6
Лидский	41,0	47,4	47,4	99,3
Минский	60,9	67,6	74,5	91,1
Оршанский	47,5	55,7	70,3	79,8
Могилёвский	69,0	78,3	82,6	95,1
Кричевский	17,1	20,6	20,6	83,3
Барановичский	38,1	42,7	48,1	60,9
Солигорский	30,3	32,7	35,9	76,2
Бобруйский	37,0	39,9	42,5	49,3
Брестский	48,9	54,9	58,5	76,9
Пинский	36,5	44,8	44,8	56,1
Мозырский	48,3	42,1	58,1	66,1
Гомельский	63,3	71,9	78,3	96,3
Республика Беларусь	54,4	59,3	65,5	83,0

* Источник: [Итоги переписи ..., 2021].

Заключение

Примеры развития пространственных структур современной Беларуси эмпирически подтверждают выдвигаемые теоретические положения.

В их числе – то, что ЦПП и ППИ могут рассматриваться как ключевые и закономерные процессы трансформации пространства. Если в ходе ЦПП происходит его поляризация, фрагментация и иерархизация, то в результате ППИ осуществляется его «сшивание» (посредством континуализации, агломерирования и конгломерирования). Последнее дает возможность в значительной степени нивелировать негативное влияние ЦПП на региональное развитие, т.е. преодолевать объективно воспроизводящийся разрыв между центром и периферией в интересах устойчивого (сбалансированного) и инклузивного развития территорий.

Под совместным влиянием ЦПП и ППИ происходит регионализация пространства. В ходе нее на внутристранным уровне формируются СЭЭР, которые могут рассматриваться как основные объекты региональной политики и государственного управления. Одним из направлений оптимизации управления пространственным (территориальным) развитием служит сближение ин-

ституциональных и диссипативных пространственных структур – при учете эффектов проявления ЦПП и ППИ.

Список литературы

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь. – Москва : Мысль, 1983. – 350 с.
2. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. – Москва : Географгиз, 1960. – 452 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 416 с.
4. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – Москва : Наука, 1991. – 168 с.
5. Доманьский Р. Экономическая география: динамический аспект. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 376 с.
6. Европейская хартия регионального / пространственного планирования (Торремолиносская Хартия) // Хартия от 20 мая 1983 г. – 1983. – 20.05. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902018818> (дата обращения 18.04.2022).
7. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 г. : стат. сб. – Минск : Альтиора Фортэ, 2021. – Т. 2. – 491 с.
8. Казаков М.Ю. Пространственно-экономические системы «центр –периферия»: теоретические основы, диагностика проблем, стратегические направления развития. – Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2020. – 608 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция IX // Куличкинская энциклопедия. – URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch09.htm> (дата обращения 07.03.2023).
10. Конгломерация // Викисловарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 30.05.2023).
11. Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // Вестник древней истории. – 1980. – № 1. – С. 3–27.
12. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. – Москва : Наука, 2007. – 664 с.
13. Маявкин Г.Ф. Что такое «Дазиметрическая карта Европейской России» и как ею пользоваться. Объяснительный текст для лиц и учреждений, имеющих у себя Дазиметрическую карту полностью или отдельные ее листы. – Ленинград : Научно-технический отдел ВСНХ, 1926. – 12 с.
14. Модернизация и структурные трансформации российско-белорусского приграничья / под ред. А.П. Катровского, Ю.П. Ковалёва. – Смоленск : Универсум, 2018. – 376 с.
15. Николаенко Г.М. Херсонес Таврический и его хора // Вестник древней истории. – 1999. – № 1. – С. 97–120.
16. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флюктуации. – Москва : Мир, 1979. – 512 с.
17. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – Москва : ИСЭПН РАН, 2010. – 390 с.
18. Пациорковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 25–34.
19. Полян П.М. Возрождение через столетие? Дазиметрические карты В.П. Семенова-Тян-Шанского и их перспективы в информационном поле XXI в. // Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. – Москва : Новый хронограф, 2014. – С. 144–164.
20. Постановление Правительства РФ от 31.05.2022 № 996 «Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций» // Министерство экономического развития РФ. Документы. – 2022. – 31.05. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/postanovlenie_pravitelstva_rf_ot_31052022_996.html (дата обращения 22.05.2023).
21. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.04.2021 № 212 «О Государственной программе “Дороги Беларусь” на 2021–2025 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2021. – 09.04. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100212> (дата обращения 22.05.2023).
22. Пространственное развитие в Европе. Словарь-справочник. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vasilieva.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide1.htm> (дата обращения 18.04.2022).
23. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Министерство экономического развития РФ. Документы. – 2019. – 13.02. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения 22.05.2023).
24. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // ООН. – 2015. – 25.09. – URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения 18.06.2019).
25. Ридевский Г.В. Социально-эколого-экономическое районирование Республики Беларусь // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии. – Псков : Издательство ПГПИ, 2003. – С. 87–96.
26. Ридевский Г.В. Центр-периферийные процессы и развитие регионов Беларуси. – Минск : БелНИИТ «Транстехника», 2020. – 346 с.

27. Ридевский Г.В. Пространственные структуры современной Беларуси: новая социально-экономическая география страны. – Минск : Бел НИИТ «Транстехника», 2022 а. – 244 с.
28. Ридевский Г.В. Роль городов национального значения и возглавляемых ими систем расселения в развитии регионов Беларуси // Проблемы современной урбанизации : преемственность и новации : сборник статей Международной конференции (Москва, МГУ, 22–23 марта 2022 г.) / сост. А.Г. Махрова. – Москва : Геогр. ф-л МГУ, 2022 б. – С. 12–19.
29. Родоман Б.Б. Метаморфозы российского пространства // Вторые сократические чтения по географии (Плёс, 26–29 мая 2001 г.) / под ред. В.А. Шупера. – Москва : Изд-во УРАО, 2001. – С. 89–98.
30. Родоман Б.Б. Модель Тюнена и теоретическая география // География, районирование, картоиды : сборник трудов. – Смоленск : Ойкумена, 2007. – С. 322–329.
31. Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен : монография / под ред. А.П. Катровского, Ю.П. Ковалёва. – Смоленск : Универсум, 2012. – 288 с.
32. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск : Белстат, 2022. – 390 с.
33. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представлений и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 1. – С. 52–70.
34. Тюнен И. Изолированное государство. – Москва : Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.
35. Численность населения на 1 января 2022 г. и среднегодовая численность населения за 2021 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, городских поселков : стат. бюл. – Минск, 2022. – 30 с.
36. Christaller W. Central Places in Southern Germany. – Englewood Cliffs, NJ, 1967. – 230 p.
37. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. – Cambridge (Mass.), 1966. – 317 p.
38. Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. – London, 1915. – 409 p.
39. Haderstrand T. Innovation Diffusion as Spatial Process. – Chicago ; London, 1967. – 350 p.
40. Lipset S.M., Rokkan S. Party systems and voter alignments : Cross-national perspectives. – New-York : Free press, 1967. – 554 p.
41. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. – 1904. – № 23. – P. 421–437.
42. Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. – London, 1957. – 167 p.
43. Perroux F. A new concept of development : Basic tenets. – London ; Canberra, 1983. – 212 p.
44. Redfield R. Tepoztlan, a Mexican village: a study of folk life. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1930. – 247 p.
45. Rokkan S. The center-periphery polarity // Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt am Main ; New-York : Campus Verl., 1987. – P. 17–50.
46. Sorokin P.A., Zimmerman C.C. Principles of Rural-Urban Sociology. – New-York : Henry Holt and Company, 1929. – 652 p.

CENTER-PERIPHERY AND INTEGRATION PROCESSES AS KEY TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF SPATIAL STRUCTURES

Gennady Ridevsky

PhD (Geograp. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Social and Labor Research of the Labor Research Institute of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus), e-mail: ridgeo@yandex.ru

Abstract. The article deals with the processes of differentiation and integration of territories. Center-periphery processes, including polarization, fragmentation (stratification) and hierarchization, lead to the formation of a poly-problem, fragmented and hierarchical geographical space. In turn, integration processes, incl. continualization, agglomeration and conglomeration, «stitch» the geographical space and objectively contribute to the transition to sustainable and inclusive development of territories. Together, the processes of differentiation and integration lead to the regionalization of geographical space, i.e. the formation of regions within whose boundaries it is possible to effectively manage territorial development. All these processes are clearly manifested in reality, which is shown by the example of the development of regions and settlements of the Republic of Belarus.

Keywords: *center-periphery processes; spatial integration processes; regionalization; spatial structures; Republic of Belarus.*

For citation: Ridevsky G.V. Center-periphery and integration processes as key trends in the transformation of spatial structures // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 34–52

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.02

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК: 332.021:327.56(98)

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.03

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Жилина Ирина Юрьевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, e-mail: irina_zhilina47@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития Арктического совета, более четверти века являвшегося основной платформой сотрудничества арктических государств. Показаны особенности его статуса и структуры, а также направления деятельности и их результаты. Отражено влияние специальной военной операции на Украине на работу Арктического совета и предполагаемые форматы его дальнейшего функционирования.

Ключевые слова: Арктика; приполярные государства; Арктический совет; изменение климата; экологические проблемы; сотрудничество.

Для цитирования: Жилина И.Ю. Международное сотрудничество в Арктике: история и современность // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 53–77.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.03

Рукопись поступила 04.04.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

Введение

К приполярным относятся страны, хотя бы часть сухопутной территории которых находится за полярным кругом, т.е. севернее параллели 66°33'44". В их число входят Дания (за счет Гренландии и Фарерских островов – автономной территории (провинции), входящей в Датское королевство), Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия и Швеция (Рис. 1). В Арктическом регионе проживает около 4 млн человек, в том числе примерно 2,4 млн человек в Российской Федерации. Около 10% населения Арктики относятся к коренным народам Севера [Народы ..., 2022].

Рис. 1. Арктика. Политическая карта

Источник: [Архив ..., 2023].

Борьба за Арктику началась в XX в., когда приполярные государства начали заявлять свои права на арктические территории до Северного полюса. К середине 1920-х годов Арктика была

фактически поделена по секторальному принципу между США, СССР, Норвегией, Канадой и Данией, т.е. странами, имеющими выход к морям Северного Ледовитого океана (рис. 2).

Рис. 2. Секторальное деление Арктики

Источник: [Мозилова, 2021].

После принятия Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) в 1982 г. ситуация изменилась. В соответствии со статьями 57,76 данной Конвенции приполярные государства обладают исключительным правом на разработку недр в пределах принадлежащей им экономической зоны и континентального шельфа [Конвенция Организации ... , 1994], но не могут претендовать на суверенитет над внешнешельфовой зоной – она является открытым морем, в котором, согласно международному праву, все государства мира имеют право на свободное судоходство, свободу рыболовства и научных исследований.

В настоящее время Арктика является регионом, в котором сосредоточены политические, правовые, экономические, военно-стратегические, экологические и социальные интересы не только приполярных, но и географически далеких от Арктики государств.

Повышенный интерес к Арктике является следствием глобального потепления – доминирующей движущей силы многих экологических, экономических и социальных проблем в Арктике. Среднегодовая температура поверхности Арктики (сушки и океана) в период с 1971 по 2019 г. повышалась в три раза быстрее, чем среднемировой показатель за тот же период [Изменение ... , 2021, с. 2]. При этом Арктика влияет на климат Земли в целом, что делает ее глобальным стратегическим регионом, постоянно порождающим новые вызовы [Стрельникова, 2022]. Наряду с открытием, в результате потепления, новых стратегических торговых путей, в частности Северного Морского пути (СМП), привлекательность Арктики обусловлена огромными запасами энергетических ресурсов, минерального сырья, а также значительными рыбными ресурсами [Кадомцев, 2021 ; Дас Кунду, 2017].

По некоторым оценкам объемы неразведанных запасов нефти и природного газа в Арктике составляют порядка 50 млрд т.н.э. (без учета конденсата) [Соколов, 2022, с. 105]. В Арктической

зоне известно 111 месторождений стратегических металлов, находящихся на различных стадиях освоения, в том числе в РФ – 44, в США (Аляска) – 19, в Канаде – 23, в Гренландии – 8, в Норвегии – 6, в Швеции – 9, в Финляндии – 3 [Месторождения … , 2019, с. 82]. Доля Арктики в мировых запасах и добыче основных видов твердых полезных ископаемых представлена в таблице 1.

Таблица 1

Доля Арктики в мировых запасах и добыче основных видов твердых полезных ископаемых (по данным на 2013 г.)^{*}

Полезные ископаемые	Доля в мировых запасах (%)	Доля в глобальной добыче (%)
Никель	10,15	14,25
Кобальт	3,3	11
Медь	0,48	0,6
Цинк	3,8	4,64
Свинец	2,69	2,37
Вольфрам	0,44	4,03
Титан	10,52	4,84
Циркон	1,05	1,76
Золото	3,25	2,87
Серебро	3,72	4,19
Платина	18,931	15,33
Палладий	–	41,24

* Источник: [Месторождения … , 2019, с. 83].

Однако в ближайшем будущем споры о том, кому принадлежат те или иные районы Арктики, кто и где будет добывать энергоресурсы или дискуссии по вопросам проведения морских границ, а также прав на осуществление контроля над СМП будут зависеть не столько от изменения климата, сколько от решений геополитического характера [Дас Кунду, 2017].

Хотя в Арктике с начала 1990-х годов создано множество организаций, обеспечивающих международное сотрудничество¹, основной переговорной площадкой в регионе в течение 25 лет был Арктический совет.

¹ Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР) был учрежден как форум регионального сотрудничества 11 января 1993 г. на встрече министров иностранных дел РФ, Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции в г. Киркинесе (Норвегия). Эти страны, а также Комиссия Европейских сообществ являются его постоянными членами. Великобритания, Германия, Италия, Канада, Нидерланды, Польша, Франция, США и Япония имеют статус наблюдателей. СБЕР действует на двух уровнях: транснациональном и межрегиональном – в рамках Баренцева регионального совета, в который входят 14 регионов-членов из четырех стран. В рамках СБЕР действуют многочисленные рабочие группы в различных секторах, в том числе в области транспорта, экономического сотрудничества, культуры, молодежи и коренных народов [Баренц регион, 2023].

Россия, Норвегия и Исландия участвуют в программе Европейского Союза (ЕС) «Северное измерение» (СИ), служащей платформой для практического сотрудничества в области окружающей среды, транспорта и логистики, культуры, общественного здравоохранения и социального благополучия четырех равноправных партнеров: ЕС, Российской Федерации, Норвегии и Исландии [Что такое … , 2023].

Ассамблея «Арктический круг» – ежегодный форум, служащий открытой платформой с участием правительств, организаций, корпораций, университетов, аналитических центров, экологических ассоциаций, общин коренных народов, заинтересованных граждан и др. «Арктический круг», включающий в себя ежегодную ассамблею в Рейкьявике (Исландия), сателлитные форумы в разных странах и виртуальные инструменты и мероприятия, является крупнейшей структурой для обеспечения международного диалога и сотрудничества в Арктике [Rachold, 2022].

Создание Арктического совета

Фактически начало процессу создания Арктического совета (АС, Совет) положила речь Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в 1987 г. в Мурманске. В своем выступлении он сделал ряд предложений западным странам (создание в Северной Европе безъядерной зоны; организация мирного сотрудничества по рациональному освоению ресурсов Севера; содействие научному исследованию Арктики; принятие мер по охране ОС и др.) [Речь … , 2020].

Предложения М.С. Горбачева были положительно встречены приполярными государствами. В 1989 г. по инициативе Президента Финляндии Мауно Койвисто представители восьми арктических государств (Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии и Швеции) встретились в г. Рованиеми (Финляндия) для обсуждения вопросов защиты окружающей среды (ОС) в Арктике. В последующие годы было проведено еще несколько совещаний, на последнем из которых (в 1991 г.) была принята Стратегия защиты окружающей среды Арктики (англ. Arctic Environmental Protection Strategy, AEPS), учитывающая проблемы, связанные с состоянием арктической экосистемы, вызывающие озабоченность всех приполярных стран.

AEPS определила пять ключевых целей [Стратегия защиты … , 1991]:

- защита арктической экосистемы, включая людей;
- защита, улучшение и восстановление качества ОС Арктики и устойчивое использование природных ресурсов, в том числе местным населением и коренными народами;
- признание и, насколько это возможно, учет традиционных и культурных потребностей, ценностей и практики коренных народов, определенных ими самими и связанных с защитой ОС Арктики;
- регулярный мониторинг состояния ОС Арктики;
- выявление, сокращение и в конечном итоге устранение загрязнения ОС в регионе.

Хотя в AEPS упоминался термин «устойчивое экономическое развитие», основное внимание в ней уделялось экологическим проблемам [Bloom, 1999].

Процесс создания АС, учрежденного как межправительственный форум высокого уровня, завершился подписанием 19 сентября 1996 г. в Оттаве (Канада) министрами иностранных дел восьми вышеуказанных арктических государств его учредительного документа – Оттавской де-

«Арктические рубежи» – ежегодная международная конференция – одна из крупнейших площадок в мире по обсуждению проблем устойчивого развития Арктики. Проводится в г. Тромсё (Норвегия) [Rachold, 2022].

Особое место среди площадок международного сотрудничества в Арктике занимает Арктический экономический совет (АркЭс), созданный в 2014 г. по инициативе и при активном участии Арктического совета [Вылегжанин, Корчунов, Теватросян, 2020, с. 10, 11] в условиях возрастающего интереса бизнеса к перспективам экономического использования пространств (развитие транспортного потенциала) и природных ресурсов (прежде всего арктических недр) [Вылегжанин, Корчунов, Теватросян, 2020, с. 21]. В работе АркЭС участвуют государственные органы, некоммерческие организации, а также хозяйствующие субъекты (юридические и физические лица), в том числе и из неарктических государств, которые вносят или намереваются внести реальный вклад в экономическое развитие Арктического региона [Вылегжанин, Корчунов, Теватросян, 2020, с. 24].

кларации (Декларация). Согласно Декларации, цель АС – обеспечение расширения сотрудничества, координации и взаимодействия между арктическими государствами по общим для всей Арктики вопросам с привлечением объединений арктических коренных народов и других жителей Арктики, особенно по вопросам устойчивого развития и защиты арктической окружающей среды [Декларация … , 2000].

Совет не имеет правового статуса, т.е. не опирается на Договор (подобно Договору об Антарктике 1959 г.), его решения не являются юридически обязывающими. Согласно Декларации, мандат Совета однозначно исключает вопросы военной безопасности. И, как отмечают специалисты, государства-члены «старатально избегают их рассмотрения» [Vidal, 2021]. Таким образом, АС в основном нацелен на защиту ОС и устойчивое развитие. По итогам проведенных исследований он дает рекомендации государствам, т.е. практически исполняет функции регионального управления в этой сфере [Чайтер, 2016, с. 208].

Некоторые специалисты объясняют такой подход стратегией США, в 1990-е годы стремившихся к созданию неформальных организаций по сотрудничеству, которые обеспечивали бы гибкость при обсуждении различных вопросов [Коллинз, 2017]. Другие считают, что арктические государства, в частности Канада и Норвегия, стремившиеся к созданию сильной и амбициозной организации с низким потенциалом антагонизма, ориентировались на развитие кооперативных связей с наиболее сильными странами, в том числе с США и Россией [Landriault, 2022].

Состав и структура Арктического совета

В наследство от подготовительного этапа Совет получил AEPS, четыре рабочих группы по: 1) реализации программы арктического мониторинга и оценки; 2) сохранению арктической флоры и фауны; 3) предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций; 4) защите арктической морской среды. Позднее, в 1998 г., была создана рабочая группа по устойчивому развитию в Арктике, а в 2006 г. – по устранению загрязнения Арктики [Sustainable … , 2023].

В качестве Постоянных участников в АС также вошли Циркумполярный совет инуитов (англ. Inuit Circumpolar Council, ICC), Совет саамов (англ. Saami Council) и Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (англ. Russian Association of Indigenous Peoples Of the North, RAIPON), получившие этот статус в рамках AEPS, и Секретариат коренных народов (англ. Indigenous Peoples' Secretariat, IPS). В 1998 г. статус Постоянного участника был предоставлен Международной ассоциации алеутов (англ. Aleut International Association, AIA); в 2000 г. – Арктическому совету атабасков (англ. Arctic Athabaskan Council, AAC) и Международному совету гвичинов (англ. Gwich'in Council International, GCI) [The history …].

Постоянные участники имеют право участвовать в переговорах и процессе принятия решений в рамках Совета и вносят свой вклад в разные области деятельности АС. Их вовлеченность в проекты и инициативы Совета обеспечивает IPS, имеющий собственный план и бюджет. Секретариат помогает Постоянным участникам представлять свои идеи; обеспечивает их необходимой информацией и материалами; распространяет информацию об их работе в Арктическом совете и за его пределами; оказывает поддержку в осуществлении действий по сохранению и способствованию устойчивому развитию культур коренных народов в Арктике; содействует диалогу и коммуникациям между Постоянными участниками и др. [Indigenous ... , 2023].

В одной из деклараций АС отмечено, что «уникальная роль, которую в нем играют коренные народы Арктики» придает форуму «фундаментальную силу». Такая «инклузивность» обеспечивает принятым решениям трудно оспоримый авторитет и упреждает любые попытки критиковать их за «предвзятость» или «кулуарность» [Яковенко, 2021].

Неарктические страны, правительственные и неправительственные организации участвуют в его работе в качестве Наблюдателей. В настоящее время статус Наблюдателей имеют 13 неарктических стран (Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Польша, Швейцария, Китай, Индия, Республика Корея, Япония, Сингапур); 13 межправительственных и межпарламентских организаций, в том числе Международный совет по исследованию моря, Международная федерация обществ Красного креста и Красного полумесяца, Международная морская организация, Международный союз охраны природы, Программа развития ООН (ПРООН), Программа ООН по окружающей среде, Всемирная метеорологическая организация и др.; 12 неправительственных организаций, в том числе: ассоциация «Оленеводы мира», Международный арктический научный комитет, Всемирный фонд дикой природы¹ и др. [Arctic Council Observers, 2023]. Статус Наблюдателя стремится получить Европейский союз (ЕС)² и ряд других организаций и стран.

Наблюдатели могут участвовать в переговорах, но не имеют права выступать на заседаниях и принимать участие в голосовании. Несмотря на существование определенных критериев для получения статуса Наблюдателя и ограниченности их прав, этот статус весьма привлекателен для ряда неарктических акторов: с одной стороны, он позволяет им участвовать в решении глобальных

¹ В 2023 г. объявлен в РФ сначала иноагентом, а затем нежелательной организацией. – *Прим. ред.*

² В 2013 г. АС в принципе одобрил кандидатуру ЕС на получение статуса постоянного Наблюдателя, но отложил решение вопроса о его предоставлении из-за претензии Канады к постановлению Евросоюза 2009 г., запрещающего импорт мяса и меха тюленя [Семушкин, 2013]. В последующие годы, из-за введенных ЕС в отношении России секторальных санкций в связи с событиями на Украине, к Канаде присоединилась Россия. Тем не менее ЕС представлена возможность наблюдать за работой АС до тех пор, пока министры арктических государств не примут окончательное решение [Arctic Council Observers, 2023]. ЕС активно сотрудничает с АС и вносит свой вклад в его работу: эксперты ЕС участвуют в рабочих группах, ЕС софинансирует ряд проектов АС, например по борьбе с черным углеродом [«Золотое правило ... , 2019].

экологических проблем, с другой – получать выгоду от развития экономического потенциала Арктики. Хотя Наблюдатели и не участвуют в принятии решений, их эксперты или организации часто входят в состав рабочих групп, что повышает научный уровень исследований, отчетности и распространения инициатив АС, в том числе в международных организациях [Ulmer, Clement, 2022], и способствует укреплению его деятельности и авторитета.

В 2013 г. для администрирования деятельности Совета, улучшения внешних коммуникаций и распространения информации о его деятельности, а также общей поддержки работы АС в г. Тромсё (Норвегия)¹ был создан постоянный Секретариат АС [Arctic Council Secretariat, 2023]. В 2016 г. в его состав вошел Секретариат коренных народов (ранее располагался в Копенгагене). Размещение двух Секретариатов в одном месте способствовало обеспечению более тесных контактов между ними, повышению эффективности каждого, оптимизации работы АС в целом, а также усилению институционального и организационного статуса и потенциала Совета.

АС имеет трехуровневую структуру управления: министерский уровень, уровень старших должностных лиц и уровень рабочих групп. Согласно Декларации, решения в АС на всех уровнях принимаются консенсусом, что исключает возможность одних государств навязывать свою волю другим, а исполнение принимаемых решений государствами-членами осуществляется добровольно с учетом конкретных обстоятельств и совместимости с их национальными интересами и государственным суверенитетом [Воронков, Смирнова, 2017, с. 8].

Первый уровень. Председательство в АС осуществляется на ротационной основе – передача полномочий происходит через каждые два года на Министерских сессиях. На них подводятся итоги двухлетней работы Совета, а будущая страна-председатель излагает свою повестку дня на следующие два года.

Страна-председатель отвечает за организацию подготовки Министерских сессий и выполняет иные задачи в соответствии с запросами и указаниями АС [Правила … , 2013, с. 4]. Министры получают отчеты и рекомендации от структур Совета, оценивают состояние прошлой и текущей работы, определяют новые приоритеты и последующую деятельность членов АС, утверждают план работы на следующий период председательства.

Второй уровень. Текущими вопросами деятельности АС занимается Комитет старших должностных лиц (КСДЛ). Как правило, старшими должностными лицами (СДЛ) назначаются высоко-поставленные сотрудники министерств иностранных дел членов АС. На заседаниях КСДЛ, которые проводятся не реже двух раз в год, обсуждается ход реализации текущих проектов, включая научную работу, а также утверждаются новые проекты [Чайтер, 2016, с. 208]. КСДЛ также готовит

¹ До 2013 г. он располагался в стране, осуществляющей председательство в АС.

Министерские сессии и доклад о деятельности органов Совета за двухлетний период [Правила … , 2013, с. 4].

Постоянные члены спонсируют проекты, в которых они хотели бы принять участие. Вносить научный и финансовый вклад во все проекты Совета могут также Наблюдатели. Спонсоры вырабатывают общее видение проекта, определяют цели, конкретные характеристики и результаты, разрабатывают план работы, а также финансирования проекта. Дискуссии между СДЛ и учеными имеют большое значение для формирования консенсуса и принятия Советом обоснованных решений.

Третий уровень – рабочие группы и группы экспертов, центральное место в деятельности которых занимают мониторинг и оценка событий, происходящих в Арктическом регионе. Рабочие группы несут ответственность за выполнение программ¹ и проектов, утвержденных на Министерских сессиях АС. Свой вклад в эту работу вносят эксперты из числа Наблюдателей АС.

Результатом деятельности рабочих групп, реализующих как многосторонние, так и двусторонние проекты в регионе, являются различные документы – комплексные оценочные исследования, руководства, доклады и др. В рамках некоторых рабочих групп действуют временные целевые и экспертные группы, в частности Группа экспертов по черному углероду и метану, которая с 2015 г. занимается оценкой работы Рамочной программы действий Арктического совета по этой проблеме.

Специалисты подчеркивают, что «сила Арктического совета заключается в его структуре и преобладании принципа консенсуса при принятии решений на всех уровнях Совета. Большое значение для формирования решений в АС имеет также участие коренных народов» [Jóhannesson, 2022].

Результаты деятельности Арктического совета

В течение 25 лет основное внимание в своей деятельности АС уделял дипломатическим коммуникациям, экологическим проблемам, устойчивому развитию и расширению научного сотрудничества. В то же время обсуждение перспектив экономического сотрудничества и развития арктических территорий ограничивалось обменом мнениями и определением подходов к решению экономических вопросов. Тем не менее многие эксперты, оценивая деятельность Совета, называли ее «примером дипломатического успеха» [Jóhannesson, 2022].

Несмотря на значительные экономические, социальные и культурные различия стран-членов, практика показывает, что АС обладает способностью гибко реагировать на потребности участни-

¹ Например, АМАР реализует долгосрочную Программу арктического мониторинга и оценки (англ. Arctic Monitoring and Assessment Programme). С момента своего создания в 1991 г. АМАР выпустила серию отчетов и коммуникационных продуктов, в которых подробно описывается состояние климата и загрязнения Арктики, даются научно обоснованные рекомендации по вопросам политики для АС и правительств [Arctic Monitoring … , 2023].

ков, приспосабливаясь к их позициям по тем или иным вопросам. Поэтому Арктика считалась примером добрососедских отношений России с другими членами АС.

В течение двух лет после принятия Декларации члены Совета и Постоянные участники работали над Правилами процедуры (англ. Rules of Procedure), Программой устойчивого развития, а также над новыми мандатами для программ Совета. Эти документы были одобрены министрами иностранных дел стран – членов Совета в 1998 г. [Икалуйтская … , 1998].

В 2000-е годы в Совете усилилась роль неформального объединения – так называемой арктической пятерки («пятерка») – Дании, Канады, Норвегии, России, США¹. Только эти страны, имеющие выход в моря Северного ледовитого океана, обладают правами на разработку ресурсов 200-мильного шельфа и в значительной мере контролируют пути морских перевозок вдоль своих границ (рис. 3).

Рис. 3. Морские зоны в соответствии с UNCLOS

Источник: [Конвенция Организации … , 1994].

В 2008 г. в гренландском городе Илулиссат состоялась конференция по Северному Ледовитому океану, на которой обсуждались вопросы влияния глобального изменения климата на Арктику, охраны морской ОС в регионе, безопасности судоходства в полярных водах, распределения функций между арктическими государствами в области поисково-спасательных работ и другие.

В Илулиссатской декларации, принятой на прошедшей в рамках конференции встрече министров «пятерки» 28 мая 2008 г., были сформулированы общие позиции пяти стран в отношении международно-правового режима Арктики и перспектив регионального сотрудничества. К такому

¹ Первое соглашение между этими странами – Соглашение о сохранении белых медведей – было подписано в далеком 1973 г. в Осло еще Советским Союзом.

решению «пятерку», видимо, подтолкнуло резкое повышение в середине 2000-х годов интереса как самих этих государств, так и ряда нерегиональных игроков, заявивших о своих претензиях, к природным богатствам Арктики. Ссылаясь на то, что Арктика является достоянием всего человечества, они предлагали установить в регионе правовой режим, сходный с существующим в Антарктике, т.е. запретить в регионе военную и хозяйственную деятельность.

Поскольку на встречу не были приглашены три члена АС (Исландия, Финляндия и Швеция), а также Постоянные участники и Наблюдатели, «пятерку» обвинили в сепаратизме и стремлении поделить Арктику между собой [Конышев, Сергунин, 2018].

Фактически же в Илулиссатской декларации «пятерка», подчеркнув свою ведущую роль в защите уникальной экосистемы Арктики, констатирует, что правовое положение Северного Ледовитого океана уже регулируется нормами международного права, в частности Конвенцией UNCLOS, юридически обязательными для всех государств и других его субъектов. «Пятерка» четко заявила, что сохраняет приверженность этим международно-правовым рамкам, а также мирному разрешению любых споров и не видит необходимости в создании нового международно-правового режима для Северного Ледовитого океана.

Учитывая, что кораблекрушения и последующее загрязнение морской среды могут вызвать необратимое нарушение экологического равновесия и причинить серьезный вред местному населению и коренным жителям, «пятерка» обязалась принимать меры для обеспечения защиты и сохранения уязвимой морской среды Северного Ледовитого океана как путем укрепления существующих, так и разработки новых мер по усилению безопасности морской навигации и предотвращению или снижению риска загрязнений, связанных с судоходством в Северном Ледовитом океане.

Учитывая интенсификацию использования вод Северного Ледовитого океана, «пятерка» также обязалась наращивать потенциал поисково-спасательных работ в водах Северного Ледовитого океана в рамках двусторонних и многосторонних соглашений между соответствующими государствами [Илулиссатская декларация … , 2013, с. 206–208].

Юридически обязывающие соглашения. Илулиссатская декларация, фактически заложившая основы для заключения юридически обязывающих соглашений, в последующие годы оказала существенное влияние на деятельность АС.

Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (англ. Agreement on cooperation on aeronautical and maritime search and rescue in the Arctic)¹, заключенное на Министерской сессии в Нууке (Гренландия) 12 мая 2011 г., определило зоны ответственности за проведение поисково-спасательных работ (ПСР) в Арктике для каждого государства-участника.

¹ Вступило в силу для Российской Федерации 19 января 2013 г.

Участники Соглашения обязались обмениваться информацией, которая может способствовать повышению эффективности ПСР, в том числе сведениями о связи; о поисково-спасательных средствах; перечнями имеющихся аэродромов и портов с указанием их функциональных возможностей в плане дозаправки и снабжения и др. Стороны также договорились помогать друг другу в случае необходимости и проводить совместные учения в рамках Соглашения [Agreement on cooperation on aeronautical ... , 2011].

В целях укрепления сотрудничества, координации и взаимной помощи 15 мая 2013 г. на Министерской сессии АС в Кируне (Швеция) члены АС подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (англ. Agreement on cooperation on marine oil pollution preparedness and response in the Arctic, MOSPA)¹.

В соответствии с MOSPA каждая Сторона поддерживает национальную систему срочной и эффективной борьбы с инцидентами, вызывающими загрязнение нефтью (ИВЗ), с учетом специфики деятельности и наибольшей вероятности возникновения ИВЗ для районов, имеющих особое экологическое значение, и включает в себя как минимум национальный план чрезвычайных мер по обеспечению готовности и реагированию на ИВЗ или планы чрезвычайных мер по борьбе с загрязнением нефтью.

Для борьбы с ИВЗ в заранее определенных местах размещается минимальное количество оборудования, соответствующее имеющемуся риску, а также инструкции по его использованию; разрабатываются программы учений для организаций, ответственных за борьбу с ИВЗ, и подготовки соответствующего персонала, планы и средства связи для реагирования на ИВЗ, механизм или договоренность о координации реагирования на ИВЗ с учетом возможности мобилизации необходимых ресурсов. Кроме того, предусматривается регулярное проведение совместных учений по оповещению или передаче вызовов, командно-штабных учений и др. [Соглашение о сотрудничестве в ... , 2016].

ПСР и ликвидация последствий ЧС, относящиеся к сфере военной безопасности, обычно проводятся военными ведомствами. И в этом случае АС проявил гибкость, что в конечном итоге привело к учреждению в октябре 2015 г. в рамках АС независимой от него организации – Арктического форума береговых охран (АФБО, англ. Arctic Coast Guard Forum, ACGF), членами которого являются все восемь приполярных государств.

АФБО ориентирован на оперативное сотрудничество в вопросах, представляющих общий интерес, как то – ликвидация ЧС и ледокольное обеспечение в Арктике. Решения в АФБО принимаются на основе консенсуса. Таким образом, гибкая позиция АС позволила ему обойти положения Оттавской декларации, исключавшей вопросы военной безопасности из сферы деятельности

¹ Вступило в силу для Российской Федерации 25 марта 2016 г.

Совета. Создание АФБО свидетельствовало о готовности приполярных стран к сотрудничеству по некоторым аспектам безопасности в регионе и потенциально могло способствовать укреплению доверия между арктическими странами.

Первые учения стран – участниц форума «Арктический страж» (англ. Arctic Guardian) состоялись в 2017 г. в Исландии. Их целью была проверка взаимодействия между поисково-спасательными подразделениями и службами. Следующие учения – Polaris – в 2019 г. прошли в Ботническом заливе (Финляндия) и были посвящены массовым спасательным операциям, поисково-спасательным работам, аварийной буксировке и реагированию на пожары на борту судов. Эти учения стали частью Недели арктической береговой охраны, мероприятия которой включали первый в истории Семинар арктической береговой охраны в г. Турку (Финляндия).

Из-за ограничений, вызванных пандемией COVID-19, последующие учения «Арктический страж» были проведены онлайн. По сценарию учений, нефтяной танкер и круизное судно столкнулись у северного побережья Исландии [САФУ станет … , 2022].

В рамках Министерской сессии Арктического совета в Фэрбанксе (США) 11 мая 2017 г. министры иностранных дел членов АС подписали Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества (англ. Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation)¹, целью которого является повышение результативности и эффективности научных знаний об Арктике. Ключевыми элементами развития сотрудничества являются более широкий доступ к исследовательским зонам, инфраструктуре, объектам и данным, включая образование, профессиональную подготовку, а также въезд и выезд людей. В Соглашении также подчеркивается важность изучения коренных, традиционных и местных знаний [Соглашение по укреплению … , 2018].

«Пятерка» также инициировала переговоры о предотвращении нерегулируемого промысла в центральной части Северного Ледовитого океана. В июле 2015 г. ее члены подписали соответствующую декларацию, а в ноябре 2017 г. «пятерка» совместно с представителями крупных рыбопромысловых держав – Исландии, Японии, Южной Кореи, Китая, а также ЕС – подписали соглашение о предотвращении нерегулированного промысла в центральной части Северного Ледовитого океана. В соглашении участвуют также инуиты из Канады, Гренландии, Чукотки и Аляски, представленные Циркумполлярным советом инуитов.

Соглашение, запрещающее промышленный вылов рыбы в центральных районах Северного Ледовитого океана (рис. 4), вступило в силу 25 июня 2021 г. Запрет будет действовать как минимум 16 лет – до тех пор, пока не будет собрано достаточно научной информации о запасах и эко-

¹ Вступило в силу для Российской Федерации 23 мая 2018 г.

системе арктического региона и не установлены необходимые механизмы регулирования рыболовства.

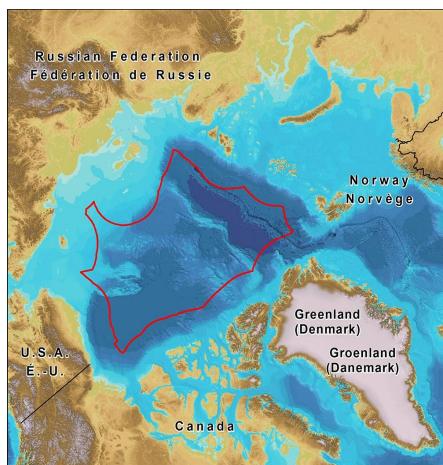

Рис. 4. Район, где будет запрещена рыбная ловля, обведен красной линией.
Фото: Правительство Канады

Источник: [В центральной ... , 2021].

Научно-исследовательская деятельность Арктического совета. Основной научной организацией Арктики является Международный арктический научный комитет (МАНК, англ. International Arctic Science Committee, IASC), учредительное собрание которого состоялось в августе 1990 г. в поселке Резолют-Бей (Канада), после консультаций с арктическими государствами и серии предварительных совещаний. Основополагающие статьи были подписаны представителями научных организаций восьми арктических государств. Представители некоторых научных организаций не-арктических государств участвовали в собрании в качестве наблюдателей, но уже в январе 1991 г., на первом заседании Совета МАНК, научные организации Федеративной Республики Германии, Франции, Японии, Нидерландов, Польши и Великобритании стали полноправными членами МАНК.

В настоящее время в его состав входят научные организации из 24 стран, имеющие одинаковый статус. Миссия МАНК заключается в «поощрении и облегчении сотрудничества по всем аспектам арктических исследований, во всех странах, занимающихся арктическими исследованиями, и во всех районах Арктического региона», а также поддержке передовых междисциплинарных исследований, способствующих «более глубокому научному пониманию Арктического региона и его роли в системе Земли» [Rachold, 2022]. С 2011 г. МАНК оказывает поддержку пяти дисциплинарным рабочим группам, которые руководят разработкой новых инициатив, а также сквозными междисциплинарными мероприятиями [Rachold, 2022].

МАНК не только объединяет научный опыт стран-членов, но и поддерживает тесные партнерские отношения со многими другими арктическими и полярными научными организациями, что помогает МАНК формировать повестку дня арктических исследований.

Лучшим примером деятельности МАНК является экспедиция MOSAiC (Многопрофильная дрейфующая обсерватория для изучения арктического климата, англ. Multidisciplinary drifting Observatory for the Study of Arctic Climate) [Rachold, 2022]. Экспедиция стартовала 20 сентября 2019 г. Немецкий ледокол «Polarstern» был «вморожен» в лед в Центральной Арктике и в течение года дрейфовал вместе со льдиной, следуя по стопам экспедиции Фриттофа Нансена на корабле «Фрам» в 1893–1896 гг. На борту находились ученые из 17 стран, в том числе постоянно – два сотрудника Арктического и антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ) [MOSAiC, 2019].

Для развития научно-исследовательской деятельности АС большое значение имело обсуждение результатов деятельности и заключений рабочих групп АС должностными лицами и политиками на самом высоком уровне. Опыт показывает, что результаты исследований и рекомендации, разработанные учеными и техническими экспертами при участии представителей коренных народов и одобренные КСДЛ, как правило, утверждаются министрами, что повышает вероятность их реализации арктическими государствами [Jóhannesson, 2022].

Фундаментальные научно-технические исследования АС привели к принятию ряда мер, направленных на улучшение охраны ОС и содействие устойчивому развитию Арктического региона. Арктические государства с успехом использовали результаты работы АС для повышения эффективности международных соглашений на соответствующих международных форумах.

Так, в результате мониторинга стойких органических загрязнителей в Арктике были получены убедительные доказательства их негативного влияния на состояние биоты и здоровье населения региона, которые помогли достичь международного консенсуса в отношении Стокгольмской конвенции 2001 г. «О стойких органических загрязнителях», цель которой состоит в охране здоровья человека и ОС от их воздействия. И в Арктике уже наблюдается снижение уровней некоторых веществ, подпадающих под действие этой конвенции.

Работа АС по мониторингу тяжелых металлов в ОС Арктики способствовала разработке Минаматской конвенции по ртути (названной так в память о почти двух тыс. жителей японского города Минамата, пострадавших от отравления ртутью в 1956 г.). Конвенция, принятая в 2013 г. и вступившая в силу в 2017 г., предусматривает сокращение производства продукции, содержащей ртуть (например, некоторых видов люминесцентных ламп и медицинских приборов, включая ртутные термометры), а также вводит ряд ограничений в горнодобывающей отрасли, в сфере кустарной добычи золота, производстве цемента и работе угольных ТЭЦ [16 августа … , 2017].

Оценка арктического морского судоходства, проведенная Советом в 2009 г., послужила основой для разработки Международной морской организацией Полярного кодекса, вступившего в силу 1 января 2017 г. и в настоящее время регулирующего судоходную деятельность в Арктике. В период председательства Исландии (2019–2021) в Совете был принят всеобъемлющий план дей-

ствий по борьбе с морским мусором, с особым акцентом на сокращение загрязнения пластиком [Jóhannesson, 2022].

К сожалению, различные научные организации, работающие длительное время в Арктике, в том числе МАНК, приостановили сотрудничество с Россией, что «отрицательно сказывается на научном сотрудничестве, ставя под угрозу исполнение достигнутых ранее важных договоренностей между арктическими научными центрами и институтами» [Журавель, 2023].

Нерешенные проблемы. Одной из сложнейших проблем членов Совета является проблема границ континентального шельфа. Наиболее лакомым куском шельфа является подводный хребет Ломоносова и его потенциальные месторождения полезных ископаемых, права на которые заявляют Россия, Дания (Гренландия), Канада и США (рис. 5). Отметим, что со второй попытки заявка, представленная Россией в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, одобрена подкомитетом Комиссии в 2019 г., хотя окончательное решение пока не принято [Федосеев, 2019]. Решение по заявке Дании также еще не принято, а Канада свою заявку подала в 2019 г. Многие эксперты считают, что этот процесс растягивается на годы.

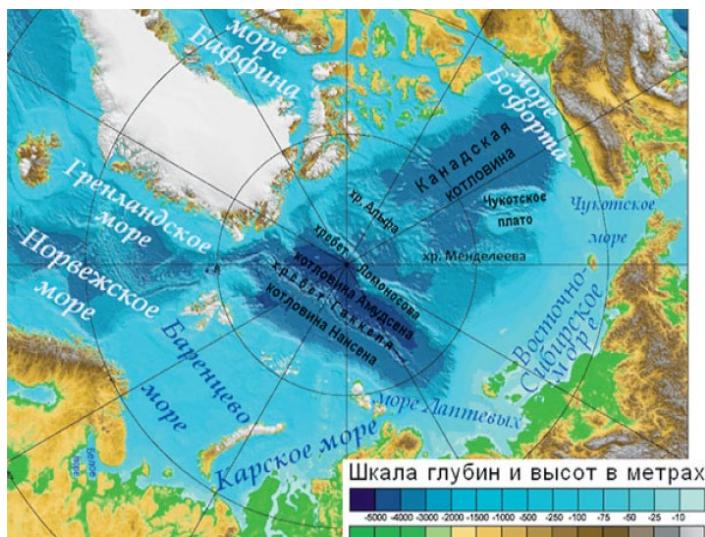

Рис. 5. Хребты Менделеева (левая часть – поднятие Альфа), Ломоносова и Гаккеля

Источник: [Хребет Менделеева … , 2020].

Нарастание противоречий между членами АС началось в 2010-х годах в результате обострения соперничества за контроль над природными ресурсами и транспортными коммуникациями Арктики. В этот период все арктические страны так или иначе усилили свое военное присутствие в регионе. В 2022 г. на территории Арктики находилось 19 военных баз, на которых расположены подразделения стран, входящих в НАТО. На восьми из них дислоцируются подразделения из США, по пять объектов принадлежат Дании и Норвегии, один – Исландии; строится глубоководный порт Ном на территории Аляски [Цифко, 2023], что свидетельствует о потенциальной готов-

ности этих членов АС отстаивать национальные интересы при помощи военной силы [Антушина, 2012, с. 110].

В свою очередь, на севере России развернуты шесть военных баз, укомплектованные современным вооружением и техникой, самая северная из которых – «Арктический трилистник» – находится на Земле Франца-Иосифа [Давыдов, 2021].

Еще в 2012 г. США и страны ЕС ввели политические и экономические санкции в отношении России, а также отдельных лиц и организаций в связи с «делом Магнитского». В 2014 г. после вхождения Крыма в состав РФ санкции были продлены и расширены. В последующие годы антироссийские санкции поэтапно пролонгировались и расширялись, в том числе из-за предполагаемого вмешательства РФ в американские выборы [Антироссийские санкции, 2023]. Несмотря на признание того, что «санкции против России … спровоцировали торговые барьеры, которые мешают развитию бизнеса в государствах Арктического пояса» [Санкции … , 2017], они постепенно стали стандартным ответом практически на все происходящие события [Тимофеев, 2022]. Тем не менее Совет продолжал активно работать в полном составе.

Председательство России в Арктическом совете в 2021–2023 гг.

Пост Председателя Совета на 2021–2023 гг. перешел от Исландии к России на 12-й Министерской сессии АС в мае 2021 г. «Главным приоритетом России в Арктике является устойчивое развитие этого региона при неизменном внимании к интересам и потребностям всего проживающего там населения, включая коренные народы Севера» [Приоритетные проекты … , 2023]. Именно на это нацелены запущенные в период председательства России в АС инициативы и проекты, в том числе по цифровизации культурного и языкового наследия коренных народов Арктики, по созданию международной научной станции на безуглеродной энергии «Снежинка». Во время российского председательства впервые в рамках Совета начали обсуждаться такие темы, как защита прав интеллектуальной собственности коренных народов в условиях глобализации экономической деятельности и социальная ответственность бизнеса перед местным населением Арктики [Приоритетные проекты … , 2023].

Правительство РФ утвердило подробный план основных мероприятий в рамках председательства России в Совете, включавший культурные фестивали, научно-практические конференции, конгрессы, экспедиции, чемпионаты профессионального мастерства, студенческие саммиты, круглые столы, форумы, большинство которых должны были пройти в северных городах России, а также на севере Норвегии.

В связи с 25-летием АС 12-я Министерская сессия Совета утвердила Стратегический план Арктического совета на 2021–2030 гг., в котором были обозначены следующие семь приоритетных целей [Стратегический план … , 2021, с. 3–4]:

1. Борьба с изменением климата.
2. Сохранение здоровья и жизнеспособности арктических экосистем.
3. Сохранение здоровой арктической морской среды.
4. Устойчивое социальное развитие.
5. Устойчивое экономическое развитие.
6. Сбор, анализ и распространение научных знаний, а также традиционных и местных знаний для оказания информационного содействия процессу формирования политики и принятия решений.
7. Укрепление Арктического совета как выдающегося циркумполярного форума высокого уровня для эффективной координации и сотрудничества, и повышение его потенциала в области эффективного реагирования на новые вызовы и возможности, возникающие в Арктике.

В Стратегии также определены стратегические действия, которые Совет намерен предпринять для достижения вышеобозначенных целей [Стратегический план … , 2021, с. 5–13].

Однако вскоре после начала специальной военной операции (СВО) на Украине остальные семь членов Арктического совета объявили о приостановке участия во всех официальных мероприятиях Совета и его вспомогательных органов, а также об отказе направлять своих представителей на заседания Совета, проходящие на территории России, до согласования условий, которые позволяют продолжить работу Совета в сложившихся обстоятельствах [Déclaration … , 2022].

По сути, они нарушили Правила процедуры Совета: решение было принято без консультаций с председательствующей в Совете Россией и Постоянными участниками совета – представителями коренных народов Арктики. Посол по особым поручениям МИД России Николай Корчунов, явившийся в период председательства России в АС Председателем КСДЛ, назвал это решение «политизированным» и «иррациональным» [Россия завершила … , 2023].

В этой непростой ситуации Россия организовала на своей территории в 2022 г. более 40 конференций и других форумов по актуальным вопросам повестки Заполярья, в том числе с международным участием, включая представителей стран БРИКС и специализированных учреждений ООН [Приоритетные проекты … , 2023]. И это только подтверждает, что «эффективное обеспечение устойчивого развития Арктики без России – страны, на долю которой приходится около 60% арктического побережья и где проживает более половины населения региона (2,5 млн человек), – это крайне сложная задача» [Черненко, 2022].

Однако уже 8 июня 2022 г. Правительства семи членов АС заявили о своем намерении возобновить работу в Совете по проектам, которые не предполагают участия России. Они мотивируют свою позицию тем, что указанные проекты, одобренные всеми восемью арктическими государствами на встрече министров в Рейкьявике, являются «жизненно важным компонентом ответственности семи государств перед народами Арктики, включая коренные народы» [Joint statement … , 2022]. Однако ограниченное возобновление реализации проектов, не связанных с

Россией, не означает возвращения к обычной модели работы Совета, основанной на консенсусе, и не дает ответа на главный вопрос – каким семерка видит его будущее?

Нет ответа на этот вопрос и в официально обнародованных Норвегией приоритетах на председательство в АС, которое страна приняла от России в мае 2023 г. Норвегия надеется обеспечить сохранение Арктическим советом роли ведущего международного форума для решения наиболее насущных проблем Арктики. В данном русле министр иностранных дел Норвегии Аннiken Хюйтфельдт (Anniken Huitfeldt) заявила об общности фундаментальных интересов арктических стран, которые отражены в приоритетных направлениях нынешнего председательства Норвегии [Россия передала председательство … , 2023].

Сквозными приоритетами Норвегии в АС являются привлечение молодежи и усиление роли коренных народов в Совете, а четыре ключевых направления ее председательства включают в себя океаны, климат и ОС, устойчивое экономическое развитие, население Севера. При этом, хотя норвежские власти и выражают намерение «содействовать частичному возобновлению сотрудничества с Россией», по словам Хюйтфельдт, «нормальное взаимодействие с нынешним российским режимом невозможно» [Черненко, 2023], поэтому возникает закономерный вопрос, насколько реально будет достигать обозначенные цели без участия России.

Взаимодействие затруднено давними противоречиями Норвегии и России в зоне Шпицбергена¹. У России на Шпицбергене три поселка: действующий Баренцбург, а также два законсервированных – Пирамида и Грумант. В Баренцбурге работают шахта, теплоэлектростанция, порт. Есть больница, детский сад, школа и музей. Здесь живут полтысячи человек: шахтеры, учителя, ученые-геофизики, геологи, археологи, биологи, гляциологи, географы. Как только Россия стала развивать свое присутствие на Шпицбергене, Осло начало прибегать к ограничительным мерам в виде регламентов и нормативов, которые не позволяли строить новые дома, а также использовать авиатехнику, которая из-за неэкологичного топлива наносит ущерб ОС, и т.д. В конечном итоге Норвегия ввела ограничения на использование вертолетов российскими научными организациями, что фактически не позволяло им проводить полевые исследования. У российских ученых возникают проблемы и с визами, и с переездами, и с разрешениями на свою деятельность [Норвежский выпад … , 2022].

¹ Международно-правовой статус архипелага Шпицберген определяется так называемым Шпицбергенским трактатом, подписанным 9 февраля 1920 г. в Париже. Над Шпицбергеном устанавливался суверенитет Норвегии, государствам-участникам договора предоставлялось равное право на эксплуатацию естественных ресурсов Шпицбергена и его территориальных вод. Территория Шпицбергена – демилитаризованная зона. Договор о Шпицбергене вступил в силу в его нынешнем виде 14 августа 1925 г. СССР официально присоединился к нему 7 мая 1935 г. В настоящее время в договоре участвуют 46 государств, однако хозяйственную деятельность на Шпицбергене ведут только Норвегия и Россия. Единственным российским хозяйствующим субъектом на архипелаге стал ФГУП «Государственный трест “Арктикуголь”» [Васильев, 2020].

Кроме того, Осло, руководствуясь санкциями Евросоюза, закрыл единственный пункт пропуска между Россией и Норвегией – Стур-Скуг. В июне 2022 г. там скопилось уже 20 т товаров, в том числе 7 т продовольствия для жителей Шпицбергена. Блокада – политическое решение Норвегии, а также очевидное нарушение международного законодательства, поскольку Норвегия не пропускает даже продукты питания и лекарства.

Норвегия также ужесточает контроль за российскими рыболовными судами. Ограничения на заход в порты Норвегии российских рыболовных судов валовой вместимостью более 500 т вступили в силу 14 октября 2022 г. Российским судам разрешен заход только в порты Тромсё, Киркенес и Ботсфьорд. А. Хюитфельдт подчеркивает, что таким образом Норвегия не будет использоваться «в качестве транзитной страны для незаконной перевозки товаров в Россию через норвежские порты». Кроме того, полиция усилит патрулирование в трех указанных портах [Норвегия ужесточает … , 2022].

Наконец, Норвегия закрыла для РФ построенное в 2008 г. Всемирное хранилище семян на Шпицбергене, в котором собственный отсек получило каждое государство планеты. Средства в создание хранилища вложила Норвегия – порядка 9 млн долл., текущие затраты несла Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). В ответ Россия предприняла шаги по развитию созданного в Якутии еще в советское время криохранилища российского семенного материала [Норвегия закрыла … , 2023].

В этой ситуации будущее Арктического совета весьма неопределенno, поскольку оно в значительной мере зависит от комбинации двух ключевых параметров – темпов восстановления мировой экономики и степени конфликтности международных отношений на период до 2030 г. Темпы посткризисного восстановления мировой экономики – ключевой фактор, который обуславливает как финансовые возможности стран по включению в реализацию международных проектов в Арктике, так и экономические потребности в них, в то время как степень конфликтности международных отношений, в том числе напряженности в отношениях между Россией и странами Запада, определяет различный уровень функциональности институтов и расхождения интересов ключевых участников системы многостороннего сотрудничества в регионе [Многостороннее … , 2023, с. 11].

Вместо заключения: сценарии сотрудничества в Арктике

С учетом двух вышеназванных ключевых параметров эксперты НИУ ВШЭ разработали четыре возможных сценария выхода из текущего экономического и геополитического кризиса [Многостороннее … , 2023, с. 12].

Сценарий 1-й – «Арктическая перезагрузка» – предполагает наиболее активное развитие международного сотрудничества в Арктическом регионе, что будет способствовать заключению новых международных соглашений в Арктике, привлечению инвестиций в существующие проек-

ты и рабочие группы АС, и, возможно, созданию новых рабочих групп. Совет может сохранить за собой роль ведущей организации в регионе, что в перспективе создаст условия для оформления АС как международной организации.

Россия вновь может получить возможность участвовать в ключевых структурах арктического многостороннего сотрудничества, а также укрепить партнерские отношения с Китаем и Индией. При этом международное сотрудничество выйдет за рамки защиты ОС и борьбы с изменением климата в арктическом регионе, поскольку будут создаваться условия для экономического, социокультурного сотрудничества, в том числе поддержки коренных и малочисленных народов Севера, трансфера технологий, проведения совместных научных исследований и экспедиций, улучшения качества здравоохранения в регионе и развития арктического туризма.

Быстрое восстановление мировой экономики откроет возможности для осуществления крупных проектов, прежде всего в энергетике, в том числе возобновляемой, цифровизации, распространении телемедицины, развитии инфраструктуры, а также реализации транспортно-логистического потенциала региона, особенно наращивания грузоперевозок по Северному морскому пути, и развития портовой инфраструктуры.

Сценарий 2-й – «Изоляция России» – подразумевает быстрое восстановление мировой экономики в условиях высокой конфликтности международных отношений, что приведет к исключению России из ключевых площадок сотрудничества в Арктике и снижению их функциональности, включая АС. Вероятно, часть проектов, в том числе рабочих групп АС, будет осуществляться без участия России.

Предполагается, что круг приоритетов сотрудничества в Арктике сузится, и в большей степени будет охватывать политически-нейтральные вопросы устойчивого развития, включая защиту ОС, сохранение арктических экосистем и поддержку коренного населения, а также научное сотрудничество, необходимое для изучения изменения климата и борьбы с этим в регионе.

Сценарий 3-й – «Арктика без границ» – предполагает медленное восстановление мировой экономики и низкую конфликтность международных отношений, что для России будет проявляться в относительно слабом санкционном давлении и ее возвращении в форматы сотрудничества в Арктике. Действующие механизмы партнерства в регионе – АС, СБЕР и другие – продолжат функционировать. Однако в условиях слабого восстановления мировой экономики сузятся возможности для создания новых рабочих групп, нацеленных на отдельные проблемы социально-экономического развития региона, а также для заключения новых масштабных отраслевых соглашений. Работа по уже начатым проектам продолжится, однако со сравнительно меньшим объемом финансовой поддержки, чем в сценарии 1-м.

Благодаря низкому санкционному давлению, в этом сценарии у РФ могут появляться возможности для продвижения своих интересов и повестки на международных площадках в Арктике.

Сценарий предполагает широкие возможности для социокультурного взаимодействия в регионе, технологического трансфера, исследований арктических экосистем и осуществления арктического мониторинга.

Сценарий 4-й – «Застой сотрудничества в Арктике». В этом сценарии, характеризующимся медленным восстановлением мировой экономики и высокой конфликтностью международных отношений, ожидается слабое развитие сотрудничества в Арктике, а также снижение эффективности многосторонних проектов, инициатив и платформ. Существующие проекты будут приостановлены, а новые инициативы, вероятно, не будут реализованы. Россия, в силу ее изоляции, не будет участвовать в проектах.

Роль международных институтов и площадок значительно снизится, поскольку обособление России закрывает возможность полноценного и многостороннего сотрудничества арктических государств. Страны все меньше будут рассматривать международные платформы как способ борьбы с вызовами устойчивого развития в Арктике. Неарктические государства будут вовлечены в многостороннее сотрудничество в Арктике в еще меньшей степени, чем ранее. Подробнее см.: [Многостороннее … , 2023, с. 16–23.]. Какой из этих сценариев будет реализован, покажет только время.

Список литературы

12. Декларация об учреждении Арктического Совета от 19 сентября 1996 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2000. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901880137> (дата обращения 10.01.2023).
13. Журавель В.П. Санкции Европейского союза и США против России в Арктическом регионе, проблемы противодействия // Региональная энергетика и энергосбережение. – 2023. – № 1. – С. 2. – URL: <https://www.institut-teofeuurope.ru/images/news/032023/Zhuravel.pdf> (дата обращения 25.03.2023).
14. «Золотое правило Арктического совета – не привносить в его работу политические конфликты извне» // Коммерсантъ. – 2019. – 11.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3940235> (дата обращения 15.06.2021).
15. Изменение климата в Арктике, обновление 2021: основные тенденции и воздействия // Amap.no. – 2021. – 16 с. – URL: <https://www.amap.no/documents/download/6887/inline> (дата обращения 02.02.2023).
16. Икалутская декларация по случаю Первой Министерской сессии Арктического совета 17–18 сентября 1998 года, Икалут, Канада // Arctic council. – 1998. – 17–18 сентября. – 9 с. – URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/86/%D0%98%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%83%D0%8B%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%201998.pdf?sequence=6&isAllowed=y> (дата обращения 20.10.2022).
17. Илулиссатская декларация пяти государств, прибрежных к Северному Ледовитому океану (2008 г.) // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия : в 3 томах / Рос. совет по межд. делам ; под общ. ред. И.С. Иванова. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – С. 206–208. – URL: <https://mgimo.ru/upload/docs/7/Arcctic%20Anthology%20Vol%203.pdf> (дата обращения 20.03.2023).
18. Кадомцев А. Россия, США и КНР усиливают позиции в Арктике // Международная жизнь. – 2021. – 16.03. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29418> (дата обращения 02.02.2023).
19. Коллинз Дж. Арктика в период геополитических перемен: оценка и рекомендации // Россия в глобальной политике. – 2017. – 06.10. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/arktika-v-period-geopoliticheskikh-peremen-oczenka-i-rekomendacii/> (дата обращения 05.01.2023).
20. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // Консультант плюс. – 1994. – 23.07. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (дата обращения 05.01.2023).
21. Конышев В., Сергунин А. Арктика – 2018: жив ли дух Илулиссатской декларации? // РСМД. – 2018. – 07.06. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-2018-zhiv-li-dukh-ilulissatskoy-deklaratsii/> (дата обращения 06.05.2021).
22. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Сотрудничество приарктических государств в области предотвращения чрезвычайных ситуаций и поисково-спасательных работ: проблемы и перспективы // Арктика и Север. – Архангельск, 2014. – № 15. – С. 43–44. – URL: <http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/113/03.pdf> (дата обращения 06.05.2021).
23. Месторождения стратегических металлов арктического региона / Волков А.В., Бортников Н.С. [и др.] // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. – 2019. – № 16. – С. 80–84. – URL: <http://geoksc.apatity.ru/images/stories/Print/Fersman/FNS.2019.16.016.pdf> (дата обращения 15.02.2023).
24. Многостороннее сотрудничество в Арктике сквозь призму международных арктических организаций: ситуационный анализ / Росконгресс. – 2022. – 30.11. – 31 с. – URL: https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/medialibrary/7b4/hw1h7z3sl51a922xc3vjufzbw5g9758o/mnogostoronnee_sotrudnichestvo_v_arktike_skvoz_prizmu_mezhdunarodnyh_arkticheskikh_organizatsiy_situatsionnyy_analiz_r.pdf (дата обращения 14.02.2023).
25. Мозилова Н. Битва за Арктику: чем так привлекательны заполярные территории // Русское географическое общество. – 2021. – 21.05. – URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/bitva-za-arktiku-chem-tak-privlekatelny-zapolyarnye-territori> (дата обращения 15.10.2022).
26. Народы Арктики // Arctic council. – URL: <https://arctic-council.org/ru/explore/topics/arctic-peoples/> (дата обращения 01.12.2022).
27. Норвегия закрыла для России «хранилище судного дня» – но и эта санкция напрасна // Vostok.Today. – 2023. – 05.01. – URL: <https://vostok.today/44413-norvegija-zakryla-dlja-rossii-hranilische-sudnogo-dnya-no-i-jeta-sankcija-naprasna.html> (дата обращения 25.02.2023).
28. Норвегия ужесточает контроль за российскими рыболовными судами и закрывает для них порты // Фонтанка. ру. – 2022. – 06.10. – URL: <https://www.fontanka.ru/2022/10/06/71714945/> (дата обращения 10.12.2022).
29. Норвежский выпад: россиянам устроили блокаду на Шпицбергене // Вести. ру. – 2022. – 25.06. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2814821> (дата обращения 10.12.2022).
30. Правила процедуры Арктического Совета : перевод с английского // Arctic council. – 2013. – 15.05. – URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/782/MM08_Arctic_Council_Rules_Of_Procedure_Rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 12.12.2022).
31. Приоритетные проекты председательства России в Арктическом совете обсудили на VIII Международной конференции «Арктика: устойчивое развитие» // Росконгресс. – 2023. – 06.03. – URL: <https://roscongress.org/news/prioritetnye-proekty-predsedatelstva-rossii-v-arkticheskem-sovete-obsudili-na-viii-mezhdunarodnoj-ko/> (дата обращения 15.03.2023).
32. Речь товарища Горбачева М.С. Часть 4. // Helion. – URL: <https://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-4/> (дата обращения 10.08.2020).

33. Россия завершила председательство в Арктическом совете // Арктический совет. Председательство России. – 2023. – 12.05. – URL: https://arctic-council-russia.ru/news/oficial/rossiya_zavershila_predsedatelstvo_v_arkticheskem_sovete/ (дата обращения 13.05.2023).
34. Россия передала председательство в Арктическом совете Норвегии // Морские вести России. – 2023. – 12.05. – URL: <https://morcesti.ru/news/1679/102579/> (дата обращения 13.05.2023).
35. Санкции против России мешают развитию бизнеса в странах Арктического пояса // PrimaMedia.ru. – 2017. – 28.11. – URL: <https://primamedia.ru/news/649358/> (дата обращения 04.01.2023).
36. САФУ станет площадкой для встречи экспертов Арктического форума береговых охран // Правда Севера. – 2022. – 08.02. – URL: <https://pravdasevera.ru/2022/02/08/620238a56232ca7b192171a2.html> (дата обращения 01.03.2023).
37. Семушин Д. Евросоюз рвется к арктическому сырью: заседание Арктического совета в Кируне // Regnum. – 2013. – 18.05. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1660146.html> (дата обращения 15.06.2021).
38. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике от 12 мая 2011 года // Официальное опубликование правовых актов. – 2013. – 30.01. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201301300026?index=1&rangeSize=1> (дата обращения 10.01.2023).
39. Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике от 15 мая 2013 года // Официальное опубликование правовых актов. – 2016. – 12.04. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499065181> (дата обращения 10.01.2023).
40. Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества от 11 мая 2017 года // Официальное опубликование правовых актов. – 2018. – 23.05. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805230001> (дата обращения 10.01.2023).
41. Соколов А.Н. Энергопереход в Арктике: возможности и проблемы синей экономики // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 2. – С. 101–116.
42. Стратегический план Арктического совета на 2021–2030 годы / Arctic council. – 2021. – 20.05. – 13 с. – URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_strategic-plan-RU.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения 01.03.2023).
43. Стратегия защиты окружающей среды Арктики // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 1991. – 14.06. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902061#:~:text=Целями%20стратегии%20защиты%20окружающей%20среды,населением%20и%20коренными%20народами%20Арктики.> (дата обращения 01.03.2023).
44. Стрельникова И.А. Сотрудничество ради устойчивого развития Арктики: возможно ли оно в новых геополитических реалиях и с кем? // Росконгресс. – 2022. – 27.12. – URL: <https://roscongress.org/materials/sotrudnichenstvo-radio-ustoychivogo-razvitiya-arktiki-vozmozhno-li-ono-v-novykh-geopoliticheskikh-real/> (дата обращения 15.01.2023).
45. Тимофеев И. История ограничений: почему санкции против России были всегда // Газета. ru. – 2022. – 03.03. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/03/03/14596663.shtml> (дата обращения 01.03.2023).
46. Федосеев Л. Подкомиссия ООН подтвердила принадлежность территорий по заявке России на шельф в Арктике // ТАСС. – 2019. – 03.04. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6290153> (дата обращения 05.03.2023).
47. Хребет Менделеева имеет континентальный фундамент // Русское географическое общество. Краснодарское региональное отделение. – 2020. – 30.04. – URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/hrebet-mendeleeva-imeet-kontinentalnyy-fundament> (дата обращения 15.02.2023).
48. Цифко Г. Холодное безмолвие. За что идет конкуренция между великими державами в Арктике // Baltnews. – 2023. – 19.02. – URL: https://baltnews.com/Russia_West/20230219/1025879193/Kholodnoe-bezmolvie-Za-chto-idet-konkurent-siya-mezhdru-velikimi-derzhavami-v-Arktike.html (дата обращения 28.02.2023).
49. Чайтер Э. Участие России в работе Арктического совета // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 205–223. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-rossii-v-rabote-arkticheskogo-soveta> (дата обращения: 27.02.2023).
50. Черненко Е. Арктику передали викингам. Как Россия завершила непростое председательство в Арктическом совете // Коммерсантъ. – 2023. – 11.05. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5979223> (дата обращения 12.05.2023).
51. Черненко Е. Семеро одного то ли ждут, то ли уже нет // Коммерсантъ. – 2022. – 17.05. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5355496> (дата обращения 01.03.2023).
52. Что такое «Северное измерение»? // Northern Dimension. – URL: <https://northerndimension.info/ru/glavnaya-stranitsa/> (дата обращения 01.01.2023).
53. Яковенко А. Арктическому совету исполнилось 25 лет // Российская газета. – 2021. – 26.10. – URL: <https://rg.ru/2021/10/26/arkticheskому-sovetu-ispolnilos-25-let.html> (дата обращения 20.12.2022).
54. Agreement on cooperation on aeronautical and maritime search and rescue in the Arctic // Arctic Council. – 2011. – 12.05. – URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/531/EDOCS-3661-v1-ACMMDK07_Nuuk_2011_SAR_Search_and_Rescue_Agreement_signed_EN_FR_RU.PDF?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения 10.11.2022).
55. Arctic Council Observers // Arctic council. – Б/г. – URL: <https://www.arctic-council.org/ru/about/observers/> (дата обращения 07.02.2023).
56. Arctic Monitoring and Assessment Programme – an Arctic Council Working Group // AMAP. – URL: <https://www.amap.no/about> (дата обращения 12.03.2023).
57. Arctic Council Secretariat // Arctic council. – URL: <https://arctic-council.org/about/secretariat/> (дата обращения 07.02.2023).

58. Bloom E. Establishment of the Arctic Council // U.S. Department of State. – 1999. – URL: <https://2009-2017.state.gov/e/oes/ocns/opa/arc/ac/establishmentarcticcouncil/index.htm#1> (дата обращения 02.03.2023).
59. Déclaration commune sur la coopération du Conseil de l'Arctique à la suite de l'invasion de l'Ukraine par la Russie // Canada.ca. – 2022. – 03.03. – URL: <https://www.canada.ca/fr/affaires-mondiales/nouvelles/2022/03/declaration-commune-sur-la-cooperation-du-conseil-de-larctique-a-la-suite-de-linvasion-de-lukraine-par-la-russie.html> (дата обращения 11.04.2022).
60. Indigenous Peoples' Secretariat // Indigenous Peoples' Secretariat. – URL: <https://www.arcticpeoples.com/#ips-about> (дата обращения 01.03.2023).
61. Jóhannesson M. Arctic Council: Structure, Work and Achievements // Arctic circle. – 2022. – 12.12. – URL: <https://www.arcticcircle.org/journal/arctic-council-structure-work-and-achievements> (дата обращения 04.02.2023).
62. Joint statement on limited resumption of Arctic Council cooperation // Government of Canada. – 2022. – 08.06. – URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2022/06/joint-statement-on-limited-resumption-of-arctic-council-cooperation.html> (дата обращения 01.02.2023).
63. Landriault M. Coopération arctique post-Ukraine: suspension ou rupture? // CIPS. – 2022. – 04.04. – URL: <https://www.cips-cepi.ca/2022/04/04/cooperation-arctique-post-ukraine-suspension-ou-rupture/> (дата обращения 20.12.2022).
64. MOSAiC // ААНИИ. – 2019. – 20.09. – URL: <https://www.aari.ru/projects/mosaic> (дата обращения 16.03.2023).
65. Sustainable Development Working Group // Arctic council. – URL: <https://arctic-council.org/about/working-groups/sdwg/> (дата обращения 10.02.2023).
66. Rachold V. Success Stories of International Cooperation in the Arctic // Arctic circle. – 2022. – 08.07. – URL: <https://www.arcticcircle.org/journal/success-stories-of-international-cooperation-in-the-arctic> (дата обращения 10.02.2023).
67. The history of the Arctic Council // Arctic council. – URL: <https://arctic-council.org/ru/about/timeline/> (дата обращения 03.12.2022).
68. Ulmer F., Clement J. The Arctic Council as a Model for Regional Collaboration // Arctic circle. – 2022. – 28.12. – URL: <https://www.arcticcircle.org/journal/the-arctic-council-as-a-model-for-regional-collaboration> (дата обращения 10.03.2023).
69. Vidal F. Le Conseil de l'Arctique à l'heure russe // Ifri. – 2021. – 05.18. – URL: <https://www.ifri.org/fr/publications/editoriaux-de-ifri/conseil-de-larctique-lheure-russe#:~:text=Le%20Conseil%20de%20l%27Arctique%20%C3%A0%20l%27heure%20russe%20%C3%A9ditorial,le%20t%C3%A9moin%20»%20a%20la%20Russie> (дата обращения 10.03.2023).

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE ARCTIC: PAST AND PRESENT

Irina Zhilina

PhD (Histor. Sci.), Senior researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
e-mail: irina_zhilina47@mail.ru

Abstract. The article discusses the process of formation and development of the Arctic Council, which has been the main platform for cooperation between the Arctic states for more than a quarter of a century. Shows the features of its status and structure, as well as areas of activity and their results. Reflectes the influence of the special military operation in Ukraine on the work of the Arctic Council and the proposed formats of its further functioning.

Keywords: Arctic; circumpolar states; Arctic Council; climate change; ecological problems; cooperation.

For citation: Zhilina I.Yu. International cooperation in the Arctic: past and present // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 53–77.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЛАТЕЖНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И УРОКИ ДЛЯ ЕАЭС

Семеко Галина Викторовна

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия,
e-mail: semeko@mail.ru

Аннотация. Важным направлением региональной экономической интеграции развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой является создание общего платежного пространства и общей трансграничной платежной системы. В статье рассматриваются региональные платежные системы, действующие в рамках региональных интеграционных объединений в Латинской Америке, Африке и Азии, их особенности и проблемы. Делается вывод о том, что мировой опыт интеграции в сфере расчетно-платежных отношений может быть полезен для развития взаимной торговли и сотрудничества в других сферах экономики, а также для решения наиболее острых региональных социально-экономических проблем Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: экономическая интеграция; трансграничные платежи; региональная платежная система; общая расчетная единица; ЕАЭС.

Для цитирования: Семеко Г.В. Региональная платежная интеграция: мировой опыт и уроки для ЕАЭС // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 78–93.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.04

Рукопись поступила 24.04.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

Введение

Сложившаяся в мире валютная иерархия, в которой доминируют резервные валюты (прежде всего доллар США и евро), негативно влияет на суверенитет макроэкономической и монетарной политики развивающихся стран (РС) и стран с формирующимся рынком (СФР), а также ограничивает их доступ к финансированию. Следствием является высокая уязвимость экономики РС и СФР к волатильности международных потоков капитала и рискам обменного курса. Укрепление финансового и валютно-кредитного сотрудничества между странами рассматриваемой группы на региональном уровне потенциально может уменьшить зависимость от резервной валюты за счет расширения использования национальных валют в трансграничных расчетах.

После глобального финансового кризиса 2008 г. быстрое развитие цифровых технологий способствовало расширению электронной торговли и трансграничных электронных переводов денег, а COVID-19 ускорил эти тенденции. В то время как оцифровка заметно трансформировала внутренние платежные системы, в значительно меньшей степени она отразилась на трансграничных платежных системах.

В идеале трансграничные платежи должны обрабатываться так же легко, как и сопоставимые внутренние платежи, даже если расчеты проходят в разных валютах. Однако трансграничные платежи, в отличие от внутренних, проходят в основном через многозвездные банковские корреспондентские сети, расположенные в разных юрисдикциях, а пересечение каждой границы означает попадание в другую технологическую, нормативную и правовую среду. По этой причине трансграничные платежи, как правило, отнимают много времени, дорого обходятся и сопряжены с дополнительными рисками. Технологическая и нормативная фрагментация усложняет трансграничную платежную операцию и подключение к внутренним платежным системам. Конвертация иностранной валюты и управление ликвидностью добавляют еще один уровень сложности.

Несколько факторов способствовали усилинию внимания к разработке более безопасных, быстрых, эффективных и прозрачных трансграничных платежей. К ним относятся опасения по поводу воздействия мер, направленных на: противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), доступность финансовых услуг; риски кибератак, с которыми сталкиваются международные платежные системы (примером может служить ущерб, нанесенный Центральному банку Бангладеш в 2016 г.¹); новые прорывные платежные технологии и бизнес-модели (в частности основанные на криптовалютах) [Exploring multilateral ... , 2023, p. 2].

¹ В 2016 г. хакеры атаковали счет Центробанка Бангладеш в Федеральном резервном банке в Нью-Йорке и пытались украсть почти 1 млрд долл. Большую часть денег удалось спасти благодаря случайной опечатке, допущенной хакерами при переводе денег. Однако 81 млн долл. пока не найден [Reuters: второй ... , 2016].

Создание общего платежного пространства и общей расчетно-платежной системы в рамках региональных интеграционных объединений благоприятно отражается на взаимной торговле и взаимодействии стран в разных сферах экономики. Многосторонняя платёжная платформа позволяет заменить традиционные корреспондентские банковские отношения или работать параллельно с ними.

Формирование стабильной структуры расчетно-платежных отношений в рамках Евразийского экономического союза (ЕЭАС) приобрело особое значение в условиях санкционного режима и обострения геополитической ситуации в мире. Страны-участницы признают необходимость создания эффективной платежной системы, основанной на использовании национальных валют и обеспечивающей экономию издержек [Пищик, Алексеев, Орлов, 2022].

В мировой практике известны различные проекты региональной платежной интеграции, в том числе подтвердившие на практике свою жизнеспособность. В данной статье анализируются некоторые из таких проектов, реализуемых в странах Латинской Америки, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Изучение их особенностей и возможностей позволяет выявить негативные последствия и риски региональной платежной интеграции, а также выделить те составляющие платежных механизмов, которые могут быть применены в ЕАЭС.

Региональные платежные системы на основе клиринга

Региональные платежные системы – это международные институты, предназначенные для проведения централизованных межгосударственных платежей между резидентами стран – участниц интеграционного объединения. Они положительно влияют на динамику товарооборота в рамках интеграционного объединения за счет снижения транзакционных издержек, а также помогают расширить взаимное финансирование экономики стран-участниц.

В практике международных платежей широкое распространение получили безналичные расчеты по встречным требованиям и обязательствам за поставленные или проданные товары, ценные бумаги и оказанные услуги. Расчеты осуществляются на основе взаимозачета платежей друг другу (т.е. клиринга). Взаимозачет производится на регулярной основе (например, в конце рабочего дня или реже). По его результатам для каждой стороны определяется сальдо платежей (т.е. нетто-позиция), которое может быть положительным (кредитовым) или отрицательным (дебетовым). Окончательное урегулирование платежа предполагает погашение участниками с дебетовой позицией своей задолженности.

Клиринговые платежные системы различаются по числу участников, организационной структуре, используемым в расчетах валютам, технологическим параметрам и др. Так, они могут основываться на двухстороннем и многостороннем клиринге (в рамках соответствующих соглашений между странами). Центром системы может быть специально созданный общий централь-

ный банк, но аналогичные функции могут возлагаться и на один из центральных банков стран-участниц или третьих стран. Расчеты могут проводиться в национальных валютах, валютах других стран или в специально созданной общей валюте.

Расчеты в национальных валютах позволяют снизить транзакционные издержки на уровне отдельных операций благодаря тому, что исключается необходимость приобретения резервной валюты для расчетов и отсутствует этап конвертации национальных валют в доллар (или другую резервную валюту) [South-South Monetary … , 2023; Годес, 2019].

Поскольку для транзакций с помощью клиринговых платежных систем не требуется иностранная валюта, то это облегчает внутрирегиональную торговлю в условиях нехватки валютных резервов. Увеличение количества прямых транзакций, в свою очередь, стимулирует расширение экономической и финансовой интеграции стран – участниц регионального объединения.

Кроме того, расчеты в национальных валютах ослабляют влияние на экономику внешних макроэкономических рисков, обусловленных изменениями ситуации на валютных рынках [Use of national … , 2017, p. 8]. Важным преимуществом рассматриваемых региональных платежных систем является возможность расширить доступность внешнеторговых операций для мелких и средних предпринимателей, которые обычно не располагают для этого достаточным объемом резервных валют.

Обычно механизм региональных платежных систем с использованием национальных валют не требует изменения привычных методов регулирования платежей центральными банками, поскольку зачет встречных требований и обязательств основывается на действующих в странах-участницах системах валовых расчетов в режиме реального времени (англ. real time gross settlement, RTGS)¹.

Региональные платежные системы получили широкое распространение в мире, особенно в Латинской Америке, которая по накопленному в этой области опыту опережает азиатский и африканский континенты. Важно отметить, что региональные платежные системы в рамках интеграционного сотрудничества РС и СФР значительно меньше по объему проводимых операций, чем их аналоги в развитых странах.

Опыт стран Латинской Америки

Среди новых расчетно-платежных форматов, возникших в ходе экономической интеграции стран Латинской Америки, следует выделить региональные платежные системы Ассоциации латиноамериканской интеграции (исп. Asociación Latinoamericana de Integración, ALADI), Южноам-

¹ Система валовых расчетов в режиме реального времени, по определению Банка международных расчетов, – платежная система, в которой обработка и расчет происходят постоянно в режиме реального времени (т.е. без задержки) и на валовой основе (т.е. одна операция за другой) [Core principles … , 2001, с. 83].

риканского общего рынка МЕРКОСУР (исп. Mercado Común del Sur, Mercosur) и Боливарианского альянса для народов Америки (исп. Alianza Bolivariana para los pueblos de nuestra America – Tratado de Comercio de los Pueblos, ALBA-TCP) (далее АЛБА).

Первой попыткой создания региональной платежной системы в Латинской Америке стало *соглашение о взаимных платежах и кредитах – Convenio de Pagos y Créditos Recíprocos (CPCR)*, подписанное в 1982 г. в рамках ALADI [Pérez Caldentey, Titelman, Cipoletta Tomassian, 2013]. В настоящее время участниками CPCR являются Аргентина, Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор, Мексика, Парагвай, Перу, Доминиканская Республика, Уругвай и Венесуэла¹. На практике CPCR функционирует как многосторонняя система взаимных расчетов и кредитов в национальных валютах. Участие центральных банков в CPCR основывается на двусторонних соглашениях [Convenio de Pagos … , 2013].

В течение первых двух десятилетий система CPCR имела особенно большое значение для стран-членов в связи с долговым кризисом и последовавшей за ним нехваткой иностранной валюты. К концу 1980-х годов на операции, проводимые через CPCR, приходилось около 90,9% внутритрарегионального импорта при сбалансированном участии почти всех участников платежной системы. Однако начиная с середины 1990-х годов использование CPCR резко сократилось, а ее доля во внутритрарегиональном импорте упала до 1,5% в 2003 г. [Pérez Caldentey, Titelman, Cipoletta Tomassian, 2013, p. 35]. Хотя в дальнейшем наблюдалось повышение этого показателя, но он так и не смог превысить планку в 10% [Иванова, Чиркин, 2023, с. 49]. В основном такая динамика операций, проводимых через CPCR, была следствием подписания в 1985 г. соглашения о свободной торговле МЕРКОСУР, которое не предусматривало использования этого платежного механизма.

Основными целями CPCR являются: стимулирование финансовых связей между странами; содействие расширению взаимной торговли; формирование системы взаимных консультаций по валютным и платежным вопросам; сокращение валютных потоков между участниками [Convenio de Pagos … , 2013, p. 7].

Головным банком CPCR (банком-агентом) является Центральный резервный банк Перу, который выполняет функции клиринговой палаты. Центральные банки всех стран-участниц обязаны представлять данные о взаимных требованиях и обязательствах в банк-агент, который проводит многосторонний зачет платежей каждые четыре месяца. Для каждого центрального банка определяется итоговое сальдо по отношению ко всем остальным центральным банкам платежной системы. Центральные банки, имеющие в результате взаимозачета отрицательное сальдо (дебетовую позицию), по требованию банка-агента обязаны произвести конверсию сальдо в валюту клиринга

¹ До 2018 г. в CPCR участвовала Бразилия.

(доллар США) и перевести задолженность на счета центральных банков-кредиторов в Федеральном резервном банке Нью-Йорка [Кузнецов, 2015 ; Shvandar, Khomyakova, 2022 ; Годес, 2019].

Такая система клиринговых расчетов обеспечивает сокращение числа двусторонних платежей и затрат на обслуживание операций, а также существенную экономию резервной валюты во взаимной торговле. Согласно статистическим данным, за период 1966–2013 гг. общий объем платежей в рамках CPCR составил более 280 млрд долл., включая платежи по конверсии дебетовых сальдо (более 129 млн долл.). При этом среднегодовая экономия резервной валюты составила 54% общего объема платежей через CPCR [Кузнецов, 2015, с. 251].

Региональная платежная система Sistema de Pagamentos em Moeda Local (SML), действующая в МЕРКОСУР, была создана по инициативе Бразилии в 2009 г. Она представляет собой двустороннюю систему взаимных расчетов и клиринга. Ее основными целями являются расширение использования национальных валют и сокращение доли американского доллара в трансграничных платежах, ускорение финансовой интеграции и снижение транзакционных издержек [Economic Survey ..., 2012 ; Shvandar, Khomyakova, 2022].

Первоначально SML объединяла Бразилию и Аргентину. В настоящее время ее участниками являются также Уругвай и Парагвай, а на правах ассоциированных членов – Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор и Перу. SML представляет собой первый проект сотрудничества между центральными банками МЕРКОСУР после десятилетий отсутствия координации политики обменного курса и валютного регулирования. В управлении платежной системой участвуют на паритетных началах центральные банки и лицензированные финансовые учреждения стран-участниц.

В рамках SML сумма платежей для экспортёров и импортёров рассчитывается в национальных валютах, так что нет необходимости использования доллара или другой резервной валюты и заключения валютного контракта. Помимо экспортно-импортных операций через SML могут осуществляться и другие финансовые транзакции, например социальные и пенсионные выплаты и денежные переводы. Объем транзакций, проводимых через SML, определяется с помощью двусторонних соглашений между странами-участницами: соглашение между Бразилией и Аргентиной было подписано в 2008 г., а между Уругваем и Парагваем – в 2018 г. Экспортёры и импортёры имеют возможность устанавливать цены товаров и услуг в своей национальной валюте, что снижает валютный риск и позволяет более точно оценить затраты и прибыль [Иванова, Чиркин, 2023].

Для пересчета стоимости операций в национальные валюты стран-участниц центральные банки ежедневно определяют курс национальных валют по отношению к доллару США. Взаимозачет платежей по торговым операциям обычно осуществляется в течение 24 часов. Окончательный расчет между центральными банками производится в долларах США. При таком механизме клиринга не требуется обеспечение ликвидности со стороны центральных банков, и снижаются валютные риски.

Ограниченнная конвертируемость валют стран – участниц региональной платежной системы обусловливает низкую долю взаимных торговых операций, проводимых через SML (менее 6,5%) [Красенкова, 2020]. Тем не менее с момента запуска региональной платежной системы эта доля имела тенденцию к росту. Так, доля платежей по экспорту из Бразилии в Аргентину, проходивших через SML, выросла с 1,82% в 2009 г. до 5,18% в 2019 г., а платежей по импорту Бразилии из Аргентины – соответственно, с 0,97% до 2,5% [Research Document … , 2020, p. 9].

Характерной чертой рассматриваемой региональной платежной системы является значительный дисбаланс между странами по масштабу использования SML, в частности между Бразилией и остальными странами. В 2019 г. платежи по экспорту Бразилии в Аргентину через SML составили почти 2000 млн бразильских реалов, а по импорту из Аргентины – чуть более 8 млн. Соответствующие показатели по экспорту Бразилии в Уругвай и импорту из Уругвая – 159,3 млн и 146,6 млн бразильских реалов; по экспорту Бразилии в Парагвай и импорту из Парагвая – 118,1 млн и 76,8 млн бразильских реалов [Research Document … , 2020, p. 9–11]. Таким образом, Бразилия имеет положительное сальдо в торговле со странами-участницами SML.

Результаты анализа развития SML, проведенного исследователями из Германии и Великобритании, свидетельствуют о том, что эта региональная платежная система, несмотря на ее ограниченное использование и асимметричный характер, оказалась на удивление надежным инструментом интеграции в условиях общей агонии МЕРКОСУР и сохраняющейся политической напряженности и экономических дисбалансов внутри этой организации [South-South Monetary … , 2023, p. 2–3]. В этой связи некоторые отечественные специалисты рекомендуют рассматривать данный вариант платежной системы в качестве образца для платежной интеграции на постсоветском пространстве [Хмелевская, 2014].

*Боливарианский альянс для народов Америки (АЛБА)*¹ представляет собой прежде всего таможенный союз, созданный для развития торгового сотрудничества, в частности, в топливно-энергетической сфере. Вместе с тем это интеграционное объединение ставит задачи и в области экономической интеграции. Стратегическая цель АЛБА состоит в ограничении влияния США и международных финансовых организаций, находящихся под их контролем (МВФ, Всемирного банка, Межамериканского банка развития), во всех сферах региональных межгосударственных отношений. С этой целью, а также для преодоления последствий финансового кризиса 2008 г., страны – члены ALBA приняли решение об отказе от доллара во взаимных расчетах и создании

¹ Региональное объединение стран Латинской Америки и Карибского бассейна социалистической ориентации было создано по инициативе президента Венесуэлы Уго Чавеса и кубинского лидера Фиделя Кастро 14 декабря 2004 г. под названием «Боливарианская альтернатива для Америки» (исп. *Alternativa Bolivariana para America*). Первоначально соглашение установило торговые отношения между Боливией, Кубой и Венесуэлой на основе солидарности и равноправного партнерства. Позднее к альянсу присоединились Никарагуа, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Гренада, Сент-Китс и Невис.

региональной платежной системы с общей валютой. Совместным решением правительств стран-участниц в конце 2008 г. была введена в оборот общая валюта для безналичных расчетов – *сукре*. Она выполняет две функции – расчетной единицы и средства платежа. Региональная платежная система (исп. Sistema Unitario de Compensacion Regional, SUCRE) начала работать с 2010 г.

Основными структурными элементами этой системы являются:

- Региональный валютный совет (исп. Consejo Monetario Regional), высший орган, регулирующий систему;
- Центральная расчетная палата (исп. Cámara Central de Compensación en monedas locales), отвечающая за расчеты по операциям и клиринг;
- Фонд резервов и торговой конвергенции (исп. Fondo de Reservas y Convergencia Comercial, FRCC), отвечающий за обеспечение макроэкономического равновесия, развитие взаимной торговли и предоставление кредитов странам с отрицательным балансом по клирингу.

В отличие от других действующих в Латинской Америке региональных платежных систем центральным элементом SUCRE является общая валюта для расчетов и платежей. Ее использование облегчает внутрирегиональную торговлю благодаря снижению транзакционных издержек и, в конечном счете, позволяет уменьшить использование международных валютных резервов для взаимных расчетов.

Курс сукре рассчитывается методом «валютной корзины», который устанавливает удельный вес валют стран – членов АЛБА пропорционально размеру их экономики (ВВП). Региональный валютный совет фиксирует верхний годовой лимит эмиссии сукре с учетом потребностей стран-членов. Использование системы SUCRE в трансграничных расчетах является добровольным делом.

Алгоритм работы региональной платежной системы SUCRE выглядит следующим образом:

- коммерческие банки страны-импортера рассчитываются с центральным банком страны-экспортера в национальной валюте;
- центральные банки страны-экспортера и страны-импортера осуществляют между собой взаимозачет выставленных счетов в валюте сукре (через банк-агент системы – Центральный банк Перу).

В конце каждого полугодия Центральная расчетная палата производит зачет встречных требований и обязательств и рассчитывает по его итогам сальдо для каждого центрального банка-участника. Отрицательное сальдо погашается за счет кредитной помощи странам-должникам, которую оказывает Фонд резервов и торговой конвергенции [Freitas, Fernandes, 2017, p. 249].

К сожалению, за время своей работы платежная система SUCRE провела очень небольшое количество двусторонних платежных операций по торговым сделкам между Кубой, Эквадором и Венесуэлой. Отчасти это обусловлено недоработкой механизмов корректировки двусторонних обменных курсов национальных валют в соответствии с изменениями их рыночных курсов. Суще-

ственную роль сыграли также особенности валютно-обменной системы Венесуэлы, в которой действовали несколько государственных курсов для разных типов операций (например, для импорта лекарств применялся более низкий курс, чем для импорта автомобилей). Официальный курс доллара по отношению к венесуэльскому боливару определялся решениями центрального банка, а не соотношением спроса и предложения на него. Из-за этого возникли «черный рынок» доллара и разрыв между официальным и «черным» курсами.

Проблемы с расширением расчетов с помощью сукре связаны также с дисбалансами во взаимной торговле стран-членов АЛБА. Так, более 83% взаимной торговли приходится на операции между Эквадором и Венесуэлой, около 10 – на операции между Боливией и Венесуэлой и чуть более 6% – на операции между Эквадором и Кубой [Shvandar, Khomyakova, 2022, p. 47]. Такая ситуация предопределяет различия в степени заинтересованности стран-членов в использовании общей валюты вместо доллара США.

Кроме того, на развитие SUCRE негативно повлияли крупные фиктивные сделки с сукре с целью отмывания денег. По итогам расследования незаконных операций с сукре, проведенного в 2014 г., были возбуждены дела против 30 фирм из Эквадора и более 60 фирм из Венесуэлы. По оценкам, до 5% экспорта нефти и нефтепродуктов из Венесуэлы в обмен на поставки товаров из Эквадора составляли «сомнительные сделки» [Sucre highs … , 2016]. Ситуация усугубилась фактами о причастности к некоторым схемам отмывания денег высокопоставленных лиц из правительства Эквадора и Венесуэлы.

По мнению экспертов, широкое распространение сукре в качестве общей валюты АЛБА маловероятно, поскольку переход к единому валютному пространству требует более высокого уровня интеграции, стабильного экономического и финансового состояния и единой экономической политики [Оスマловец, 2018, с. 54 ; Shvandar, Khomyakova, 2022, p. 48].

Опыт стран Африки

Особенностью развития экономической интеграции в Африке является сохраняющаяся с колониальных времен сильная зависимость от резервных валют, в частности от доллара США и французского франка. Колониальный режим способствовал экономической интеграции африканских стран с метрополиями и разрушил внутрирегиональные экономические связи. По масштабу региональной торговли Африка все еще сильно отстает от других континентов.

В Африке несколько региональных организаций занимаются интеграцией расчетно-платежных отношений.

Примером передовой региональной инициативы в области трансграничных платежей является Западноафриканский экономический и валютный союз (фр. *Union Économique et Monétaire Ouest Africaine, UEMOA*). Он был создан в 1994 г. с целью обеспечения свободного движения то-

варов, услуг, капитала, населения, а также координации таможенной политики и законодательства. В настоящее время UEMOA охватывает восемь стран – бывших колоний Франции (Сенегал, Гвинея-Бисау, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Кот-д'Ивуар, Того и Бенин) с населением 137,3 млн человек и ВВП в размере более 193 млрд долл. в 2021 г. [Membres de ... , 2023 ; World Development ... , 2021].

С 2006 г. UEMOA проводит курс на интеграцию платежного пространства. В рамках UEMOA функционируют: общая валюта – франк КФА (фр. franc CFA, franc des colonies françaises d'Afrique), единый центральный банк – Центральный банк западноафриканских государств (фр. Banque Centrale des États de l'Afrique de l'Ouest, BCEAO) и единая система макро- и микропруденциального надзора. В экономическом и финансовом контексте страны UEMOA почти так же тесно связаны, как и страны зоны евро, хотя интеграция не коснулась политических и правовых аспектов.

Макропруденциальный надзор и контроль системных рисков централизованы и возложены на Комитет финансовой стабильности UEMOA. Микропруденциальный надзор осуществляют Банковская комиссия UEMOA, которая утверждает и отзывает лицензии кредитных организаций, проводит мониторинг их деятельности, устанавливает санкции за нарушения и назначает временных администраторов или ликвидаторов кредитных организаций.

Под управлением UEMOA работают такие платежные механизмы, как система быстрых расчетов в режиме реального времени (RTGS) для платежей на крупные суммы (STAR-UEMOA), региональная межбанковская электронная система расчетов (SICA-UEMOA) и платежная система на основе межбанковских карт. Соответствующие национальные платежные системы стран-участниц подключены к региональной межбанковской клиринговой системе, управляемой UEMOA, через свои национальные клиринговые системы.

Общий рынок Восточной и Южной Африки (англ. *Common Market for Eastern and Southern Africa*, COMESA) был создан в декабре 1994 г. вместо Зоны преференциальной торговли (англ. Preferential Trade Area, PTA), которая существовала с 1981 г. В настоящее время COMESA – это крупнейшая в Африке региональная экономическая организация, объединяющая 21 государство¹ с населением более 616 млн человек. Экономическая интеграция в рамках COMESA охватывает широкий круг направлений, включая сотрудничество в области торговли, промышленности, сельского хозяйства, финансов, права, информационных технологий, социальной поддержки, образования, здравоохранения и др. Благодаря успешной интеграции COMESA удалось укрепить экономику стран-членов и существенно расширить взаимную торговлю. Сейчас регион является крупным рынком на африканском континенте с ВВП в размере более 966,6 млрд долл. и объемом

¹ Бурунди, Демократическая Республика Конго, Джибути, Замбия, Зимбабве, Египет, Кения, Коморские Острова, Ливия, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Руанда, Свазиленд, Республика Сейшельские Острова, Сомали, Судан, Тунис, Уганда, Эритрея, Эфиопия.

взаимной торговли на сумму более 383,9 млрд. в 2021 г. (экспорт – 154,4 млн и импорт – 227,488 млн долл.). Однако доля взаимной торговли составляет 6,23% (23,931 млн, в том числе экспорт – 12,77 млн и импорт – 11,163 млн долл.) [Key COMESA ... , 2023]. Баланс взаимной торговли в рамках COMESA имеет стабильный профицит; в отличие от этого, баланс торговли с третьими странами – значительный дефицит.

В 2009 г. в рамках COMESA была запущена Региональная платежно-расчетная система (англ. Regional Payment & Settlement System, REPSS). В настоящее время к REPSS присоединились центральные банки девяти стран (Демократическая Республика Конго, Египет, Кения, Маврикий, Малави, Руанда, Свазиленд, Уганда и Замбия).

Центральные банки – участники REPSS обеспечивают перевод денежных средств от имени коммерческих банков, базирующихся на их территории, на основе внутрирегиональных таможенных и торговых соглашений. Использование системы валовых расчетов в режиме реального времени (RTGS) позволяет проводить операции эффективным по затратам и времени способом и расширяет возможности контроля за их исполнением. В данной платежной модели исключены сложные платежные цепочки, которые возникают при транзакциях через банки-корреспонденты.

В REPSS используется следующий алгоритм платежа: импортеры и экспортёры обращаются со своими платежными поручениями в местные коммерческие банки. Затем платеж импортера направляется экспортёру через центральный банк импортера в центральный банк экспортёра через платформу REPSS. В конце дня REPSS отправляет платежи и расчеты соответствующим центральным банкам. Они кредитуют счета коммерческих банков, а затем коммерческие банки соответствующим образом кредитуют счета экспортёров.

Оператором и администратором REPSS является Клиринговая палата COMESA (англ. COMESA Clearing House), базирующаяся в Зимбабве. Центральный банк Маврикия выступает в качестве расчетного центра системы и проводит взаимозачеты между странами в конце дня в единой валюте. По результатам взаиморасчетов нетто-должникам отправляются кредитные уведомления о списаниях и зачислениях средств. Дебетовая позиция покрывается за счет средств, предварительно профинансированных коммерческими банками через Банк Замбии. Окончательное урегулирование расчетов происходит на следующий день после клиринга. Предварительное финансирование гарантирует выполнение обязательств по долгам в короткие сроки. В качестве расчетных валют REPSS использует доллары США и евро (при этом система допускает расчеты в любой другой резервной валюте). Конвертация национальных валют в расчетную валюту осуществляется каждым центральным банком-участником по своим собственным тарифам.

По состоянию на декабрь 2020 г., с момента запуска REPSS общая стоимость обработанных платежей составила 208 млн долл. [Osemo, 2020; COMESA: Annual ... , 2021, p. 79]. Ожидается,

что после присоединения к REPSS центральных банков всех стран COMESA она заработает в полную силу, и это позволит существенно расширить внутрирегиональную торговлю.

Азиатский клиринговый союз

Азиатский клиринговый союз (англ. *Asian Clearing Union, ACU*) был создан в 1974 г. по инициативе Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) с целью преодоления трудностей во взаимных расчетах из-за нехватки иностранной валюты. Соглашение подписали центральные банки пяти стран (Индия, Иран, Непал, Пакистан и Шри-Ланка), а в последующие годы к нему присоединились центральные банки Бангладеш, Мьянмы, Бутана и Мальдивских островов. ACU – это система взаимных расчетов и кредитов, концептуально близкая к модели региональной платежной системы SUCRE. Банком – агентом ACU является Центральный банк Ирана. В рамках ACU периодически производится зачет взаимных требований и обязательств, накопленных каждым членом в отношении других членов в процессе торговли и других транзакций.

С 1 января 2009 г. ACU перешел на мультивалютную систему расчетов с общей расчетной единицей – азиатская денежная единица (англ. *Asian Monetary Unit, AMU*). Счета участников ACU, в соответствии с установленными правилами, должны вестись в ACU-долларах и ACU-евро, а с 2020 г. – в ACU-иене. Их стоимость привязана соответственно к долларам США, евро и японской иене. При этом Совет директоров ACU, включающий руководителей центральных банков стран-членов, вправе в любое время единогласным решением всех директоров изменить стоимость азиатских денежных единиц [Asian Clearing Union: History, 2023].

Расчетный период по взаимным требованиям и обязательствам равен двум месяцам. Каждый участник ACU с отрицательным сальдо текущего счета (в ACU-долларах, ACU-евро и ACU-иенах) в конце расчетного периода имеет право на получение кредита от любого другого участника для ликвидации задолженности. Размер кредита не может превышать 20% от средних валовых платежей, произведенных им через ACU за три предыдущих календарных года. Процентная ставка, взимаемая при погашении кредита, равна ставке SOFR Чикагской товарной биржи для кредитов в долларах США и ставке EURIBOR Европейского валютного института (ЕМИ) для кредитов в евро или иене.

С 2010 г. участники ACU имеют доступ к своим счетам через Интернет, что позволяет ускорить расчетный процесс и обеспечить бесперебойное распространение информации.

Достаточно быстро ACU смогла достичь поставленных целей, в том числе наладить расчеты на многосторонней основе, улучшить сотрудничество в денежно-кредитной и банковской сферах и расширить взаимную торговлю. В целом, считают эксперты, опыт ACU можно считать успешным [Shvandar, Khomyakova, 2022, p. 49]. С момента создания ACU не было ни одного неисполнения

обязательств по своевременному погашению дебетовой позиции. Динамика общего объема проводимых через ACU транзакций (включая сумму зачислений и списаний со счетов, а также начисленных процентов по кредитам) характеризовалась практически постоянным ростом (причем достаточно высокими темпами). Общая стоимость транзакций, проводимых через ACU, увеличилась с 3,7 млрд долл. в 1991 г. до 18,6 млрд в 2020 г. При этом отмечалось неравномерное распределение стоимости транзакций по странам-членам. Значительная ее часть приходится на Индию (около 8,4 млрд долл. в 2020 г., т.е. более 45%). По результату окончательного урегулирования расчетов Индия является основным нетто-кредитором, а Бангладеш – основным нетто-дебитором [Asian Clearing … , 2022, р. 146–148]. Сумма кредитов, использованных нетто-дебиторами ACU в 2020 г., составила 1353,8 млн долл. [Asian Clearing … , 2022, р. 149].

В отличие от общего объема транзакций, проводимых через ACU, динамика доли расчетов между участниками через ACU в общем объеме расчетов между ними характеризовалась разнонаправленными тенденциями. Самым высоким данный показатель был в 1980-е годы и в начале 1990-х годов (выше 60%); его максимальное значение было зарегистрировано в 1986 г. – 84,14%. Однако с начала 2000-х годов наблюдается постепенное снижение доли расчетов между участниками через ACU в общем объеме расчетов между ними: если в 2001 г. этот показатель составлял 46,25%, то в 2020 г. – только 10,47% [Asian Clearing … , 2022, р. 143]. Таким образом, подавляющая часть расчетов между участниками ACU в настоящее время осуществляется в твердой валюте.

Заключение

Рассмотренный опыт региональной интеграции в области расчетно-платежных отношений РС и СФР показывает, что в большинстве случаев трансграничные платежные системы создавались для обслуживания взаимной торговли и ее расширения; решения проблемы недостаточности валютных резервов; укрепления позиций национальных валют и создания условий для их будущей конвертируемости; развития регионального экономического сотрудничества в целом и валютно-финансового сотрудничества в частности.

Как свидетельствует мировая практика, вероятность получения наилучшего результата в ходе региональной платежной интеграции особенно высока, когда трансграничная гармонизация технических стандартов и параметров расчетно-платежной инфраструктуры сочетается с гармонизацией нормативно-правовой базы. В этом случае при обработке платежей появляются реальные возможности для сокращения числа таких потенциально дорогостоящих действий, как отклонение, возврат и аннулирование платежных поручений. Кроме того, такая гармонизация обеспечивает согласование применения правил, касающихся ПОД/ФТ, стандартизированной отчетности, управления данными и цифровой идентификации контрагентов и др.

Проблемы, с которыми сталкиваются региональные трансграничные платежные системы, во многом идентичны. Среди них:

- недостаточное развитие внутрирегиональной торговли (основной объем торговли приходится на третьи страны);
- дисбаланс между странами-членами по размеру ВВП, объему торговли, потребительского рынка и др.;
- разная степень интегрированности стран в сфере экономики и финансов;
- неустойчивость курсов национальных валют, низкие темпы экономического роста и технологическое отставание;
- расхождения в торговых режимах, применяемых в странах для регулирования доступа иностранных товаров и услуг на внутренний рынок и отечественных товаров и услуг на рынки других стран;
- политическая нестабильность и конфликты в отдельных странах, отражающиеся на интеграционных процессах, и т.д.

Страны ЕАЭС, находящиеся в начале пути к платежной интеграции, в ходе ее реализации могут столкнуться проблемами, аналогичными перечисленным выше. Чтобы надлежащим образом и своевременно отреагировать на них, целесообразно, по нашему мнению, учитывать опыт других интеграционных организаций.

Список литературы

1. Годес Н. Особенности реализации различных типов платежных союзов // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 1 (666). – С. 36–46.
2. Иванова С.В., Чиркин С.А. Общая южноамериканская валюта: перспективы создания и усиление тренда на дедоларизацию в регионе // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 2. – С. 47–51.
3. Красенкова М. Региональные платежные системы. Новый проверенный инструмент геополитики? // ПЛАС. – 2020. – 16.04, № 3 (268). – URL: <https://plusworld.ru/journal/2020/plus-3-2020/regionalnye-platezhnye-sistemy-novyj-proverenij-instrument-geopolitiki/> (дата обращения 24.04.2023).
4. Кузнецов В.С. Валютный союз – будущее ЕАЭС // Вестник МГИМО. – 2015. – № 2 (41). – С. 250–258.
5. Осмоловец С.С. Инструменты обеспечения финансовой стабильности в региональных экономических союзах (на примере стран Латинской Америки) // Пермский финансовый журнал. – 2018. – № 2. – С. 47–58.
6. Пищик В.Я., Алексеев П.В., Орлов Ф.П. Факторы и направления трансформаций интеграционного финансово-экономического сотрудничества стран ЕАЭС в современных условиях // Финансы: теория и практика. – 2022. – № 26 (6). – С. 88–103.
7. Хмелевская Н.Г. Интеграционный вектор экономической политики: опыт МЕРКОСУР и Тихоокеанского альянса // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 10. – С. 11–20.
8. Asian Clearing Union: Annual Report 2020. – Islamabad, Pakistan : ACU, 2022. – 183 p. – URL: <https://www.asianclearingunion.org/Portals/0/Annual-Report/Annual%20Report-2020.pdf?ver=2023-01-25-123815-383> (дата обращения 24.04.2023).
9. COMESA: Annual Report 2020. – Lusaka : COMESA, 2021. – 152 p. – URL: <https://www.comesa.int/wp-content/uploads/2021/10/COMESA-Annual-Report-2020-English.pdf> (дата обращения 24.04.2023).
10. Convenio de Pagos y Créditos Recíprocos: Aspectos básicos. – Montevideo : ALADI, 2013. – 16 p. – URL: [https://www2.aladi.org/nsfaladi/convenio.nsf/2F867B10A3C9CD8183257D8900481CB1/\\$FILE/Convenio_de_Pagos_-_principales_aspectos_2013.pdf](https://www2.aladi.org/nsfaladi/convenio.nsf/2F867B10A3C9CD8183257D8900481CB1/$FILE/Convenio_de_Pagos_-_principales_aspectos_2013.pdf) (дата обращения 24.04.2023).
11. Core principles for systemically important payment systems: Report of the Committee on payment and settlement systems. – Basel : Bank for International Settlements, 2001. – 92 p. – URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d43.pdf> (дата обращения 24.04.2023).

-
12. Economic Survey of Latin America and the Caribbean 2012: Policies in the face of international economic adversity. – Santiago (Chile) : ECLAC, United Nations, 2012. – 156 p. – URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/1080/1/E1200826_en.pdf (дата обращения 24.04.2023).
13. Exploring multilateral platforms for cross-border payments. – Basel : BIS, 2023. – January. – 32 p. – URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d213.pdf> (дата обращения 24.04.2023).
14. Freitas A., Fernandes M. Cooperação Monetária: Uma analise sobre o SUCRE // Revista de Economía Política. – 2017. – Vol. 37, N 1 (146). – P. 243–258. – URL: <https://www.scielo.br/j/rep/a/tGvSjYNjNBnDbDtQbKcLHFx/?format=pdf&lang=pt> (дата обращения 24.04.2023).
15. Key COMESA indicators // COMESA. – URL: <https://comesa.opendataforafrica.org/> (дата обращения 24.04.2023).
16. Membres de l'UEMOA: Union économique et monétaire ouest-africaine. – URL: <https://www.donneesmondiales.com/acccords-commerciaux/uemoa-economie-ouest-africaine.php> (дата обращения 24.04.2023).
17. Osemo W. Over \$100 m transacted through the Regional Payment System // COMESA News. – 2020. – 23.04. – URL: <https://www.comesa.int/over-100m-transacted-through-the-regional-payment-system/> (дата обращения 24.04.2023).
18. Pérez Caldentey E., Titelman D., Cipoletta Tomassian G. Sistema de pagos transnacionales vigentes en América Latina: ALADI, SML y SUCRE. – Santiago de Chile : Naciones Unidas, 2013. – 65 p. – URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/36882/LCL3692_es.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 24.04.2023).
19. Research Document on the Barriers to an Extension of the SML and Potential Research and Policy Agenda / Kaltenbrunner A. [et al.]. – Liverpool : University of Liverpool, 2020. – 23 p. – URL: https://business.leeds.ac.uk/downloads/download/232/research_and_%20policy_report_on_sml_barriers (дата обращения 24.04.2023).
20. Reuters: второй банк подвергся атаке хакеров по схеме хищения \$81 млн у ЦБ Бангладеш // ТАСС. – 2016. – 15.05. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/3277877> (дата обращения 24.04.2023).
21. Shvandar K.V., Khomyakova L.I. Regional Payment Systems of Asia, Africa, Latin America as a Tool for Regional Integration. Prospects for the Eurasian Economic Union // Financial Journal. – 2022. – Vol. 14, N 2. – P. 43–54. – URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-2-43-54> (дата обращения 24.04.2023).
22. South-South Monetary Regionalism: A case of Productive Incoherence? / Fritz B., Kaltenbrunner A., Mühlhöchl L., Orsi B. // New Political Economy. – London, 2023. – 20.03. – P. 1–25. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/13563467.2023.2184471?needAccess=true&role=button> DOI: <https://doi.org/10.1080/13563467.2023.2184471> (дата обращения 24.04.2023).
23. Sucre highs and sucre lows: Money laundering and virtual currency // Fintrail. – 2016. – 10.05. – URL: <https://fintrail.com/news/2016/10/14/sucre-highs-and-sucre-lows-money-laundering-and-virtual-currency> (дата обращения 24.04.2023).
24. Use of national currencies in international settlements. Experience of the BRICS countries. Joint Research Paper / Lima U.M. [et al.]. – Moscow : RISS, 2017. – 114 p. – URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/5a4f/6950/6272/695d/4717/0000/original/Use_of_national_currencies_in_international_settlements._Experience_of_the_BRICS_countries.pdf?1515153744 (дата обращения 24.04.2023).
25. World Development Indicators database: Gross domestic product 2021 // World Bank. – 2023. – 15.01. – URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP.pdf (дата обращения 24.04.2023).
26. Asian Clearing Union: History. – URL: <https://www.asianclearingunion.org/History.aspx> (дата обращения 24.04.2023).

REGIONAL PAYMENT INTEGRATION: WORLD EXPERIENCE AND LESSONS FOR THE EAEU

Galina Semeko

PhD (Econ. Sci.), Leading Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
e-mail: cemeko@mail.ru

Abstract. An important area of regional economic integration of developing countries and countries with emerging market economies is the creation of a common payment space and a common cross-border payment system. The article discusses regional payment systems operating within the framework of regional integration associations in Latin America, Africa and Asia, their features and problems. It is concluded that the world experience of integration in the field of settlement and payment relations can be useful for the development of mutual trade and cooperation in other areas of the economy, as well as for solving the most acute regional socio-economic problems of the Eurasian Economic Union.

Keywords: *economic integration; cross-border payments; regional payment system; common unit of account; EAEU.*

For citation: Semeko G.V. Regional payment integration: world experience and lessons for the EAEU // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 78–93.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.04

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (ОБЗОР)

Крылов Данила Сергеевич

Научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, e-mail: danila-krylov@yandex.ru

Аннотация. В работе дается краткий обзор современного состояния российско-египетского сотрудничества в контексте изменений в мировой политике и международных отношениях после начала специальной военной операции. Проведена оценка перспектив развития двусторонних отношений в рамках таких интеграционных объединений, как ЕАЭС, Африканский союз и ШОС. Сделан вывод о необходимости развития отношений Москвы и Каира по данному направлению, что будет отвечать стратегическим национальным интересам двух государств.

Ключевые слова: Россия; Египет; двустороннее сотрудничество; Евразийский экономический союз; Африканский союз; Шанхайская организация сотрудничества; интеграционные объединения.

Для цитирования: Крылов Д.С. Перспективы российско-египетского сотрудничества в рамках интеграционных объединений. (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 94–104.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.05

Рукопись поступила 02.05.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

Российско-египетское сотрудничество

Современные российско-египетские двусторонние отношения успешно развиваются и укрепляются в соответствии с Договором о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, который был подписан лидерами двух стран в Сочи в 2018 г. В 2021 г. после ратификационных процедур он официально вступил в силу [Договор о стратегическом сотрудничестве … , 2021]. Ранее 23 сентября 1997 г. в Москве между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет (APE) был подписан Договор о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам.

Политические контакты двух государств уходят во времена существования Советского Союза¹, когда Москва долгие годы оказывала Каиру значительную экономическую, военную и техническую помощь [Примаков, 2016]. Однако отношения между двумя государствами ухудшились после Кэмп-Дэвидских соглашений² в 1978 г., которые привели, в том числе, к выводу из Египта советских военных советников и прекращению советской военной помощи [Васильев, 1993].

При этом мирный договор с Израилем негативно отразился на отношениях Египта с арабскими странами, которые (исключая Судан, Оман и Сомали) разорвали с ним дипломатические отношения и ввели политические и экономические санкции. Членство Египта в Лиге арабских стран также было приостановлено до 1989 г. Изоляция со стороны арабских государств и осуждение действий Каира со стороны Советского Союза привели Египет к окончательному свертыванию курса военно-технического сотрудничества с СССР и переориентации на США и страны НАТО. Советских военных инструкторов заменили американские специалисты. Египетские военнослужащие стали проходить подготовку в США, а не в советских военных академиях.

В 1990-е годы, после распада Советского Союза, российско-египетские отношения были сложными, поскольку Российская Федерация сосредоточила внимание на собственных внутренних экономических и политических проблемах. Тем не менее в начале 2000-х годов, после провозглашения Россией суверенного внешнеполитического курса, отношения между странами начали постепенно улучшаться. И Москва, и Каир стремились укрепить двусторонние экономические

¹ Между СССР и Египтом дипломатические отношения были установлены 26 августа 1943 г. [Межгосударственные отношения … , 2019].

² Двусторонние соглашения, заключенные между Израилем и Египтом при посредничестве США. Решение Каира и действия президента Египта А. Садата были подвергнуты жесткой критике со стороны арабского мира, который обвинял Арабскую Республику в предательстве «арабского дела» и борьбы палестинского народа за независимость. В качестве итога Египет был исключен из Лиги арабских государств.

связи, включая сферы промышленности, туризма и поставок продовольствия, а также наладить сотрудничество в таких областях, как борьба с терроризмом и обеспечение региональной безопасности [Титоренко, 1994].

Приход к власти в июне 2014 г. президента Абделя Фаттаха Саида Хусейна Халила Ас-Сиси привел к ускорению восстановления двухсторонних отношений в атмосфере взаимного доверия. Вместе с интенсификацией политических контактов развивается торгово-экономическое сотрудничество. На новый уровень вышли взаимоотношения в военно-технической сфере [Подцероб, 2015].

Сегодняшняя Россия заинтересована в развитии более тесных экономических связей с Египтом не только из-за его стратегического положения, но и из-за большой численности населения и растущей экономики. По состоянию на конец апреля 2023 г. численность населения Египта превысила 108,9 млн человек. По некоторым прогнозам, она может достигнуть 111 млн человек к 2050 г. [Egypt Population, 2023].

Каир же крайне заинтересован в импорте российской пшеницы [Геращенко, 2022] и расширении сотрудничества с Москвой в нефтегазовой сфере. Крупные российские нефтегазовые компании развиваются сотрудничество с партнерами в Египте – там уже работают ПАО «Роснефть» и ПАО «Лукойл»; проявляют интерес ПАО «Газпром-нефть» и АО «Зарубежнефть–Ближний Восток». Сотрудничество в этой области не останавливается, даже несмотря на санкции, введенные в отношении российской нефти после начала специальной военной операции (СВО) [Египетский сюрприз … , 2022 ; Russia Finds a New Route … , 2022]. Кроме того, Россия выразила заинтересованность в участии в инфраструктурных проектах в Египте, в том числе в строительстве атомной электростанции «Эль-Дабаа» [Строительство АЭС «Эль-Дабаа» … , 2023].

Тем не менее преференциальный торговый режим между Россией и Египтом отсутствует, исключая российскую промышленную зону (РПЗ) в районе Суэцкого канала на востоке Порт-Саида [РФ и Египет заключили дополнительное соглашение … , 2023], проект которой был запущен в феврале 2021 г. в рамках усилий Египта по расширению двустороннего экономического сотрудничества. Данный проект направлен на развитие современной высокотехнологичной промышленной зоны, которая привлечет российских и египетских инвесторов и создаст рабочие места в регионе [Соглашение … , 2019]. РПЗ займет территорию в 525 га и будет включать в себя площадки для различных отраслей, таких как металлургия, машиностроение и автомобилестроение, а также пищевая и упаковочная промышленность [О проекте … , 2023]. Ожидается, что проект предоставит платформу для совместной работы российского и египетского бизнеса, обмена опытом и освоения новых рынков.

Наконец, наблюдаются успехи в сфере науки и образования – так, за последние пять лет число египетских студентов, обучающихся в российских университетах, увеличилось в шесть раз.

Налажено активное сотрудничество российских и египетских высших учебных заведений, создаются филиалы Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) и Казанского федерального университета (КФУ) в АРЕ. Ведется работа по популяризации русского языка среди египетских граждан, в том числе благодаря открытию Центра русского языка в Каире [Российско-египетский вектор … , 2023].

Египет в условиях антироссийских санкций

Жесткие антироссийские санкции оказали деструктивное воздействие на и без того неустойчивую экономическую ситуацию в Египте. Еще в 2016 г. решение отпустить национальную валюту Египта «в свободное плавание» спровоцировало резкую девальвацию египетского фунта (на 48%) [Egypt devalues currency by 48% … , 2016]. Эта ситуация усугубилась в 2022–2023 гг., когда произошло стремительное падение курса египетской валюты с 15,6 египетских фунтов за доллар США в марте 2022 г. до рекордного значения около 30,9 египетских фунтов за доллар США в июне 2023 г. [Exchange Rates Historical Data, 2023].

Таким образом, Египет является одной из стран Ближнего Востока и Северной Африки, наиболее серьезно пострадавших от российско-украинского конфликта и западных антироссийских мер. Поскольку это крупнейший в мире импортер российской и украинской пшеницы – почти 80% поставок в 2021 г. осуществлялись из России и Украины [Egypt purchases … , 2022]. Туристический сектор, в котором занято 9,5% рабочей силы Египта, также зависит от потока туристов из России и Украины, которые в последние годы составляли треть от числа всех туристов, посетивших страну [Russia-Ukraine war: Egypt's tourism sector … , 2022].

Официальный Каир ведет крайне многовекторную политику, нацеленную на ослабление воздействия мирового энергетического кризиса, которая включает в себя как сотрудничество с Москвой, так и взаимодействие с европейскими государствами, а также с ключевыми ближневосточными игроками, например Саудовской Аравией и Катаром. Кроме того, различные международные институты также оказывают Египту помощь. Например, в конце июня 2022 г. Международный валютный фонд выделил Каиру около 500 млн долл. США [Egypt: IMF Reaches Staff-Level Agreement … , 2022].

Что касается социально-политического аспекта антироссийских мер, введенных странами Запада, то каких-либо протестов и народных волнений в Египте, вызванных прямым или косвенным воздействием санкций, зафиксировано не было. Аналогичным образом не выявлено применения Каиром в отношении России вторичных санкций. Санкционная тематика также не имеет особыго отражения во внутриполитической повестке. Случаев явной русофобии на государственном или общественном уровне с начала СВО выявлено не было. Также тематика санкций против Рос-

ции не эксплуатируется какими-либо серьезными политическими силами, в том числе и потому, что основное внимание направлено на поддержание Египта в условиях глобальной турбулентности.

Взаимодействие в рамках интеграционных объединений

Москва является важным партнером Каира не только в сферах экономики, энергетики, туризма и военно-технического сотрудничества, но и взаимодействия по линии интеграционных объединений, в том числе в силу выгодного геополитического расположения двух государств. Так, Египет является мостом между Магрибом (западная часть арабского мира) и Машриком (восточная часть арабского мира), находясь одновременно и в Азии, и в Северной Африке [Титоренко, 1994]. Кроме того, на его территории располагается Суэцкий канал, имеющий мировое стратегическое значение и являющийся одной из важнейших транспортных морских артерий, связывающих Европу с Африкой, Азией и Дальним Востоком [Конституция … , 2014].

Одной из особенностей современных российско-египетских отношений является их многоплановость. Оба государства входят в состав различных международных организаций, целью которых является содействие экономической интеграции и региональному сотрудничеству. Основных направлений интеграционного сотрудничества России и Египта два: Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Африканский союз.

Евразийский экономический союз. Российско-египетское сотрудничество в рамках ЕАЭС, в состав которого входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия, поступательно развивается с 2015 г. Уже с 2016 г. ведутся переговоры по созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) [Решение о начале переговоров … , 2016].

ЗСТ между Каиром и ЕАЭС откроет новые возможности для российско-египетского экономического взаимодействия в таких сферах, как сельское хозяйство, промышленность и туризм. ЗСТ также создаст благоприятные условия для создания совместных предприятий и расширения двусторонней торговли. На данный момент Египет не является членом ЕАЭС, но выражает заинтересованность в более глубоком экономическом сотрудничестве с организацией. Так, 20 марта 2023 г. Россия и Египет подписали протокол о сотрудничестве в рамках единой системы тарифных преференций ЕАЭС [Россия и Египет подписали … , 2023].

На XXV Петербургском международном экономическом форуме, который проходил 15–18 июня 2022 г., было заявлено, что переговоры по заключению соглашения о ЗСТ между Египтом и Евразийским экономическим союзом находятся на финальной стадии. Предполагается, что подписание этого документа даст еще больший импульс расширению взаимной торговли и снижению торговых барьеров между двумя странами [Египетская сила … , 2022]. В этом контексте подписание протокола о сотрудничестве в рамках единой системы тарифных преференций можно рассматривать как первый шаг к конструированию ЗСТ в будущем.

Африканский союз. Российско-египетское сотрудничество в рамках Африканского союза (АС) является относительно новым и развивающимся аспектом их двусторонних отношений. Африканский союз – это континентальное объединение 55 африканских государств, цель которого заключается в содействии экономической, политической и социальной интеграции его членов.

В XXI в. Африка стала одним из наиболее динамично развивающихся и перспективных регионов мира. Страны африканского континента стремятся укреплять свои позиции в структуре современного миропорядка, наращивать экономический потенциал и возможности политического влияния [Абрамова, Фитуни, 2015]. В политическом измерении Африке принадлежит особая роль в формировании полицентричного мироустройства, в том числе в рамках сотрудничества по линии Юг – Юг [Кузнецов, 2019].

Россия стремится укрепить свои связи с Африканским союзом с начала 2000-х годов. В октябре 2019 г. на саммите «Россия – Африка» был подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Африканским союзом об основах взаимоотношений и сотрудничества [Второй саммит … , 2022]. В 2022 г. готовился дополняющий его план действий по сотрудничеству Россия – Африканский союз на период до 2025 года [Михаил Богданов … , 2022]. Одновременно с заключением Меморандума, в 2019 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) подписала меморандум о взаимопонимании с комиссией Африканского союза [Россия и Африканский союз … , 2019]. Эти соглашения задали ориентиры дальнейшему сотрудничеству и реализации совместных проектов и инициатив в различных сферах межгосударственных отношений. Так, в настоящий момент на африканском направлении осуществляют деятельность более 30 компаний – «капитанов» российского бизнеса, среди которых «Росатом», «ВТБ Африка», «Газпром», «Газпромнефть», «Лукойл», «Норникель», «Ренессанс Капитал», «Росгеология», НК «Роснефть», «РосСпецСплав – Группа МидЮрал», ОК «Русал», «Северсталь», «Технопромэкспорт», «Трансмашхолдинг», «Уралхим» / «Уралкалий» и др.

Еще одной областью, в которой Россия и Египет сотрудничают в рамках Африканского союза, является поддержание мира и безопасности. Оба государства участвовали в миротворческих миссиях ООН в различных африканских странах, таких как ЦАР, Конго, Судан и др.

Шанхайская организация сотрудничества. С момента основания в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) состоит из девяти полноправных членов (Россия, Казахстан, Китай, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Индия, Пакистан, Иран), трех стран-наблюдателей и множества государств со статусом партнера по диалогу [Иран стал полноправным … , 2022]. ШОС в основном занимается вопросами сотрудничества как в области безопасности, так и в экономической, социальной и культурной сферах. Организация стремится способствовать развитию региональных экономик, обеспечивать благоприятные условия для торговли и поддерживать инвести-

ционные инициативы от Восточной Европы до восточного побережья России и Китая, а также выстраивать интегрированную дорожно-транспортную систему.

В рамках подготовки к саммиту ШОС в Ташкенте 14 сентября 2022 г. Египет подписал меморандум о присоединении к Шанхайской организации сотрудничества в качестве партнера по диалогу [Egypt and the Shanghai Cooperation Organization … , 2023]. Документ был подписан послом Хамди Санадом Лозой, заместителем министра иностранных дел Египта по делам Африки, и генеральным секретарем Шанхайской организации сотрудничества Чангом Мином.

Будучи первой страной Африканского континента, получившей статус партнера по диалогу в ШОС, Египет поддерживает тесные и дружественные отношения практически со всеми странами ШОС и ценит ключевую региональную роль группы в сфере реализации китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» [Diversifying allies, 2022]. При этом Каир пока воздерживается от полноправного членства в организации, чтобы Запад не воспринял это как враждебный шаг, особенно учитывая нынешние антикитайские и антироссийские настроения в Вашингтоне.

Тем не менее, по мнению официальных египетских лиц, основой международной привлекательности ШОС является ее внеблоковый статус, открытость, ненацеленность на третьи страны или международные организации, равноправие и уважение суверенитета всех участников, отказ от вмешательства во внутренние дела и недопущение политической конфронтации и нездорового соперничества. Многие страны арабского мира также выразили интерес к укреплению связей с ШОС. Так, помимо Египта, на саммите в Ташкенте в сентябре 2022 г. статус партнеров по диалогу получили Саудовская Аравия и Катар. Достигнуты соглашения о приеме в будущем в партнеры по диалогу и, потенциально, в члены организации Бахрейна, Объединенных Арабских Эмиратов и Кувейта.

Вступление Египта в ШОС в качестве партнера по диалогу является важным шагом на пути укрепления его отношений со странами – членами организации в таких областях, как торговля, инвестиции, энергетика, транспорт и туризм, а также поддержка региональной безопасности и стабильности. В перспективе возможно расширение сотрудничества в направлении использования в торговле и других видах экономической деятельности национальных валют, что увеличит инвестиции и объем взаимного товарооборота [Egypt becomes Shanghai Cooperation Organisation … , 2022].

Кроме того, важную роль в установлении и развитии контактов между Египтом и странами ШОС (в первую очередь с Россией и Китаем) является антитеррористическая направленность организации. На протяжении многих десятилетий Ближний Восток и Северную Африку сотрясают конфликты. В регионе сохраняется межгосударственная напряженность. Широкое распространение получили различные экстремистские идеологии, что оказывает серьезное негативное воздействие на региональную безопасность, стабильность и развитие. Антитеррористическая повестка дня ШОС соответствует позиции Египта [News Analysis: Egypt granted status … , 2022]. Таким образом, помимо экономических возможностей, Каир будет стремиться расширить сотрудничество в

области безопасности и борьбы с терроризмом, а также в сфере обмена разведданными с государствами – членами ШОС.

Вступление в Шанхайскую организацию предоставит Египту многообещающие возможности в области привлечения иностранных инвестиций, тем более что Египет имеет выгодное стратегическое положение, в том числе благодаря Суэцкому каналу и промышленной зоне вокруг него.

Перспективы сотрудничества

Что касается сотрудничества в рамках интеграционных объединений, то взаимодействие Москвы и Каира имеет значительные перспективы, поскольку Россия является членом евразийской структуры ЕАЭС, а Египет – член африканской континентальной организации. Это дает России и Египту возможность сотрудничать в проектах и инициативах, способствующих кроссрегиональному и даже межконтинентальному развитию и сотрудничеству по линии Евразия–Африка. Кроме того, Москва является одним из основных экономических партнеров Каира и активно участвует в поддержке египетской экономики и сельского хозяйства, а также содействует обеспечению продовольственной безопасности страны. В перспективе это дает дополнительный импульс развитию отношений не только в рамках сотрудничества Россия – Египет, но и в системе межгосударственных связей ЕАЭС – Россия – Египет – Африканский союз [Крылов, 2023].

Россия активно продвигает идею подписания соглашения о свободной торговле с Египтом, чтобы расширить торговый обмен между двумя странами на фоне экономического ущерба, понесенного Российской Федерацией от введения против нее западных санкций. В этой связи политика Каира в отношении Москвы носит партнерский и конструктивный характер. Стороны намерены развивать сотрудничество, увеличивая товарооборот.

Перспективы российско-египетского сотрудничества в рамках ЕАЭС будут зависеть от множества факторов, в том числе от готовности Египта развивать более тесные экономические связи с организацией и разрешения региональных конфликтов, которые могут повлиять на двусторонние отношения.

Поскольку российский рынок может вместить широкий ассортимент египетских сельскохозяйственных и потребительских товаров, Египет стремится к тому, чтобы Россия стала своего рода «вратами» в Евразийский экономический союз, в котором Москва играет одну из ключевых ролей. ЕАЭС с позиции Египта является одной из важных и перспективных экономических сил в Евразийском регионе, включает таможенный союз и единую экономическую зону для своих членов, что создает общий рынок с населением численностью около 183 млн человек. Это может стать отличной возможностью для осуществления египетского экспорта в регион Средней Азии. Этому способствует заинтересованность президента А. Ас-Сиси в исполнении графика реализации совместных российско-египетских проектов.

В целом перспективы российско-египетского сотрудничества в рамках Африканского союза обнадеживают, поскольку оба государства разделяют заинтересованность в укреплении связей с африканскими странами. Россия намерена развивать экономическое сотрудничество с Африканским континентом [Россия – Африка … , 2021]. Традиционно Москва взаимодействует с государствами Северной Африки (Египет, Алжир, Марокко и Тунис), однако именно страны южнее Сахары развиваются крайне быстро и демонстрируют высокие темпы экономического роста, что делает их в перспективе привлекательными направлениями развития и расширения межгосударственных коммуникаций.

Участие в работе ШОС как России, так и Египта (пусть в настоящее время на разных уровнях) открывает новые возможности для совместной деятельности и достижения национальных интересов двух государств. Фактически вовлечение Каира в работу Шанхайской организации подтверждает региональную и международную значимость Египта. Что, в свою очередь, открывает перспективы сотрудничества с другими странами евразийского континента в политической и экономической сферах, а также в области безопасности и борьбы с терроризмом.

Москва с оптимизмом смотрит на продолжение и развитие сотрудничества с Каиром. При этом ограничения, наложенные Западом, способствуют в определенной степени укреплению отношений России и Египта в различных сферах. Оба государства гордятся особым уровнем экономических связей, который складывался на протяжении последних лет. Россия и Египет имеют высокий уровень политического доверия и координации. Москва и Каир активно взаимодействуют на многих международных площадках, включая ООН. Между двумя государствами поддерживаются контакты на различных уровнях и направлениях. Кроме того, фундаментом для выстраивания дружественных отношений между народами двух стран исторически являются культурно-гуманитарные связи. Прочность соединяющих уз продемонстрировал прошедший с большим размахом Год гуманитарного сотрудничества России и Египта.

Вместе с тем, несомненно, что западные санкции, введенные против России на фоне СВО, вместе с остаточными последствиями пандемии COVID-19 и различными социально-экономическими проблемами внутри страны, оказали негативное влияние на египетскую экономику. Тем не менее Россия активно развивает отношения с Египтом и в полном объеме осуществляет исполнение ранее заключенных договоров, что способствует укреплению сотрудничества, экономического суверенитета и стабильности обоих государств.

Таким образом, для России и АРЕ представляется исключительно важным продолжать выбранный курс по налаживанию и упрощению форм взаимодействия как на межгосударственном уровне, так и в рамках интеграционных объединений. В краткосрочной и среднесрочной перспективах, выход Египта на рынок ЕАЭС и усиление позиций России на площадке Африканского союза позволит Москве и Каиру расширить свои экономические и политические связи, укрепить влияние на региональном и кроссрегиональном уровне, реализовать и защитить свои национальные

интересы на внешнеполитическом направлении в рамках стратегического взаимодействия на Евразийском и Африканском геополитических пространствах.

Список литературы

1. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2015. – № 6(84). – С. 141–150.
2. Васильев А.М. Россия на Ближнем Востоке: от мессианства к прагматизму. – Москва : Наука, 1993. – 399 с.
3. Второй саммит «Россия–Африка» и другие мероприятия в формате «Россия–Африка» состоятся в 2023 году в России // Росконгресс. – 2022. – 21.07. – URL: <https://roscongress.org/news/vtoroj-sammit-rossija-afrika-i-drugie-meropriyatiya-v-formate-rossija-afrika-sostojatsja-v-2023-godu/> (дата обращения 29.04.2023).
4. Геращенко И.Д. Продовольственная безопасность Египта: с какими проблемами столкнется крупнейший импортер пшеницы? // ФГБУ «Центр оценки качества зерна». – 2022. – 05.10. – URL: <http://www.fczema.ru/news/?NAME=prodovolstvennaya-bezopasnost-egipta-s-kakimi-problemami-stolknetsya-krupneyshiy-importer-pshenitsy> (дата обращения 29.04.2023).
5. Договор о стратегическом сотрудничестве между Россией и Египтом вступил в силу // ТАСС. – 2021. – 11.01. – URL: <https://tass.ru/politika/10437035> (дата обращения 29.04.2023).
6. Египетская сила ПМЭФ: Президент Абдель Фаттах ас-Сиси выступил в Санкт-Петербурге // ФАН. – 2022. – 17.06. – URL: https://riafan.ru/23493005-egipetskaya_sila_pmef_president_abdel_fattah_as_sisi_vistupil_v_sankt_peterburge (дата обращения 29.04.2023).
7. Египетский сюрприз: хитрая нефтяная схема Москвы привела ЕС и США в замешательство // Федеральное агентство новостей. – 2022. – 05.08. – URL: https://riafan.ru/23574579-egipetskii_syurpriz_hitraya_neftyanaya_shema_moskvi_privela_es_i_ssha_v_zameshatel_stvo (дата обращения 29.04.2023).
8. Иран стал полноправным членом ШОС // РАПСИ. – 2022. – 15.09. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20220915/308274746.html (дата обращения 29.04.2023).
9. Конституция Арабской Республики Египет 2014 (на арабском языке) // Constitute. – 2014. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2014?lang=ar (дата обращения 29.04.2023).
10. Крылов Д.С. Продовольственная безопасность Египта в контексте трансформации системы международных отношений // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 1. – С. 126–136.
11. Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 30–46.
12. Межгосударственные отношения России и Египта // РИА НОВОСТИ. – 2019. – 26.04. – URL: <https://ria.ru/20190426/1553009363.html> (дата обращения 29.04.2023).
13. Михаил Богданов: рассчитываем, что российские компании продолжат работать в Африке, несмотря на санкции // Интерфакс. – 2022. – 27.04. – URL: <https://www.interfax.ru/interview/838063> (дата обращения 29.04.2023).
14. О проекте // Российская Промышленная Зона в Арабской Республике Египет. – URL: <http://rioegypt.ru> (дата обращения 29.04.2023).
15. Подцероб А.Б. Россия и арабский мир / МГИМО МИД РФ, Институт востоковедения, РАН. – Москва : МГИМО-Университет, 2015. – 540 с.
16. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. – Москва : ЗАО Издательство Центр-Полиграф, 2016. – 415 с.
17. Решение о начале переговоров с Арабской Республикой Египет о заключении соглашения о зоне свободной торговли // Высший Евразийский экономический совет. – 2016. – 26.12. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ruru/01415499/scd_11042017 (дата обращения 29.04.2023).
18. Российско-египетский вектор высшего образования и науки: страны наращивают сотрудничество // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 2023. – 20.03. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhunarodnoe-sotrudnistvo/65553/> (дата обращения 29.04.2023).
19. Россия – Африка: старые друзья и перспективные партнеры // ТАСС. – 2021. – 04.02. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/10621831> (дата обращения 29.04.2023).
20. Россия и Африканский союз подписали меморандум об основах взаимоотношений и сотрудничестве // ТАСС. – 2019. – 24.10. – URL: <https://tass.ru/politika/7041626> (дата обращения 29.04.2023).
21. Россия и Египет подписали Протокол о сотрудничестве в рамках единой системы тарифных преференций ЕАЭС // Федеральная таможенная служба. – 2023. – 21.03. – URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/387105> (дата обращения 29.04.2023).
22. РФ и Египет заключили дополнительное соглашение по российской промышленной зоне // ТАСС. – 2023. – 20.03. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17315987> (дата обращения 29.04.2023).
23. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о создании и обеспечении условий деятельности Российской промышленной зоны в Экономической зоне Суэцкого ка-

- нала Арабской Республики Египет // МИД России. – 2019. – 17.01. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53322/ (дата обращения 29.04.2023).
24. Строительство АЭС «Эль-Дабаа» в Египте идет с опережением, заявил Мантуров // РИА Новости. – 2023. – 19.03. – URL: <https://ria.ru/20230319/aes-1858960137.html> (дата обращения 29.04.2023).
25. Титоренко В.Е. Формирование внешней политики Египта после Г.А. Насера (1970–1993 гг.). – Москва : Ин-формэлектро», 1994. – 320 с.
26. Diversifying allies // Ahram Online. – 2022. – 20.09. – URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1201/476498/AlAhram-Weekly/Egypt/Diversifying-allies.aspx> (дата обращения 29.04.2023).
27. Egypt and the Shanghai Cooperation Organization // State Information Service. A gateway to Egypt. – 2023. – 13.01. – URL: <https://beta.sis.gov.eg/en/international-relations/regional-intl-organizations/egypt-and-the-shanghai-cooperation-organization/> (дата обращения 29.04.2023).
28. Egypt becomes Shanghai Cooperation Organisation dialogue partner // Arab News. – 2022. – 15.09. – URL: <https://www.arabnews.com/node/2163121/middle-east> (дата обращения 29.04.2023).
29. Egypt devalues currency by 48% to meet IMF demands for \$12 bn loan // The Guardian. – 2016. – 03.11. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/03/egypt-devalues-currency-meet-imf-demands-loan> (дата обращения 29.04.2023).
30. Egypt Population // Countryometers. – URL: <https://countryometers.info/en/Egypt> (дата обращения 29.04.2023).
31. Egypt purchases 465,000 tons of wheat from Russia, Bulgaria and Romania // Ahram Online. – 2022. – 02.06. – URL: <https://english.ahram.org.eg/News/467319.aspx> (дата обращения 29.04.2023).
32. Egypt: IMF Reaches Staff-Level Agreement on an Extended Fund Facility Arrangement // International Monetary Fund. – 2022. – 27.10. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/26/pr22363-egypt-imf-reaches-staff-level-agreement-on-an-extended-fund-facility-arrangement> (дата обращения 29.04.2023).
33. Exchange Rates Historical Data // Central Bank of Egypt. – URL: <https://www.cbe.org.eg/en/economic-research/statistics/exchange-rates/historical-data> (дата обращения 05.06.2023).
34. News Analysis: Egypt granted status of SCO dialogue partner expands regional security, development // Xinhua. – 2022. – 23.09. – URL: <https://english.news.cn/africa/20220923/3b11c10b03ec4d1d80776197c0f05769/c.html> (дата обращения 29.04.2023).
35. Russia Finds a New Route to Oil Market Via a Tiny Egyptian Port // Bloomberg. – 2022. – 03.08. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-03/russia-finds-a-new-route-to-oil-market-via-a-tiny-egyptian-port> (дата обращения 29.04.2023).
36. Russia-Ukraine war: Egypt's tourism sector expects painful blow // Middle East Eye. – 2022. – 24.02. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/egypt-russia-ukraine-war-tourism-painful-blow-expected> (дата обращения 29.04.2023).

PROSPECTS FOR RUSSIAN-EGYPTIAN COOPERATION WITHIN INTEGRATION ASSOCIATIONS (Review)

Danila Krylov

Research fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: danila-krylov@yandex.ru

***Abstract.** The paper provides a brief overview of the current state of Russian-Egyptian cooperation in the context of changes in world politics and international relations after the start of the Special Military Operation. Gives an assessment of the prospects for the development of bilateral relations within the framework of such integration associations as the EAEU, the African Union and the SCO. Concludes that it is necessary to develop relations between Moscow and Cairo in this direction, which will meet the strategic national interests of the two states.*

Keywords: Russia; Egypt, bilateral cooperation; EAEU; African Union; SCO; integration associations.

For citation: Krylov D.S. Prospects for Russian-Egyptian cooperation within integration associations (Review) // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 94–104.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.05

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

УДК 336.27

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.06

РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА СУВЕРЕННОГО ДОЛГА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Чухарев Андрей Владимирович¹

Институт иностранных языков Российской университета дружи-
бы народов им. Патриса Лулумбы, Москва, Россия,
e-mail: andrewv100@mail.ru

Положихина Мария Анатольевна

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник От-
дела экономики Института научной информации по обществен-
ным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: polozhikhina2@mail.ru

Аннотация. В начале 2010-х годов экономическая система объединенной Европы столкну-
лась с рядом серьезных проблем, обусловленных долговой обремененностью и наиболее остро про-
являющихся в секторе государственных финансов. В статье анализируется развитие европейско-
го кризиса суверенного долга в первой четверти XXI в., для преодоления которого в монетарную
политику Европейского центрального банка был инкорпорирован ряд нетрадиционных денежно-
кредитных инструментов. Дается оценка современного состояния долгового вопроса в зоне евро
и возможностей его разрешения в краткосрочной перспективе. Актуальность темы обусловлена
новым этапом обострения долгового кризиса стран Европейского Союза и риском их дезинтегра-
ции на этом фоне.

Ключевые слова: ЕС; зона евро; долговой кризис; суверенный долг; современная теория де-
нег; монетарная политика; дезинтеграция.

¹ © Чухарев А.В., 2023

Для цитирования: Чухарев А.В., Положихина М.А. Развитие европейского кризиса суверенного долга в первой четверти XXI века // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 105–119.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.06

Рукопись поступила 10.04.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

Введение

Начало 2010-х годов стало отправной точкой европейского долгового кризиса, затянувшегося более чем на декаду. Пиком его активной фазы стал греческий кризис платежеспособности, в 2015 г. вылившийся в так и не объявленный официально, но технически состоявшийся дефолт. Тогда Греция не сумела осуществить транш в размере 1,5 млрд евро в рамках погашения задолженности перед Международным валютным фондом (МВФ). Однако долговые проблемы в границах зоны евро¹ оказались свойственны не только этому государству, как случаю *sui generis*, а скорее стали неотъемлемой чертой европейской экономической модели.

Исчерпание потенциала традиционного инструментария монетарной политики поставило европейские финансовые власти перед необходимостью поисков новых путей выхода из кризиса и стимулирования экономического роста. Их итогом стало частичное принятие в арсенал и активное использование на практике механизмов, предлагаемых современной теорией денег – широко обсуждаемой, но до конца не признанной в академической среде экономической концепцией.

В настоящей статье рассматривается влияние применения современной теории денег на развитие европейского кризиса суверенного долга в первой четверти XXI в. в контексте избыточного использования количественного смягчения в монетарной политике Европейского центрального банка (ЕЦБ), оценивается современное состояние европейского долгового вопроса и дается прогноз возможностей его разрешения в краткосрочной перспективе.

Понятие и сущность кризиса суверенного долга в теоретическом ракурсе

Понятие *долговой кризис* может быть определено как ситуация, в которой задолженность суверенного заемщика, т.е. государства в лице его национального правительства и правительства отдельных субъектов, существенно и непропорционально увеличивается по отношению к его доходам. Зачастую это понятие употребляется в качестве эквивалента или в связке с термином *кризис платежеспособности*, трактуемого, в свою очередь, как отсутствие у суверенного заемщика возможности расплатиться по своим долговым обязательствам в соответствии с графиком, установленным договоренностью с кредитором. Возникновение подобной ситуации, как правило, связывают с наличием структурных проблем или нехваткой ликвидности [Афанасьева, 2016, с. 8].

¹ В состав еврозоны входит 20 стран – членов ЕС, в том числе: Австрия, Бельгия, Кипр, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Хорватия [Страны Евросоюза, 2023].

Позиции признания тождественности означенных выше понятий придерживается, к примеру, МВФ. Так, в соответствии с классификацией этого специализированного учреждения ООН, государством, находящимся в состоянии долгового кризиса, является страна с дефолтным статусом, присвоенным ей рейтинговым агентством Standard and Poor's (S&P), или получившая средства по программе нельготного кредитования МВФ на сумму, составляющую 100% от ее квоты. При этом дефолт суверенного эмитента S&P объявляет в том случае, когда заемщик не может погасить основную сумму долга или проценты по нему в установленный срок (в том числе посредством принятия кредитных своп-предложений) [Manasse, Ruoubini, Schimmelpfennig, 2003, p. 8]. По существу, неисполнение любого из пунктов облигационного соглашения или кредитного договора индуцирует состояние «технического дефолта», дающее старт процессу принудительного пересмотра условий долгового контракта. Однако такая дефиниция долгового кризиса видится узко специализированной и более подходящей для его экстремальной фазы. Вместе с тем, согласно распространенному в научном сообществе мнению, кризис суверенного долга может начаться задолго до кризиса платежеспособности и развиваться вне его контекста. В этом случае формой непосредственного проявления кризиса становится не невыполнение условий договора займа, но ощутимое негативное влияние на экономическую конъюнктуру. Такие представления связаны с концепцией *бремени долга*. Под последним принято понимать падение уровня жизни и благосостояния резидентов, обязанных осуществлять налоговые отчисления в бюджет, которые необходимы государству для обслуживания его долговых обязательств [Николайчук, Люшина, 2019, с. 5].

Изучение вопросов долга и его влияния на состояние национальной хозяйственной системы выступает в качестве одного из предметов экономической теории на протяжении нескольких последних столетий, а их постановка может по праву считаться фундаментальной для данной отрасли научного знания. О своем положительном или негативном отношении к проблеме долгового бремени высказывались представители даже таких «ранних» экономических школ, как меркантилизма и физиократии. Релевантные сегодняшней действительности направления экономической мысли артикулируют следующие позиции в отношении долгового вопроса [Николайчук, Люшина, 2019, с. 6–11 ; Семеко, 2020, с. 88–93]:

1. *Кейнсианская школа* наделяет государственные финансы, формируемые в том числе и через привлечение заимствований, одной из важнейших функций в механизме регулирования национальной экономики. Модель дефицитного финансирования Дж.М. Кейнса предполагает оказание целенаправленного влияния на совокупный объем спроса посредством увеличения государственных расходов, что, согласно данной теории, косвенно воздействует и на величину предложения, способствуя росту производства. Бюджетный дефицит и наращивание долга при этом рассматриваются в качестве наиболее эффективных способов гальванизации экономики, пораженной кризи-

сом. При грамотном использовании в условиях высокой конъюнктуры такая финансовая политика также способствует стимулированию производства и достижению высоких показателей темпов роста. Вместе с тем кейнсианство настаивает на неинфляционном характере финансирования бюджетного дефицита посредством заимствований и негативно относится к эмиссии, считая ее одним из источников инфляции.

2. *Неоклассическая школа* отстаивает точку зрения, согласно которой наращивание суверенного долга лишь перекладывает налоговое бремя (неразрывно связанное в рассматриваемой теории с долговым) на будущие поколения домохозяйств. Высвобождая некую долю располагаемого дохода, бюджетный дефицит, покрытый долговыми обязательствами, стимулирует рост текущего потребления, что в условиях полной занятости способствует сокращению национальных сбережений. Следствием этого становится рост процентных ставок по кредиту, эффект вытеснения и, в качестве закономерного итога, падение темпов экономического роста. Неоклассическая теория выступает за осуществление сбалансированной бюджетной политики, основанной на устойчивости фискальной системы. Эмиссия (денег, ценных бумаг и т.д.) характеризуется данной школой отрицательно.

3. *Монетаризм* выступает за отказ от использования займов в качестве инструмента стабилизации хозяйственной системы, в целом отрицая их положительный экономический эффект как в долгосрочном, так и в краткосрочном временных интервалах.

4. *Стокгольмская экономическая школа* применяет теорию «циклического балансирования бюджета», содержание которой сводится к необходимости погашения дефицита, неизбежно возникающего в кризисные периоды, за счет профицита, наблюдаемого во время экономического подъема.

5. Ряд современных эмпирических исследований, уходящих корнями в *теорию маржинализма*, свидетельствуют в пользу существования «плавающего» в широком диапазоне предела задолженности, для расчета которого обычно используется показатель отношения суверенного долга к ВВП. Достижение такого предела, как правило варьирующегося в границах 50–90% от ВВП, ведет к снижению инвестиционной активности и замедлению темпов экономического роста.

Согласно представленным выше теориям, проблема долгового бремени и кризиса суверенного долга раскрывается в терминах оптимальных размеров государственных заимствований и своевременной грамотной оценки их последствий для национальной системы хозяйствования. Вместе с тем в них четко прослеживается признание за государственным долгом способности воздействовать на общезэкономическую конъюнктуру как в негативном, так и в позитивном ключе. И если стабилизационная и стимулирующая роль заимствований отрицается некоторыми указанными выше школами (неоклассиков и монетаристов), разрушительное влияние его чрезмерного увеличения признается единодушно. Вопросы об уместности займов и их оптимальном размере тради-

ционно рассматриваются в контексте пристального внимания к конкретным инфляционным условиям и эмиссионной политике.

Современная теория денег – нестандартный подход к проблеме суверенного долга

Отдельно от ортодоксальных экономических теорий следует рассмотреть так называемую *современную теорию денег* (англ. *Modern monetary theory, MMT*), в последние годы широко обсуждаемую в финансовых и экономических кругах, и предлагающую нетрадиционный взгляд на долговой вопрос.

Концепция ММТ объявляет возможным (при соблюдении ряда допущений) покрытие государственных расходов посредством денежной эмиссии. Целью монетарной политики сторонники школы провозглашается максимизация занятости, а ее инфляционные последствия отрицаются [Моисеев, 2019]. Кризис платежеспособности – дефолт по государственному долгу – считается невозможным для *суверенных экономик*, обязательства которых номинируются в их же национальных валютах, поскольку он всегда может быть предупрежден созданием недостающей ликвидности через эмиссию. Характерной чертой «суверенной экономики» при этом является признание и использование ее валюты в качестве резервной на мировом финансовом рынке. Таким образом, спрос на национальную валюту, предъявляемый экономиками зарубежных государств, должен смягчать последствия избыточного увеличения денежной массы. Подобное невозможно в условиях полной независимости центральных банков в определении векторов кредитно-денежной политики, а потому согласно ММТ необходимо подчинение центральных банков правительству.

Несмотря на общее скептическое отношение и всестороннюю критику, звучавшую в адрес современной теории денег со стороны именитых экономистов-теоретиков и практикующих финансистов (в их числе К. Рогофф, Л. Саммерс, П. Кругман и др.), ММТ стала одной из самых обсуждаемых макроэкономических концепций последнего десятилетия и сумела обрасти влиятельных политических сторонников. В то же время отдельные положения теории, равно как и часть предлагаемого ей инструментария, как представляется, постепенно инкорпорируются в реальную monetарную практику центральных банков развитых стран, в том числе и центральных банков государств, входящих в ЕС.

Греческий кризис платежеспособности как индикатор структурных проблем зоны евро

Период с начала 2010-х годов стал одним из самых непростых для интегрированной европейской экономики за всю историю ее существования. Серия рецессивных явлений, с которыми ей пришлось столкнуться в то время, была спровоцирована мировым финансовым кризисом 2008 г. и усугубилась из-за долговых и бюджетных проблем в странах Южной Европы, так называемой

группе PIGS – Португалии, Италии, Греции и Испании (от англ. Portugal, Italy, Greece, Spain). К причинам этого кризиса отечественные и зарубежные специалисты традиционно относят ряд серьезных проблем, бывших характерными для экономической модели ЕС того времени [Потапова, 2012]. Важнейшими среди них считаются:

- несоблюдение Маастрихтских критериев;
- обеспечение роста ВВП южных стран в 2000-х годах за счет заимствований и последующее покрытие ими бюджетных дефицитов во время острой фазы кризиса;
- недостаточная гибкость денежно-кредитной политики ЕЦБ.

Маастрихтскими соглашениями, подписанными в 1992 г. и вступившими в силу годом позже, были сформированы институты надгосударственного регулирования денежной системы ЕС и закреплены требования для национальных экономик нынешних и будущих членов. Соблюдение этих требований, как предполагалось, должно было обеспечить бесперебойное и успешное функционирование хозяйственной модели объединения. Перечень требований включал в себя следующие положения: а) внутристрановая инфляция государства-члена не должна превышать более чем на 1,5 процентных пункта среднего значения этого показателя трех государств с наиболее стабильными ценами; б) дефицит государственного бюджета не должен быть выше 3% от ВВП, а допустимым порогом суверенного долга является значение, составлявшее 60% от ВВП. Однако работающего механизма контроля за соблюдением этих норм предусмотрено не было. И уже к 2002 г. – году полного перехода стран зоны евро на общую валюту – ряд стран (среди которых особенно выделяется южно-европейская группа) подошел с серьезными нарушениями (табл. 1).

Таблица 1

Соответствие стран Южной Европы Маастрихтским критериям в 2001 г.*

Страна:	Инфляция, потребительские цены, %	Государственный долг к ВВП, %	Профит / дефицит гос. бюджета, % от ВВП
Греция	3,4	107,1	-5,5
Испания	3,6	54	-0,5
Италия	2,8	108,9	-3,2
Португалия	4,4	57,4	-4,8
Критическое значение	3,5	60	-3

* Составлено по: [Inflation, consumer prices (annual %) ... ; Greece Government Budget ... , 2022 ; Greece Government Debt to GDP ... , 2022 ; Spain Government Budget ... , 2022 ; Spain Government Debt to GDP ... , 2022 ; Italy Government Budget ... , 2022 ; Italy Government Debt to GDP ... , 2022 ; Portugal Government Budget ... , 2022 ; Portugal Government Debt to GDP ... , 2022].

В начале – середине 2000-х годов экономическая конъюнктура в ЕС была относительно высокой, что позволяло ЕЦБ удерживать ключевую ставку в период 2003–2007 гг. в среднем на уровне 2,5% [Key ECB interest rates ...]. В таких условиях государства Южной Европы могли брать на себя крупные социальные обязательства и снабжать рынок ликвидностью, используя

возможности, предоставляемые низкой ценой заимствований и «сильным» евро. ВВП стран группы PIGS рос относительно быстрыми темпами. Обеспечивался же он, большей частью, заемным капиталом как на частном, так и на государственном уровне [Потапова, 2012].

В результате на долговых рынках этих стран сформировались отрицательные реальные процентные ставки – уровень инфляции превысил проценты по кредитам. Это стало причиной формирования долговых пузырей. Кроме того, привлекая заимствования посредством выпуска облигаций государственного займа, страны Евросоюза должны были номинировать бумаги в евро. Однако национальные финансовые власти не способны самостоятельно управлять ключевой ставкой для контроля над инфляцией и стимулирования экономического роста. Данные обстоятельства усугубили ситуацию.

Когда на фоне рецессивных явлений в мировой экономике и развития ипотечного кризиса в США ключевая ставка в зоне евро все-таки была повышена, закредитованным странам стало слишком сложно обслуживать свои долговые обязательства. Их рефинансирование было затруднено величиной процентов, установленных в качестве премии кредитору за предоставление займа, а общеэкономический спад ограничивал возможности для погашения. Как следствие, возможностей для соблюдения бюджета оставалось все меньше, что в конечном счете вылилось в необходимость дальнейшего увеличения долга. В результате к началу 2010-х годов южно-европейские страны оказались заложниками *долговой спирали*¹ (табл. 2).

Таблица 2

Долговое и бюджетное положение в странах Южной Европы в 2007–2021 гг.*

Страна:	Государственный долг к ВВП, %					Профит / дефицит гос. бюджета, % от ВВП				
	2005 г.	2009 г.	2013 г.	2017 г.	2021 г.	2005 г.	2009 г.	2013 г.	2017 г.	2021 г.
Греция	107,4	126,7	178,2	179,5	194,5	-6,2	-15,2	-13,4	0,6	-7,1
Испания	42,4	53,3	100,5	101,8	118,3	1,2	-11,3	-7,5	-3,1	-6,9
Италия	106,6	116,6	132,5	134,2	149,8	-4,1	-5,1	-2,9	-2,4	-9
Португалия	72,2	87,8	131,4	126,1	125,4	-6,1	-9,9	-5,1	-3	-2,9

* Составлено по: [Greece Government Budget … , 2022 ; Greece Government Debt to GDP … , 2022 ; Spain Government Budget … , 2022 ; Spain Government Debt to GDP … , 2022 ; Italy Government Budget … , 2022 ; Italy Government Debt to GDP … , 2022 ; Portugal Government Budget … , 2022 ; Portugal Government Debt to GDP … , 2022].

Балансовая монетарная политика и практическое применение ММТ в европейской экономической модели

Мировой финансовый кризис 2008 г. не только стал маркером и отягчающим фактором для свойственных европейской системе хозяйствования проблем, но обусловил возникновение в арсенале ЕЦБ новых инструментов оказания монетарного влияния на экономику. Ими стали програм-

¹ Долговая спираль (англ. debt spiral, fiscal spiral) – состояние государственных финансов, когда стоимость заимствований, необходимых для обслуживания дефицита бюджета и предшествующих долговых обязательств, продолжает расти по причине сомнений кредиторов в способности заемщика (т.е. правительства) когда-либо вернуть одолженные средства, что, в свою очередь, приводит к еще большему увеличению государственных расходов [Obstfeld, 1991, p. 160].

мы так называемых *количественного* (англ. quantitative easing, QE) и *кредитного смягчения* (англ. credit easing, CE), в основе которых лежат манипуляции со структурой и объемом баланса центрального банка. Такой подход к регулированию денежно-кредитной системы получил название *балансовая монетарная политика* [Семеко, 2018, с. 102–107].

QE и CE представляют собой «мягкую» форму контроля кривой доходности (англ. yield curve control, YCC), при использовании которой центральный банк регулирует общий уровень денежно-кредитных условий в финансовой системе посредством выкупа активов на свой баланс. При этом ее «мягкость» состоит в том, что, в отличие от полного YCC, количественное и кредитное смягчения не таргетируют доходность инструментов с различной дюрацией¹, но ограничивают их выкуп строго определенными объемами, позволяя рыночным механизмам влиять на относительные цены активов. Различие между QE и CE лежит в плоскости типологии покупаемых инструментов: в то время как количественное смягчение применяется на рынке высококлассных активов, кредитное – для влияния на риск-премию [Заботкин, 2020]. При рассмотрении европейского рынка суверенного долга под QE можно понимать покупку государственных облигаций более надежных эмитентов, таких как ФРГ, а под CE – менее безопасных, как Греция или Италия. Поскольку CE является производным от QE, в дальнейшем для удобства обозначения будет использоваться более распространенный родовой термин *количественное смягчение* для обоих типов программ.

Впервые программу покупки государственных долгов в формате выкупа облигаций у коммерческих банков на вторичном рынке (англ. Securities Markets Programme, SMP) Евросистема (ЕЦБ и центральные банки стран зоны евро) запустила в 2010 г. в качестве ответа на мировой финансовый кризис. В этот период ЕЦБ лишь в незначительной степени реализовал свои функции кредитора последней инстанции, покупая облигации государственного займа у коммерческих банков для обеспечения последних ликвидностью. Изначально программа задумывалась в качестве экстренной и неповторяемой. Но уже с 2012 г. она возобновилась под новым названием: программа прямых денежных операций (англ. outright monetary transactions, OMT) [Кавицкая, 2015]. Хотя последняя не может быть в полной мере отнесена к количественному смягчению, поскольку подразумевала полную стерилизацию операций и не увеличивала денежного предложения на рынке.

С 2014 г. программы QE для суверенных долгов в монетарной политике ЕЦБ становятся постоянными и со временем трансформируются в комплексную группу мер под названием «программы покупки активов» (англ. asset purchase programmes. APP). Это свидетельствует о неспособности финансового регулятора справиться с долговыми и бюджетными проблемами, а также с

¹ Дюрация (от англ. duration, продолжительность) – средняя срочность потока платежей, т.е. период времени до момента полного возврата инвестиций, а также мера риска процентных ставок. В зависимости от вида, измеряется в единицах времени или процентных пунктах. – Прим. ред.

дефляционными тенденциями, характерными для Европы 2010-х годов, при помощи традиционных методов.

Наибольший интерес с точки зрения государственных финансов в структуре APP представляет программа покупок в публичном секторе (англ. public sector purchase programme, PSPP), предполагающая приобретение ЕЦБ суверенных облигаций государств зоны евро, национальных агентств и институтов ЕС на открытом рынке. Долгосрочное существование такой программы прямо указывает на затруднения, связанные с поиском кредиторов для национальных правительств зоны евро.

С 2018 г. порядка 90% портфеля Евросистемы занимают суверенные займы и долги национальных агентств [Asset purchase programmes, 2023], что позволяет говорить о практически полном направлении средств программ QE, предпринимаемых ЕЦБ, в бюджетный сектор. Таким образом, реализуя APP, главный финансовый институт Евросоюза не только подтверждает свой статус кредитора последней инстанции, но и фактически осуществляет прямую эмиссию денежных средств для покрытия правительственные расходов. Как представляется, это приводит к усугублению долговых проблем суверенных заемщиков.

Доказательством данного утверждения выступает статистика государственной задолженности стран зоны евро в номинальном выражении, в сочетании с изменениями баланса ЕЦБ. Оба показателя демонстрируют существенный рост за период между 2014–2022 гг.: с 9,179 [Government debt rose ... , 2015] до 12,261 [Euro Area Government Debt, 2023] трлн евро (+33,6%) и с 2,279 до 7,956 [Central Bank Assets ... , 2023] трлн евро (+249,1%) соответственно. Только в конце 2022 – начале 2023 гг. ЕЦБ удалось расчистить баланс примерно на 10% от пиковых объемов, что, однако, не оказывает ощутимого положительного влияния на общую динамику. Следует также обратить внимание на статистику сведения бюджетов стран-участниц третьей стадии экономического и валютного союза: в рассматриваемый период их совокупная доходность ни разу не выходила в «зеленую зону» и равнялась в среднем -2,6% от ВВП в год [Euro Area Government Budget, 2023].

Вместе с тем значимых структурных изменений в экономике Европы с момента обострения долгового вопроса в 2009 г. не произошло. Пакт стабильности и роста соблюдается членами валютного союза все в меньшей степени; механизма контроля за его исполнением так и не предусмотрено; инициативы по созданию фискального и бюджетного инструментов, а также Валютного фонда – провалились [Европа между трех океанов, 2019, с. 344–353].

Новым ударом для системы стала пандемия COVID-19, вызвавшая острые бюджетные и, как следствие, долговые трудности в европейских странах [Ивановский, 2021, с. 80–83]. Это принудило регулятор дополнить APP программой экстренного выкупа активов для преодоления последствий пандемии (англ. pandemic emergency purchase programme). В результате баланс ЕЦБ, на 80% состоящий исключительно из суверенных облигаций, достиг к началу 2023 г. 70% ВВП зоны евро

[The reduction of the ECB's balance … , 2023]. Учитывая тот факт, что государственные долги зоны евро в тот же отчетный период составили 93% ее ВВП [Government debt down … , 2023], логично предположить, что ЕЦБ выступает их мажоритарным держателем.

Таким образом, единственным способом как преодоления рецессивных явлений, так и стимулирования экономического роста на протяжении последнего десятилетия в Европейском союзе остается количественное смягчение. При этом оно практически полностью вытеснило традиционный инструментарий монетарной политики: ключевая ставка ЕЦБ держалась на нулевых или даже отрицательных значениях с 2012 г. вплоть до осени 2022 г. [Key ECB interest rates …].

За это время QE перестало быть лимитированной во времени нестандартной мерой срочного реагирования на серьезные вызовы для финансовой системы и не просто трансформировалось в постоянно действующий стабилизационный механизм, но заняло центральное место во всем комплексе мер денежно-кредитной политики. Перманентная эмиссия, обеспечивающая государственные расходы, стала жизненно необходимой европейским странам и, по сути, представляет собой практическую реализацию принципов ММТ.

Перспективы решения долгового вопроса Европы

Текущие условия решительно отличаются от тех, в которых европейский регулятор действовал в начале 2010-х годов. И не в лучшую для него сторону. Баланс ЕЦБ увеличился более чем в три раза [Central Bank Assets … , 2023], резко возросла инфляция (с 2,5% в 2012 г. до 9,2% в 2022 г. [Annual inflation more … , 2023]), а проблемные страны, в том числе группа PIGS, нарастили долги (табл. 3).

Таблица 3

Совокупные долги центральных правительств южноевропейских стран на конец 2022 – начало 2023 г., млрд евро*

Греция	Испания	Италия	Португалия	Всего
401,528	1535,526	2811,604	272,586	5021,244

* Составлено по: [Greece Central Government … , 2022 ; Spain General Government … , 2022 ; Italy General Government … , 2022 ; Portugal General Government … , 2022].

Резервами для преодоления трудностей союз не располагает. Европейский механизм стабильности (англ. European stability mechanism, ESM) в состоянии привлечь до 500 млрд евро в качестве экстренной помощи странам, не способным справиться с долговыми проблемами [What is the ESM's lending capacity?, 2023]. Вместе с тем, долги одних только PIGS превышают эту сумму более чем в десять раз (табл. 3).

Эмиссия становится затруднительной вследствие роста инфляции и снижения покупательной способности евро, а замедление экономики, связанное с преодолением последствий пандемии,

энергетическим кризисом и растущими военными расходами, делают ситуацию еще хуже. Согласно общепризнанным моделям, количественное смягчение работает эффективно лишь в комбинации со снижением ключевой ставки и в условиях «заякоренных» инфляционных ожиданий [Мимир, Сунел, 2021]. Однако, предупреждая дальнейший разгон процесса обесценивания валюты, ЕЦБ вынужден ставку поднимать, делая рефинансирование государственного долга все более сложным, а раздутие долгового пузыря – опасным. Инфляция, в свою очередь, спадает медленно, а ожидания предпринимателей и населения в ее отношении весьма нестабильны.

Возможным путем выхода из кризиса представляются выпуск единых союзных европейских облигаций, жесткая политика в отношении проблемных стран и бюджетная дисциплина. Но принятие подобного рода решений существенно отягчается влиянием политического фактора.

Заключение

Кризис суверенного долга, с которым объединенная Европа сталкивается в настоящее время – это глубочайший структурный кризис, являющийся следствием ряда фундаментальных для экономического и валютного союза противоречий, лежащих в плоскости принципиального разграничения монетарной и налогово-бюджетной политики. Первую государства – члены ЕС в соответствии с условиями Маастрихтского договора делегировали на наднациональный уровень, вторую сохранили в качестве предмета собственного ведения. Как следствие, страны-союзницы оказались не в состоянии реализовывать независимый денежно-кредитный курс и принуждены ориентироваться на общесоюзные решения, принимаемые из расчета средних макроэкономических показателей членов организации. В результате любой асимметричный шок становится серьезным вызовом для всей системы. В условиях провала политики конвергенции и существенной неоднородности в уровне жизни и благосостояния по Союзу [Европа между трех океанов … , 2019, с. 353–362] асимметричным для объединения становится любой шок.

Эклектичность и несбалансированность были и остаются свойственными европейской экономической модели чертами с самого момента основания альянса. Все предпринятые попытки исправить ситуацию успехом не увенчались, а годы фактической имплементации ММТ в денежно-кредитной политике ЕЦБ поставили государственные бюджеты стран – членов зоны евро в зависимость от «печатного станка». В то же время снижение темпов экономического роста, промышленного производства, экспорта и инвестиционной привлекательности ЕС, равно как и кризис доверия к его финансовой системе, обрачиваются снижением роли евро в качестве резервной валюты, что вряд ли способствует закреплению европейской экономики в статусе «суверенной» даже со спекулятивной позиции современной теории денег.

Долговой кризис, с переменным успехом управляемый и маскируемый со временем преодоления его активной фазы, вновь становится неудобным вопросом, остро стоящим на повестке дня

стран зоны евро. Перспективы его полного разрешения представляются весьма туманными. Однако от этого, по большому счету, зависит само существование Европейского союза как экономико-политического интеграционного объединения.

Список литературы

1. Афанасьева О.Н. Понятие, причины и механизм возникновения долгового кризиса Евросоюза // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 7(49), часть 1. – С. 8–11.
2. Европа между трех океанов : монография / Ал.А. Громыко, В.В. Журкин, В.П. Федоров [и др.] ; под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. – Москва : ИЕ РАН : Нестор-История, 2019. – 608 с.
3. Заботкин А.Б. «Вертолетные деньги», количественное смягчение и другие идеи: востребованы ли они в России? // Эконс. Экономический разговор : [электронный журнал]. – 2020 – 23.12. – URL: <https://econs.online/articles/opinions/vertoletye-dengi-kolichestvennoe-smyagchenie-i-drugie-idei/> (дата обращения 03.04.2023).
4. Ивановский Б.Г. Экономический ущерб от пандемии COVID-19 и меры по его преодолению в странах Европейского союза // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 3. – С. 75–87.
5. Кавицкая И.Л. Монетарная политика Европейского Центрального Банка в современных условиях // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2015. – Т. 6, № 4. – С. 131–139.
6. Мимир Я., Сунел Э. Программы QE в развивающихся странах могут сдерживать отток капитала, способствуя укреплению балансов банков, – но только при условии заякоренных инфляционных ожиданий // Эконс. Экономический разговор : [электронный журнал]. – 2021. – 07.04. – URL: <https://econs.online/articles/opinions/kolichestvennoe-smyagchenie-v-razvivayushchikhsya-economikah/> (дата обращения 03.04.2023).
7. Моисеев С.Р. Современная денежная теория: истоки и риски // Эконс. Экономический разговор : [электронный журнал]. – 2019. – 10.09. – URL: <https://econs.online/articles/opinions/modern-monetary-theory/> (дата обращения 03.04.2023).
8. Николайчук О.А., Люшина Н.О. Внешний долг России. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 146 с.
9. Потапова И.Р. Долговой кризис в ЕС // Мировое и национальное хозяйство. Издание МГИМО МИД России : [электронный журнал]. – 2012. – № 1 (20). – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2012/2012-01/dolgovoii-krizis-es> (дата обращения 03.04.2023).
10. Семеко Г.В. Государственный долг: новые риски в условиях кризиса COVID-19 // Экономические и социальные проблемы России. – 2020. – № 2 (42), часть 1. – С. 84–101.
11. Семеко Г.В. Размер баланса центральных банков – новый инструмент монетарной политики // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. – 2018. – № 3. – С. 102–107.
12. Страны Евросоюза (ЕС) // ЕВРОГРУППА консалт. – URL: <https://eurogroupe.ru/countries/#:~:text=B%20Еврозоне%20двадцать%20стран%2Dчленов,%2C%20Словения%2C%20Испания%20и%20Хорватия>. (дата обращения 03.04.2023).
13. Annual inflation more than tripled in the EU in 2022 // Eurostat. – 2023. – 09.03. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/DDN-20230309-2#:~:text=In%202022%2C%20EU%20annual%20inflation,level%20ever%20measured%20at%209.2%25> (дата обращения 03.04.2023).
14. Asset purchase programmes // ECB. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/app/html/index.en.html#pspp> (дата обращения 03.04.2023).
15. Central Bank Assets for Euro Area (11–19 Countries) // Federal Reserve Economic Data. – 2023. – URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/ECBASSETSW> (дата обращения 03.04.2023).
16. Euro Area Government Budget // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/government-budget> (дата обращения 03.04.2023).
17. Euro Area Government Debt // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/government-debt> (дата обращения 03.04.2023).
18. Government debt down to 93.0% of GDP in euro area // Eurostat. – 2023. – 23.01. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/w/2-23012023-ap> (дата обращения 03.04.2023).
19. Government debt rose to 92,9% of GDP in euro area // Eurostat. – 2015. – 22.07. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6923259/2-22072015-AP-EN.pdf/bf173a0e-0eba-4ab9-878c-6db8d1f6452b> (дата обращения 03.04.2023).
20. Greece Central Government Debt // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/greece/government-debt> (дата обращения 03.04.2023).
21. Greece Government Budget // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/greece/government-budget> (дата обращения 03.04.2023).
22. Greece Government Debt to GDP // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/greece/government-debt-to-gdp> (дата обращения 03.04.2023).

23. Inflation, consumer prices (annual %) – Italy, Portugal, Austria, Belgium, Germany, Greece, Ireland, Spain, Luxembourg, Netherlands, Finland, France 1997–2021 // World Bank Group. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?end=2021&locations=IT-PT-AT-BE-DE-GR-IE-ES-LU-NL-FI-FR&start=1997> (дата обращения 03.04.2023.).
24. Italy General Government Debt // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/italy/government-debt> (дата обращения 03.04.2023).
25. Italy Government Budget // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/italy/government-budget> (дата обращения 03.04.2023).
26. Italy Government Debt to GDP // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/italy/government-debt-to-gdp> (дата обращения 03.04.2023).
27. Key ECB Interest Rates // ECB. – URL: https://www.ecb.europa.eu/stats/policy_and_exchange_rates/key_ecb_interest_rates/html/index.en.html (дата обращения 03.04.2023).
28. Manasse P., Ruoubini N., Schimmelpfennig A. Predicting Sovereign Debt Crisis / IMF Working papers. – Washington, D.C. : International Monetary Fund, 2003. – 41 p. – (International Monetary Fund, working paper ; N 2003/21). – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/30/Predicting-Sovereign-Debt-Crises-16951> (дата обращения 03.04.2023).
29. Obstfeld M. A model of currency depreciation and the debt-inflation spiral // Journal of Economic Dynamics and Control. – 1991. – № 1, vol. 15. – P. 151–177.
30. Portugal General Government Gross Debt // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/portugal/government-debt> (дата обращения 03.04.2023).
31. Portugal Government Budget // Trading Economics – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/portugal/government-budget> (дата обращения 03.04.2023).
32. Portugal Government Debt to GDP // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/portugal/government-debt-to-gdp> (дата обращения 03.04.2023).
33. Spain General Government Debt // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/spain/government-debt> (дата обращения 03.04.2023).
34. Spain Government Budget // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/spain/government-budget> (дата обращения 03.04.2023).
35. Spain Government Debt to GDP // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/spain/government-debt-to-gdp> (дата обращения 03.04.2023).
36. The Reduction of the ECB's balance sheet in 2023 // CaixaBank. – 2023. – 17.01. – URL: <https://www.caixabankresearch.com/en/economics-markets/financial-markets/reduction-ecbs-balance-sheet-2023#:~:text=The%20ECB's%20balance%20sheet%20reached,at%20the%20end%20of%202014> (дата обращения 03.04.2023).
37. What is the ESM's lending capacity? // ESM. – URL: <https://www.esm.europa.eu/content/what-esm%E2%80%99s-lending-capacity> (дата обращения 03.04.2023.).

THE DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN SOVEREIGN DEBT CRISIS IN THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

Andrey Chukharev

Institute of Foreign Languages, the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia), e-mail: andrewv100@mail.ru

Maria Polozhikhina

PhD (Geograp. Sci.), Leading researcher of the Department of economics,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia), e-mail: polozhikhina2@mail.ru

***Abstract.** In the early 2010 s, the economic system of the united Europe faced a number of serious problems caused by debt burden, which are most acute in the public finance sector. The article analyzes the development of the European sovereign debt crisis in the first quarter of the 21 st century, to overcome which a number of non-traditional monetary instruments were incorporated into the monetary policy of the European Central Bank. Gives an assessment of the current state of the debt issue in the euro area and the possibilities of its resolution in the short term. The relevance of the topic is due to a*

new stage of aggravation of the debt crisis of the European Union countries and the risk of their disintegration against this background.

Keywords: EU; euro area; debt crisis; sovereign debt; modern theory of money; monetary policy; disintegration.

For citation: Chukharev A.V., Polozhikhina M.A. The development of the european sovereign debt crisis in the first quarter of the XXI century // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 105–119.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.06

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 2016–2022 гг.

Коровникова Наталья Александровна

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия,
e-mail: natalia.kor@list.ru

Полторацкая Александра Витальевна¹

Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лулумбы, Москва, Россия,
e-mail: 1032212244@rudn.ru

Аннотация. В статье рассмотрены концепция гибкой интеграции и ее разновидности, которые стали основой развития евроинтеграции после принятия Лиссабонского договора в 2009 г. Отмечается, что использование модели гибкой интеграции имело не только позитивные эффекты, но и способствовало усилению дезинтеграционного потенциала. Перечислены проблемы политической интеграции европейского региона (дефицит демократии и солидарности, кризис общеевропейских ценностей и доверия к наднациональным органам Европейского союза). Показаны основные экзогенные и эндогенные факторы дезинтеграционных процессов в Европе в 2016–2022 гг., а именно Brexit и пандемия COVID-19. Проанализированы сценарии европейской интеграции до 2025 г., изложенные в Белой книге Европейской комиссии.

¹ © Полторацкая А.В., 2023

Ключевые слова: европейская интеграция; гибкая интеграция; дезинтеграционные процессы; Brexit; коронакризис; еврокризис; Европейский союз; Белая книга Европейской комиссии.

Для цитирования: Коровникова Н.А., Полторацкая А.В. Проблемы и тенденции европейской интеграции в 2016–2022 гг. // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 120–131.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.07

Рукопись поступила 03.04.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

Введение

С 2016 г. в странах Европейского союза (ЕС) наблюдается заметное нарастание дезинтеграционных процессов, проявления которых в той или иной мере сопровождали интеграционную группировку с момента создания Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1957 г. После вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 г. этап успешного всестороннего развития евроинтеграции сменился новым периодом кризисов – наступила эпоха еврокризиса. Важнейшие принципы ЕС, такие как демократия и солидарность, пошатнулись.

Выход Великобритании из Евросоюза усилил политические диспаритеты в ЕС и борьбу за влияние как в институциональном треугольнике Европейской комиссии (ЕК), Европарламента (ЕП) и Совета ЕС, так и на уровне государств-членов. Обострившиеся в результате Брексита кризисные тенденции ощутимо сказались на внутренней стабильности европейских стран и проникли на наднациональный уровень в форме ренессанса национального государства и споров между странами – «чистыми донорами» и странами – «чистыми получателями»¹.

Но несмотря на угрозы центробежных тенденций и дезинтеграционных процессов, саммит Совета ЕС 17–20 июля 2020 г., на котором был утвержден долгосрочный бюджет Союза на 2021–2027 гг., и итоги Конференции о будущем Европы (англ. Conference on the Future of Europe) 2021–2022 гг. продемонстрировали актуальность запроса на модернизацию структуры ЕС со стороны европейских институтов и желание граждан продолжать процесс интеграции.

В этой связи исключительно важным представляется выявить проблемы, препятствующие интеграции ЕС, в условиях внутреннего кризиса ЕС 2016–2022 гг., усугубленного процедурой Брексита и внешним негативным влиянием пандемии COVID-19, а также определить тенденции евроинтеграции в свете сценариев развития ЕС до 2025 г., изложенных в Белой Книге ЕК.

«Гибкая интеграция» как принцип сотрудничества в границах ЕС

Страны Европы неоднородны по уровню социально-экономического развития, что обуславливает принципиальные различия в позициях государств-членов относительно единой повестки ЕС. Проблема неоднородности набирала актуальность по мере расширения Союза: уже с 1980-х

¹ К странам-донорам ЕС специалисты относят Германию, Францию, Италию, Нидерланды, Швецию, Австрию, Данию, Финляндию, Ирландию. А к странам-реципиентам, число которых существенно больше, Мальту, Кипр, Словению, Эстонию, Хорватию, Болгарию, Словакию, Литву, Люксембург, Чехию, Румынию, Португалию, Грецию, Венгрию, Польшу и, как ни парадоксально, Испанию и Бельгию [Финансирование Евросоюза … , 2022].

годов, в период движения ЕС на Юг, стало прослеживаться деление Европы по оси Север–Юг, усилившееся после подписания Маастрихтского договора (1992). Пик кризиса в отношениях стран Северной и Южной Европы пришелся на период глобального финансово-экономического кризиса 2008 г., что еще больше усилило гетерогенность европейского альянса.

Однако углубление интеграции в валютно-финансовой сфере и внешней политике, расширение ЕС на Восток 2004–2013 гг. на фоне конституционного кризиса ЕС 2005 г. и всемирного кризисного периода 2008–2013 гг. послужили императивом для усовершенствования модели управления интеграционными процессами, в основу которой был заложен принцип гибкости, или продвинутого сотрудничества¹.

Гибкая интеграция стала главным паттерном сотрудничества европейских стран в контексте единого внутреннего рынка ЕС, Еврозоны (валютного и экономического союза), Шенгенской зоны. В исследовательской среде выделяют несколько концепций гибкой, или дифференцированной интеграции, из которых в отечественном научном дискурсе подробно описаны концепции «Европы разных скоростей» (или многоскоростной Европы) (англ. multi-speed Europe), «Европы изменяющейся геометрии» (англ. variable geometry) и Европы «à la carte» (рус. «по своему усмотрению») [Шайхутдинова, 2006 ; Бабынина, 2014 ; Кавешников, 2011 ; Алексеева, 2018] и др.

Согласно концепции *многоскоростной Европы*, государства следуют по пути углубленной интеграции с разной скоростью, в зависимости от уровня политico-экономического развития [Шайхутдинова, 2006, с. 219]. Данная концепция получила развитие в теории европейского авангарда и ее вариациях [Шайхутдинова, 2006, с. 220–222]. Предполагается, что ЕС можно разделить на три уровня: ядро (англ. core Europe), европейский авангард и третью группу стран-нечленов, заинтересованных в выходе на общий европейский рынок. Страны ядра представляют собой каркас ЕС и служат примером для новых участников. К ним относятся Франция и ФРГ (англ. hard core), как страны – инициаторы Европейского экономического объединения, а также остальные четыре первых члена ЕС: Италия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды (англ. core). Группа стран европейского авангарда² стремится к углублению европейской интеграции и воспринимает это как долгосрочную задачу внешней политики. В этих целях в соответствии с Лиссабонским договором страны авангарда могут применять механизм продвинутого сотрудничества (англ. enhanced cooperation) [Бабынина, 2014, с. 149]. В рамках разноскоростного подхода интеграция рассматривается как конечный процесс с единственным возможным завершением: все государства-члены,

¹ Принцип гибкости, или продвинутого сотрудничества заключается в потенциальной возможности для определенного числа стран-участниц ЕС «углублять интеграцию в какой-либо сфере посредством использования институтов, процедур и механизмов Союза» [Шайхутдинова, 2014].

² На ранних этапах европейской интеграции авангард был синонимичен группе ядра (Италия, Бенилюкс) за исключением «стран-локомотивов» ФРГ и Франции [Шайхутдинова, 2006, с. 221]. Однако на текущий момент среди отечественных и зарубежных специалистов не достигнут консенсус в отношении определения странового состава европейского авангарда.

объединенные общими целями, в итоге присоединятся к лидирующей группе и будут принимать равное участие во всех областях европейской политики, независимо от своего начального положения – в ядре, авангарде или группе остальных стран.

Концепция *Европы изменяющейся геометрии* [Шайхутдинова, 2006, с. 222–223] относится к формам интеграции государств, не входящих в ЕС, со странами – членами Союза. К этой группе стран в первую очередь относятся страны-кандидаты и ассоциированные с ЕС государства, что следуют принципам ЕС и принимают часть *acquis communautaire*¹, которые составляют законодательный корпус Союза. Сегодня ЕК выделяет 35 пунктов *acquis*, каждый из которых соответствует определенному направлению европейской политики [Chapters of the *acquis*, 2023].

В отличие от концепции «Европы разных скоростей», концепция «Европы изменяющейся геометрии» не подразумевает высшую форму интеграции во всех политико-экономических аспектах, а признает, что лучшей альтернативой будет разная степень интеграции во всех сферах, кроме единого рынка, позволяя странам – участникам ЕС сохранять часть суверенитета. Данный подход нашел свое воплощение в форматах Европейской экономической зоны, Таможенного союза и Европейской политики соседства. При этом данная теория не предполагает отказа от политических целей европейского интеграционного объединения в рамках существующей институционально-правовой системы.

Концепция Европы *à la carte* [Шайхутдинова, 2006, с. 223 ; Кавешников, 2011, с. 63], напротив, строится на отклонении от сложившейся институциональной структуры ЕС и отказе воспринимать европейскую интеграцию как конечный процесс. По аналогии с ресторанным меню, этот подход предоставляет государствам возможность выбирать, в каких направлениях политики ЕС участвовать, используя систему исключений (*opt-out*): страны-члены объединяют только общий рынок. Данная модель гибкой интеграции представляется самой несовершенной, так как она сводит ЕС исключительно к экономическому объединению, лишая его нынешнего статуса наднационального политического альянса.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что одновременные процессы расширения и углубления европейской интеграции (до начала 2010-х годов) спровоцировали конфликт между либерально-экономической основой евроинтеграции и политической солидарностью стран Европы. Вследствие чего гибкость закрепилась в качестве актуального практико-применимого принципа интеграции ЕС в постlisсабонский период, что в свою очередь привело к усилению дифференциации и усложнило процесс принятия решений на наднациональном союзном уровне.

¹ Термин *acquis communautaire* (от фр. «достояние сообщества») в основном переводится как «нормативные акты» или «законодательство ЕС». В научном дискурсе также используются термины *Community acquis* («*acquis* Сообщества»), *Union acquis* («*acquis* Союза»), а также сокращенно *acquis*.

Проблемы политической евроинтеграции

Политическая интеграция ЕС происходила путем создания институционального механизма в соответствии с Римским договором (1957) и его последующими редакциями. Союзная политическая система сформировалась по принципу сдержек и противовесов: ЕК представляет интересы ЕС, в Европейском совете принимаются исполнительные решения от имени государств-членов¹, а ЕП – орган представительной демократии. Однако согласно некоторым оценкам отечественных специалистов, наднациональные органы ЕС характеризуются недостатком контроля и демократической легитимности [Кавешников, 2015].

Предпосылки для появления проблемы *дефицита демократии*, необходимость борьбы с которым ЕП признал еще в 1980-х годах, заложены в самой природе ЕС, так как, опираясь на внутреннее a priori демократическое устройство, интересы государств в важнейших вопросах представляют правительства – органы исполнительной власти, а не парламенты – представительные и законодательные органы [Шульга, 2014, с. 163]. Проблема «дефицита демократии» подрывает легитимацию решений наднациональных структур ЕС со стороны отдельных государств – членов Союза², что нарушает принцип *европейской солидарности*.

Как известно, термин «европейская солидарность» закреплен в Лиссабонском договоре в контексте взаимной политической поддержки государств-членов. С расширением ЕС соблюдение данного принципа солидарности существенно осложнилось. Уязвимость принципа солидарности между странами – членами ЕС наглядно продемонстрировал миграционный кризис 2015–2016 гг. [Громыко, 2017, с. 51–52], в связи с которым возникла необходимость задокументировать параметры индивидуальной ответственности и «справедливого вклада» каждой страны ЕС в решение миграционной проблемы.

Попытки согласовать новые критерии солидарности в Совете ЕС до сих пор не увенчались успехом из-за нежелания ряда европейских стран идти на уступки в ущерб национальным интересам. Острота данного вопроса подтверждается продолжительными дискуссиями по вопросу миграционного урегулирования, в частности, вето Австрии на вхождение Румынии и Болгарии в Шенгенскую зону в 2023 г. из-за опасений усиления незаконной миграции [Потемкина, 2023, с. 66].

Дефицит демократии и солидарности закономерно сопровождается *кризисом общеевропейских ценностей*, поддержка и укрепление которых, наряду с политико-экономическими фактора-

¹ Созданный в 1974 г., Европейский совет служит переговорной площадкой для отстаивания национальных интересов.

² Ярким примером могут служить действия правых популистских властей Венгрии и Польши, которые, по признанию Суда ЕС, нарушают режим правового государства и противоречат базовым ценностям ЕС. Подробнее см.: [Михайлов В. Польша и Венгрия подрывают Евросоюз // РИА Новости. – 2022. – 20.02. – URL: <https://ria.ru/20220220/podryuv-1773807556.html> (дата обращения 20.04.2023)].

ми, являются неотъемлемым условием сдерживания распространения евроскептицизма в Европе, предотвращении фрагментации ЕС и формирования наднациональной европейской демократии. Реалистичность последней оказалась под сомнением еще и в свете провала проекта Европейской конституции, из которого в Европе прижилась только идея об институте гражданства ЕС. Незавершенность конституционного проекта ЕС вызвала *кризис доверия* к наднациональным структурам ЕС, преодоление которого потребует проведения политики структурной интеграции Европы на основе таких интегрирующих факторов, как культурное наследие и общеевропейские ценности.

Факторы европейской дезинтеграции в 2016–2022 гг.

Вышеизложенные центробежные тенденции спровоцировали интенсификацию дезинтеграционных процессов в ЕС в 2016–2022 гг., которые определялись целым рядом эндогенных и экзогенных факторов¹, в числе которых доминирующее влияние оказали Брексит и пандемия COVID-19.

Брексит. Несмотря на то, что выход Великобритании из ЕС ослабил коллективный политический и экономический потенциал Союза, «эффект домино» все-таки не был спровоцирован, что подтверждается статистическими данными. Так, по результатам опросов за 2020–2022 гг., на уровне населения стран ЕС наблюдался спад поддержки возможного выхода из ЕС путем референдума по сравнению с 2016–2017 гг. [Support for leaving EU … , 2023]. При этом в 2022 г. 69% опрошенных граждан из 19 стран ЕС имели положительное мнение о Союзе, против 27% отрицательно настроенных [Fagan, Gubbala, 2022]. Более того, в 2022 г. поддержка ЕС в 10 из 19 государств была зафиксирована на исторически высоком уровне² [Fagan, Gubbala, 2022].

Однако уход Великобритании из Евросоюза, несомненно, оставил свой негативный след; по некоторым оценкам, в долгосрочной перспективе он будет обходиться бюджету европейского альянса в 10–12 млрд евро в год [Бабынина, 2020, с. 16]. Новый вызов в виде пандемии COVID-19 лишь усилил центробежные тенденции, в частности обострил разногласия между государствами Южной Европы и «бережливой четверкой»³.

Коронакризис. В период пандемии COVID-19 в 2020–2022 гг. ЕС вновь столкнулся с противоречием между стремлением к неолиберальной макроэкономической политике, которая навязывает жесткую экономику и конкурентоспособность, и стремлением к солидарности и социально-экономической сплоченности путем перераспределения финансирования из европейских фондов

¹ В отечественном научном дискурсе к внешним факторам относят объективные и неподдающиеся предотвращению явления и процессы, например, цикличность мировой экономики, а также субъективные и контролируемые геополитические изменения. К внутренним: а) факторы наднационального уровня и институционального характера, например состояние и конкурентоспособность экономики ЕС; б) локальные, страновые факторы [Фадеева, 2019, с. 84–85].

² В частности, это объясняется тем, что ребалансировка сил в ЕС после Брексита позволила Франции и Италии укрепить свои позиции, поэтому политика Brexit и / или Italexit оказалась менее востребованной среди населения, чем путем реформирования ЕС изнутри.

³ К европейским странам «бережливой четверки» относят Австрию, Данию, Нидерланды и Швецию.

[Hadjimichalis, 2021, p. 12]. В числе мер по борьбе с последствиями коронакризиса для евроинтеграции особого внимания заслуживают принятие Многолетних финансовых рамок (МФР) на 2021–2027 гг. и учреждение Фонда NextGenerationEU на историческом саммите Совета ЕС 17–20 июля 2020 г., которые стали своего рода сигналом для малых европейских государств о возможности расширения подобных социально-экономических программ в будущем и гарантом поддержки от институтов ЕС в долгосрочной перспективе¹.

Череда кризисных явлений и процессов 2016–2022 гг. в Европе, негативно повлиявших на ход реализации европейского проекта, также включает в себя: а) кризис неолиберальной модели экономического развития западноевропейских стран, которые входят в ядро евроинтеграции; б) усиление конфликтного противостояния наднациональных глобалистски настроенных европейских элит и национальных государств [Братерский, 2023, с. 8]; в) переход к новой «эпохе неопределенности»², которая неизбежно потребует переосмыслиния европейской интеграционной стратегии.

Сценарии политического развития ЕС

В энтропийном для евроинтеграции контексте 2016–2022 гг. особый интерес представляют сценарии развития ЕС до 2025 г., изложенные в Белой книге, которая была разработана ЕК в 2017 г. (табл. 1).

Таблица 1

Сценарии развития ЕС до 2025 г.*

№	Сценарии	Политика	Экономика
1.	«Продолжение деятельности»	Скоординированные действия в рамках текущей повестки дня	Плановые реформы в целях адаптации к неопределенности
2.	«Ничего, кроме единого рынка»	Ослабление наднационального регулирования социальной сферы	Реформирование бюджетной политики ЕС
3.	«Те, кто хотят больше, делают больше»	Разноскоростная интеграция, фрагментирование ЕС	
4.	«Меньше, но более эффективно»	Усиление национального регулирования	Выбор приоритетных сфер финансирования ЕС
5.	«Делаем больше сообща»	Делегирование большего объема национальных полномочий институтам ЕС, еврооптимизм, углубление и расширение интеграции	

* Источник: [White Paper on the Future of Europe, 2017, p. 15–24].

Рассмотренная выше концепция Европы разных скоростей к 2017 г. закрепилась в качестве фаворита Брюсселя и соответствует третьему сценарию (табл. 1). Популярность принципа гибкости в первую очередь объясняется тем, что в условиях постоянно меняющейся внешней конъюнк-

¹ Состав МФР на 2021–2027 гг. в размере 1824,3 млрд евро, в котором большая часть средств выделяется на проведение политики сплочения внутри ЕС через Инструмент восстановления и повышения устойчивости (672,5 млрд) и на восстановление пострадавших от COVID-19 экономик через NextGenerationEU (750 млрд), отражает оптимистичный настрой относительно будущего интеграционного процесса в европейском регионе [Бабынина, 2020, с. 18–20].

² Не без основания можно предположить, что степень энтропийности интеграционных процессов в европейском сообществе может существенно возрасти в контексте геополитического противостояния с Россией вследствие военной операции на Украине.

туры скорость принятия решений наднациональными структурами ЕС не отвечает динамике этих изменений (иногда от этапа согласования до реализации того или иного решения проходят месяцы). В то же время дифференцированная интеграция неизбежно вызывает раскол объединения на блоки, которые в переговорном процессе отстаивают собственные, а не общеевропейские интересы. Это способствует росту евроберформистских настроений, подтверждением чего служит предложение Э. Макрона о создании «политического сообщества», в котором ЕС объединился бы с «разделяющими его ценности» странами Европы, поддержанное председателем Евросовета Ш. Мишелем [Потемкина, 2022, с. 11]. Однако это может потребовать пересмотра некоторых положений основополагающих договоров ЕС (Договора о Европейском союзе и Договора о функционировании Европейского союза), что вызывает колебания среди стран – участниц ЕС.

Первый сценарий (табл. 1) следует рассматривать в свете происходящего плавного смещения институционального баланса ЕС от Еврокомиссии к Евросовету и Европарламенту¹, наряду с усилением межправительственной компоненты и национального влияния в структуре ЕС. Реализация первого сценария также предполагает решение проблемы отдаленности европейского избирателя от центров принятия наднациональных решений. По данному вопросу под эгидой трехстороннего представительства Комиссии, Совета и Парламента ЕС проводилась Конференция о будущем Европы, одной из основных целей которой стало привлечение граждан к вопросам дальнейшего развития ЕС. Большинство населения Евросоюза выступило за углубление интеграции в сферах экологии, социальной политики и здравоохранения. Это свидетельствует об актуальности приоритетов, закрепленных в Римской декларации, принятой институциональной тройкой ЕС и главами 27 стран-участниц, призывающих обеспечить устойчивость процветающей и социально ориентированной Европы [Rome Declaration … , 2017].

Отдельного внимания заслуживает четвертый сценарий (табл. 1) – «Меньше, но более эффективно», поскольку число сторонников перевода некоторых сфер европейской политики под национальное управление возросло во время серии кризисов 2016–2022 гг. Согласно данному сценарию, при нарастании влияния национальных государств главные институты ЕС сохраняют свое влияние, но драйвером интеграции становится именно межправительственный процесс.

На сегодняшний день маловероятными представляются противоположные второй и пятый сценарии (табл. 1). Второй вследствие постепенного усиления центростремительных тенденций, а именно запроса на модернизацию структуры ЕС со стороны европейских институтов и желания граждан стран – участниц альянса продолжать процесс интеграции. Пятый – ввиду отголосков евроскептицизма и «усталости от расширения» Союза, поскольку предоставление статуса стран-

¹ Примером чего может служить тот факт, что предложение ЕК о реформировании бюджета ЕС из инструмента стимулирования интеграционных процессов в способ модернизации структуры ЕС для адекватной реакции на современные вызовы 2016–2020 гг. не было поддержано Советом.

кандидатов Украине, Молдове и Боснии и Герцеговине в 2022 г. следует рассматривать скорее как внешнеполитический маневр, поскольку данный статус не гарантирует ускоренного процесса вступления, если вспомнить хотя бы о затяжном сближении ЕС с государствами Балканского полуострова.

Завершая обзор сценариев ЕК, следует подчеркнуть, что прогнозировать реализацию того или иного из них даже в краткосрочной перспективе представляется довольно затруднительным в текущем крайне конфликтогенном и неопределенном международном контексте. Скорее следует обратить внимание на признаки фрагментарности каждого из пяти вышеприведенных сценариев, анализ и синтез которых позволит определить вектор европейской интеграции в новых geopolитических и геоэкономических условиях.

Заключение

К началу 2020-х годов Евросоюз столкнулся с целым набором политico-экономических вызовов европейской интеграции, в их числе: конституционный кризис ЕС 2005 г., всемирный кризисный период 2008–2013 гг., проявления евроскептицизма, дефицита демократии и солидарности, кризис либеральной демократии, которая была эффективна в период активного евростроительства 1990–2000-х годов, но потеряла свою эффективность в 2016–2022 гг., а также последствия Брексита и пандемии COVID-19.

Однако несмотря на ухудшение экономического положения и угрозу политическому единству в рассматриваемый период начали проявляться и положительные сдвиги в сторону укрепления европейской интеграции, в частности, принятие Многолетних финансовых рамок (МФР) на 2021–2027 гг. и учреждение Фонда NextGenerationEU, свидетельствующих об укреплении солидарности ЕС-27, а также результаты Конференции о будущем Европы, продемонстрировавшие запрос со стороны населения ЕС на продолжение интеграции, которая традиционно ассоциируется с безопасностью и стабильностью.

Невзирая на нарастание межинституциональной напряженности, длительное следование принципам разноскоростной интеграции и неготовность большинства государств-членов к пересмотру и внесению изменений в основополагающие документы Союза, представляется возможным констатировать, что нынешняя политico-правовая и организационная форма ЕС обладает существенным потенциалом для стратегических реформ, который при сохранении приоритета общеевропейских ценностей над национальными позволит укрепить европейскую интеграцию в современных условиях формирования нового мирового порядка.

Список литературы

1. Алексеева О.В. Гибкая интеграция в Евросоюзе // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 21–25.
2. Бабынина Л.О. «Исторический» саммит ЕС: кто выиграл? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 4. – С. 15–22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-sammit-es-kto-vyigral> (дата обращения 10.03.2023).
3. Бабынина Л.О. Применение продвинутого сотрудничества – новый тренд развития Европейского союза // Вестник МГИМО. – 2014. – № 4 (37). – С. 148–154.
4. Братерский М.В. Введение. Будущее демократии: либеральные и неолиберальные модели в современном мире // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 1. – С. 7–17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-buduschee-demokratii-liberalnye-i-neoliberalnye-modeli-v-sovremennom-mire> (дата обращения 12.03.2023).
5. Громыко А.А. О насущном. Европа и современный мир. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. – 232 с.
6. Кавешников Н.Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы. – 2011. – № 2 (26). – С. 58–69. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17006289> (дата обращения 30.03.2023).
7. Кавешников Н.Ю. Методы управления в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 8. – С. 49–60. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/cb8/metody-upravleniya-meimo.pdf> (дата обращения 05.03.2023).
8. Михайлов В. Польша и Венгрия подрывают Евросоюз // РИА Новости. – 2022. – 20.02. – URL: <https://ria.ru/20220220/podryv-1773807556.html> (дата обращения 20.03.2023).
9. Потемкина О.Ю. Конференция о будущем Европы: итоги и перспективы // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 3(27). – С. 7–13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konferentsiya-o-buduschem-evropu-itogi-i-perspektivy> (дата обращения 25.03.2023).
10. Потемкина О.Ю. Новые концепции солидарности и старые разногласия // Европейский Союз: факты и комментарии. Электронное издание / Институт Европы РАН. – 2023. – Март, вып. 111. – URL: [http://aevis.ru/upload/ckeditor/files/номер111%20\(3\)_merged.pdf](http://aevis.ru/upload/ckeditor/files/номер111%20(3)_merged.pdf) (дата обращения 25.03.2023).
11. Фадеева И.А. Этапы дезинтеграционных процессов в странах ЕС // Современная экономика: проблемы и решения. – 2019. – № 12 (120). – С. 82–90. – URL: <https://journals.vsu.ru/meps/article/view/8210> (дата обращения 25.03.2023).
12. Финансирование Евросоюза: кто является донором, а кто «сидит на шее» // Дзен. – 2022. – 12.04. – URL: https://dzen.ru/media/nhl_shilkov/finansirovanie-evrosoiuza-kto-iavlaetsia-donorom-a-kto-sidit-na-shee-nije-62557b169438ec25e014d74a?utm_referer=www.google.ru (дата обращения 30.03.2023).
13. Шайхутдинова Г.Р. Основные концепции гибкости в Европейском Союзе // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 4. – С. 218–225. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-gibkosti-v-europeyskom-soyuze> (дата обращения 20.03.2023).
14. Шайхутдинова Г.Р. Продвинутое сотрудничество государств и его место в системе европейского и международного права // Core. – 2014. – 01.01. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197382548.pdf> (дата обращения 20.03.2023).
15. Шульга М.А. «Дефицит демократии» в европейском союзе: смыслы и интерпретации // Политическая наука. – 2014. – № 2. – С. 162–182. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/defitsit-demokratii-v-europeyskom-soyuzze-smysly-i-interpretatsii> (дата обращения 25.03.2023).
16. Chapters of the acquis // European Commission. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/conditions-membership/chapters-acquis_en (дата обращения 25.03.2023).
17. Fagan M., Gubbala S. Positive views of European Union reach new highs in many countries // Pew Research Center. – 2022. – 13.10. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/10/13/positive-views-of-european-union-reach-new-highs-in-many-countries/> (дата обращения 25.03.2023).
18. Hadjimichalis C. An uncertain future for the post-Brexit, post-COVID-19 European Union // European Urban and Regional Studies. – 2021. – Vol. 28, N 1. – P. 8–13.
19. Rome Declaration of the Leaders of 27 Member States and of the European Council, the European Parliament and the European Commission // European Commission. – 2017. – 25.03. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_767 (дата обращения 25.03.2023).
20. Support for leaving EU has fallen significantly across bloc since Brexit // The Guardian. – 2023. – 12.01. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jan/12/support-for-leaving-eu-has-fallen-significantly-across-bloc-since-brexit> (дата обращения 25.03.2023).
21. White Paper on the Future of Europe / European Commission. – 2017. – 01.03–31 p. – URL: https://commission.europa.eu/system/files/2017-03/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (дата обращения 25.03.2023).

PROBLEMS AND TRENDS OF EUROPEAN INTEGRATION IN 2016–2022

Natalia Korovnikova

PhD (Polit. Sci.), Leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
e-mail: natalia.kor@list.ru

Alexandra Poltoratskaya

Institute of Foreign Languages, the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia), e-mail: 1032212244@rudn.ru

Abstract. This article discusses the concept of flexible integration and its varieties, which became the basis for the development of European integration after the adoption of the Lisbon Treaty in 2009. It is noted that the use of the flexible integration model had not only positive effects, but also contributed to the strengthening of disintegration potential. Lists the problems of political integration of the European region (deficiency of democracy and solidarity, the crisis of common European values and trust in the supranational bodies of the EU). Shows the main exogenous and endogenous factors of disintegration processes in Europe in 2016–2022, namely Brexit and the COVID-19 pandemic. Analyzes scenarios of European integration up to 2025, set out in the White Paper of the European Commission.

Keywords: European integration; flexible integration; disintegration processes; Brexit; coronacrisis; eurocrisis; European Union; European Commission White Paper.

For citation: Korovnikova N.A., Poltoratskaya A.V. Problems and trends of European integration in 2016–2022 // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 120–131.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.07

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

УДК 341.17

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.08

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС

Ермак Кристина Андреевна¹

Ведущий сотрудник-администратор Центра анализа и прогнозирования союзных интеграционных процессов, Минск, Беларусь,
e-mail: kristina.ermak, 2102@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки для создания системы противодействия информационным и киберугрозам Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в качестве условия и элемента региональной интеграции в текущем контексте глобальных трансформаций мирового порядка. Показан российский и зарубежный опыт в данной области. Анализируется потенциал государств – членов ЕАЭС и результаты их двустороннего и многостороннего взаимодействия в сфере обеспечения информационной безопасности как значимой составляющей цифровой повестки Союза. Обозначаются направления, которые в будущем могут стать основой Стратегии информационной безопасности ЕАЭС и позволят противостоять новым вызовам современного информационного пространства.

Ключевые слова: информационная безопасность; кибербезопасность; информационное пространство; региональное сотрудничество; ЕАЭС; цифровая повестка; интеграция.

Для цитирования: Ермак К.А. Информационная безопасность как элемент интеграции в рамках ЕАЭС // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 132–142.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.03.08

Рукопись поступила 27.05.2023.

Принята к печати 10.08.2023.

¹ © Ермак К.А., 2023

Введение

В условиях современных глобальных трансформаций системы международных отношений переосмысление угроз миру и безопасности, а также переоценка подходов к борьбе с ними входят в число стратегических задач современных государств. В свою очередь, вовлеченность стран в процессы интеграционного строительства открывает пространство возможностей для укрепления национального и интеграционного потенциалов во многих областях, начиная от социально-экономической и политической и заканчивая информационной областью, обеспечение устойчивости которой может стать мощной опорой для формирования эффективных интеграционных структур.

Вопросы информационной безопасности заняли центральное место в повестке дня международных организаций на глобальном и региональном уровнях. Активная работа в этом направлении ведется и в рамках интеграционных объединений евразийского пространства, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Союзное государство, Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и БРИКС. ЕАЭС, являющийся одним из наиболее успешных и стремительно развивающихся проектов евразийского интеграционного строительства, нуждается в расширении содержания союзной повестки в области информационной безопасности.

Концептуально-правовые основы информационной безопасности: международный опыт

Спектр глобальных вызовов расширился, включив с свою орбиту новые угрозы, связанные с применением информационных технологий (ИТ). В последние десятилетия многочисленные инциденты, нарушающие функционирование информационного пространства, доказали, что отсутствие должной регулятивной базы – прямая угроза существованию государства как такового [Joubert, 2010].

В последующие годы эти выводы нашли свое подтверждение в высказываниях и публикациях представителей элит и экспертного сообщества США. Еще в 1993 г. Джон Аркилла и Дэвид Ронфельд, сотрудники американского исследовательского центра РЭНД (англ. RAND (research and development) Corporation), отметили связь между информационной революцией и военной стратегией. В своем исследовании эксперты обозначили позицию, согласно которой распространение ИТ может оказать существенное влияние на природу международных конфликтов [Arquilla, Ronfeldt, 1993].

Годом позднее политолог Майкл Маззар выступил на ежегодной конференции Института стратегических исследований американского военного колледжа (U.S. Army War College) с докладом, в котором он обосновывал концепцию «Revolution in Military Affairs» (RMA), подразумевающую достижение прогресса в военном деле посредством активного вовлечения информационно-технологического потенциала [Mazarr, 1994]. В основе концепции лежало положение об информационном доминировании, которое было взято на вооружение оборонным ведомством США, что стало ключом к реализации теоретических разработок на практике не только в американской, но и в международной информационной среде.

Обращаясь к информационной проблематике, следует учитывать многочисленность трактовок понятий «кибербезопасность» и «информационная безопасность» в зарубежном и российском дискурсах. Исходя из дефиниций западных правовых документов, между данными понятиями проводится четкое разграничение: «кибербезопасность» охватывает безопасность серверов и сетевых ресурсов [National Cyber Strategy … , 2018], а «информационная безопасность» затрагивает более широкий спектр вопросов распространения информации и управления информационными потоками.

Официальное определение понятия «кибербезопасность» в государственных нормативных правовых актах Российской Федерации отсутствует, но активно используется в научной среде, в основном как синоним «информационной безопасности». Последняя, однако, является концепцией с более комплексным содержанием, поэтому получила широкое распространение в доктринальных документах РФ, в которых во главу угла ставится обеспечение безопасности данных в любом информационно-цифровом формате от внешних рисков и угроз [Указ Президента … , 2016]. Аналогичный подход как в доктринальных документах, так и в практическом поле использует Китай.

В КНР разработка подходов к обеспечению безопасности в информационной сфере началась в конце 1990-х годов. В 1994 г. на национальном уровне был принят первый документ – Правила регулирования, обеспечивающие безопасность компьютерных и информационных систем; в 1997 г. – Закон о безопасности сетевой инфраструктуры и сети Интернет. Наиболее прогрессивным актом стал Закон о кибербезопасности, который вступил в силу 1 июня 2017 г. [Рогожин, 2017]. Примечательными являются два элемента китайской политики в области информационной безопасности: приоритет обеспечения социальной стабильности и контроля внутригосударственных процессов; экономический и промышленный шпионаж против иностранных компаний и предприятий [Стратегия Китая … , 2020].

Создание ШОС придало импульс согласованию коллективного подхода к вопросам информационной безопасности. Опубликованное в 2006 г. заявление Совета глав государств – членов ШОС по международной информационной безопасности [Заявление глав государств-членов ШОС … , 2006] положило начало активному взаимодействию в области информационной безопасности

по линии шанхайской организации. Стоит отметить, что этот позитивный опыт во многом предопределил шаги государств – членов ЕАЭС в данном направлении, что более детально будет изложено ниже.

Первым доктринальным документом, который заложил основы российского правового подхода, стала Доктрина информационной безопасности Российской Федерации в редакции от 9 сентября 2000 г. (далее Доктрина) [Доктрина информационной безопасности … , 2000]. По мере интенсификации и усложнения информационных процессов в 2016 г. ее содержание претерпело изменения [Указ Президента … , 2016]; в новой редакции были закреплены основные информационные угрозы, а также сформулирована стратегическая цель обеспечения информационной безопасности в области обороны. Впоследствии, в 2021 г., информационная безопасность нашла свое отражение и в виде стратегического приоритета в Стратегии национальной безопасности РФ (далее Стратегия) [Указ Президента Российской Федерации … , 2021]. Общей целью обоих документов (Доктрины и Стратегии) было провозглашено обеспечение суверенитета страны в информационном мировом пространстве.

Российская Федерация стала государством – инициатором глобального обсуждения данного вопроса на уровне ООН, а также на иных региональных и двусторонних площадках [Бедрицкий, 2013]. Еще в 1998 г. Россией был подготовлен проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», который был принят на 58-й сессии без голосования [Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций … , 2023]. Хотя резолюция не содержала конкретных указаний на возможность использования киберпространства в военных целях, а также мер по запрету создания и развития «информационного оружия», документ стал отправной точкой для начала обсуждения вопросов информационной безопасности в рамках ООН.

Как следует из вышеизложенных фактов, подходы к обеспечению информационной и кибербезопасности крупнейших мировых держав актуализируют информационную повестку не только на региональном, но и на глобальном уровнях. Позитивным трендом стало включение информационного измерения в повестку международных интеграционных объединений, ярким примером чего может служить Цифровая повестка ЕЭАС.

Цифровая повестка ЕАЭС как интеграционная платформа обеспечения информационной безопасности

Несмотря на то, что развитие интеграции в информационной сфере напрямую не закреплено в Договоре о ЕАЭС от 2014 г. (далее Договор) [Договор о Евразийском экономическом союзе, 2023], данное направление имеет статус самостоятельного вектора евразийской интеграции. С момента подписания Договора был предпринят ряд шагов, заложивших основу для дальнейших

практических действий в цифровой сфере. Так, в 2016 г. был запущен процесс обсуждения цифровой повестки среди стран – членов ЕАЭС, которая стала новой вехой в развитии интеграции региона. Фундамент союзной цифровой повестки заложили два документа: Заявление о Цифровой повестке ЕАЭС, подписанное 26 декабря 2016 г. главами государств-членов; а также Решение Высшего совета ЕАЭС об Основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г., принятое 11 октября 2017 г. [Заявление о цифровой повестке … , 2018 ; Об основных направлениях … , 2017]. В 2023 г. цифровая повестка стала приоритетным направлением председательства России в высших органах ЕАЭС.

Текущая цифровая повестка ЕАЭС включает в себя вопросы отраслевой трансформации союзной экономики, автоматизации процессов управления и адаптации рынков товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов к цифровым изменениям [Цифровая повестка ЕАЭС … , 2023]. Ее реализация с последующим созданием единого цифрового пространства является базисом для разработки общей Стратегии информационной безопасности Союза.

Несмотря на наличие консенсуса среди государств – членов ЕАЭС о необходимости обеспечения информационной безопасности евразийской интеграции, о чем свидетельствует работа по защите информационных систем в рамках Союза [Бороздин, Коварда, 2020], правовое закрепление стратегических целей и механизмов по их достижению находится на этапе становления, а перспектива формирования единого цифрового пространства не представляется достижимой в короткие сроки.

В 2016 и 2017 гг. было проведено совместное исследование Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Группы Всемирного банка по изучению международного опыта развития цифрового пространства [Цифровая повестка Евразийского экономического союза … , 2018], в рамках которого были проанализированы национальные инициативы стран – членов ЕАЭС, а также опыт по формированию цифровой повестки стран АСЕАН, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и ЕС. На основании проведенной работы были выработаны рекомендации по созданию единого цифрового пространства ЕАЭС. Важным выводом стало обоснование возможности внедрения цифровой повестки на региональном уровне без первичной адаптации цифровых механизмов к «национальному климату».

Цифровая повестка ЕАЭС по праву может рассматриваться как перспективное направление интеграционных процессов в рамках Союза, которое способно вывести евразийскую интеграцию на качественно новый уровень. Интеграционный потенциал цифровой повестки заключается не только в ускорении роста союзной и, как следствие, национальных экономик стран ЕАЭС, но и в разработке новых подходов и практик применения цифровых механизмов в различных областях взаимодействия. Однако для его реализации необходимо сформировать прочную нормативно-

правовую и институциональную базу, которая обеспечит информационную безопасность интеграции в рамках ЕАЭС.

Однако общая цифровая повестка не снимает вопросы защиты цифрового и информационного суверенитета стран – участниц ЕАЭС, которые также должны быть учтены в ходе дальнейшей разработки Стратегии информационной безопасности ЕАЭС. Неслучайно этот аспект закреплен в Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.: «Государства-члены самостоятельно разрабатывают, формируют и реализуют национальную политику в сферах цифровизации экономики, связи и информатизации, обеспечения устойчивого функционирования и безопасности единого информационного пространства и инфраструктуры связи, в том числе реализуют национальные мероприятия по развитию цифровой повестки» [Об основных направлениях … , 2017].

Цифровой суверенитет, который подразумевает «право государства самостоятельно формировать информационную политику, распоряжаться информационными потоками, обеспечивать информационную безопасность независимо от внешнего влияния» [Цифровой суверенитет, 2021], на сегодняшний день подвергается вполне реальным угрозам. В этой связи особый интерес приобретает концепция, разработанная в 2011 г. китайским профессором Фан Биньсином (более известным как «отец великого китайского файервола»), ядро которой составляют четыре принципа: полного контроля государства над собственным сегментом Интернета; защиты этого сегмента от вмешательства извне; равноправия в процессе использования интернет-ресурсов; недопустимости контроля сервисов доступа к национальным сегментам Интернета [Ковачич, 2019].

Показательным примером операционализации концепции цифрового суверенитета могут служить двусторонние усилия со стороны Российской Федерации и Китая по реализации мер обеспечения безопасности в информационном и киберпространстве на национальных уровнях. Так, в 2014 г. китайской стороной была впервые проведена Всемирная конференция по управлению Интернетом, в ходе которой был сделан ряд заявлений со стороны Председателя КНР Си Цзиньпина, в частности о правах каждого государства на суверенный Интернет [Селищев, 2019]. А в 2015 г. Китай документально закрепил общность подходов с Россией, заключив межправительственное соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. В качестве основной угрозы в соответствующей области в документе определено использование информационно-коммуникационных технологий «в гражданской и военной сферах в целях, несовместимых с задачами обеспечения международного мира, безопасности и стабильности, для подрыва суверенитета и безопасности государств и вмешательства в их внутренние дела, нарушения неприкосновенности частной жизни граждан, дестабилизации внутриполитической и социально-экономической обстановки, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды» [Соглашение между Правительством Российской Федерации … , 2016].

Также в документе содержится тезис о распространении государственного суверенитета на национальный сегмент интернет-пространства. Из результатов договоренностей следует, что оба государства рассматривают нарушение цифрового суверенитета как вмешательство во внутренние дела. Однако усиление интеграционной динамики ведет к необходимости экстраполировать опыт двустороннего взаимодействия на многосторонний уровень.

В региональном контексте защита цифрового суверенитета в качестве неотъемлемой составляющей информационной безопасности интеграционного объединения получила закрепление в Стратегии кибербезопасности Европейского Союза (ЕС) [The EU's Cybersecurity Strategy ... , 2020]. Опыт ЕС, бесспорно, может быть полезен с точки зрения его адаптации для евразийского альянса.

В более широком ключе информационная безопасность представлена в Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г. [Стратегия коллективной безопасности ... , 2016], а также в Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности [Соглашение о сотрудничестве ... , 2015]. Определенные положения вышеприведенных документов могут быть доработаны и стать составляющими Стратегии информационной безопасности ЕАЭС, в том числе: а) выработка единых правил взаимодействия в сфере информационной безопасности с опорой на механизмы цифровой повестки; б) создание единого органа, координирующего межгосударственное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности и реализации цифровой повестки; в) учреждение единого мониторингового центра, осуществляющего сбор и анализ данных о наличии информационных угроз различного характера; г) укрепление взаимодействия по линии ЕАЭС-ОДКБ-СНГ с целью обмена информацией и опытом для более эффективной деятельности по данному направлению.

Формы сотрудничества государств ЕАЭС в области информационной безопасности

Государствам ЕАЭС важно найти общий подход к обеспечению информационной безопасности на основе применения результатов двусторонних практик, учитывая разноскоростной характер интеграции между отдельными членами. Ярким примером служит Союзное государство, в числе результативных проектов которого союзные программы «Совершенствование системы защиты общих информационных ресурсов Беларуси и России на основе высоких технологий», «Совершенствование системы защиты информационных ресурсов... в условиях нарастания угроз в информационной сфере (“Паритет”)» и др. [Постановление Высшего Государственного Совета ... , 2018]. Знаковым событием в процессе объединения усилий двух стран по противодействию информационным угрозам стало утверждение в марте 2023 г. Концепции информационной безопасности Союзного государства, в которой в качестве основной цели провозглашается защита нацио-

нальных интересов стран-партнеров в информационной сфере на основе повышения резистентности их информационных инфраструктур и борьбы с деструктивным воздействием на их информационные ресурсы [Об утверждении Концепции информационной безопасности … , 2023].

Учитывая опыт Союзного государства, не случайно, что Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанное Правительствами Беларуси и России в 2013 г. [Соглашение между Правительством Республики Беларусь … , 2015], предвосхитило развитие сети двусторонних контактов по линии информационной безопасности между странами ЕАЭС. В 2021 г. было подписано аналогичное соглашение между Правительствами России и Киргизии, закрепившее стремление сторон координировать позиции по ключевым вопросам и наращивать двустороннее взаимодействие путем реализации совместных инициатив [О подписании Соглашения между Правительством Киргизской Республики … , 2021]. В феврале 2022 г. Армения и Россия согласовали проект межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности, которое вступило в силу 5 мая 2023 г. [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения … , 2023].

Кроме того, государства – члены ЕАЭС участвуют и по отдельности в ряде иных форматов обеспечения информационной безопасности. Так, Армения принимает участие в обеспечении международной информационной безопасности в рамках СНГ, ОДКБ, а также Будапештской конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. Беларусь, Казахстан и Кыргызстан вовлечены во взаимодействие в данной сфере со странами по линии ШОС, ОДКБ и СНГ. В дополнение к этим площадкам Россия осуществляет свою деятельность в рамках БРИКС.

Очевидно, что для своевременной реализации стратегических направлений формирования и развития цифрового пространства ЕАЭС до 2025 г. следует учитывать особенности регионального контекста [Стратегические направления формирования и развития … , 2023]. Будет справедливым отметить, что уровень обеспечения информационной безопасности в национальных масштабах стран Союза существенно различается вследствие многих факторов, в первую очередь неравномерного распространения цифровой культуры среди населения¹.

Наконец, аргументом в пользу создания единой системы информационной безопасности ЕАЭС служат и результаты международных исследований, свидетельствующие о повышении уровня опасности кибератак, противодействие которым потребует скоординированных действий членов Союза. Согласно данным Всемирного экономического форума за 2022 г., появляются но-

¹ Так, по данным лаборатории Kaspersky, в первую десятку стран, наиболее незащищенных от информационных атак, входят Таджикистан (1 место), Китай (3 место), Казахстан (8 место) и Узбекистан (9 место). Среди стран ЕАЭС Россия находится на 12 позиции, Кыргызстан занимает – 14, Беларусь – 35, а Армения – 47 место [Cyberthreat Real … , 2023].

вые вызовы, с которыми сталкиваются государства и их частные структуры в информационной среде [Global Cybersecurity Outlook … , 2022]. Угрозами, вызывающими особое беспокойство, признаны вредоносные программы-вымогатели, которые блокируют компьютер, а затем требуют «выкуп» за его разблокировку; инструменты социальной инженерии, способные продвигать определенные установки и стандарты поведения пользователей; вредоносная деятельность инсайдеров (частных лиц или корпораций) по раскрытию конфиденциальной информации коммерческих структур, краже информации и интеллектуальной собственности и пр. [Global Cybersecurity Outlook … , 2022]. Несмотря на то, что данные угрозы существуют в глобальном масштабе, принятие превентивных мер на уровне интеграционных объединений поможет предупредить риски их возникновения и принять соразмерные шаги по их копированию на начальных стадиях.

Заключение

На современном этапе мирового развития положительная экономическая и политическая динамика развития международных акторов во многом зависит от уровня разработанности и реализации их информационной / цифровой повестки. В этой связи лидерам стран – участникам ЕАЭС необходимо проявить политическую волю и готовность углублять интеграцию с опорой на транспарентный диалог и совместные усилия по преодолению цифровых препятствий.

В текущих условиях кардинальных трансформаций миропорядка происходят серьезные сдвиги в национальных приоритетах стран ЕАЭС и их партнеров. Однако для членов Союза представляется исключительно важным сохранение в новом международном контексте готовности инвестировать не только экономические, но и политические ресурсы в региональные интеграционные институты, обеспечение информационной безопасности и реализация цифровой повестки которых послужат новым импульсом для расширения основ евразийской интеграционной идеи.

Список литературы

1. Бедрицкий А. Международные договоренности по киберпространству: возможен ли консенсус? // Перспективы. Электронный журнал. – 2013. – 24.10. – URL: https://www.perspektivy.info/book/mezhdunarodnye_dogovoronnosti_po_kiberprostranstvu_vozmozhnost_li_konsensus_2013-10-24.htm (дата обращения 12.01.2023).
2. Бороздин А.Н., Коварда В.В. Анализ системы обеспечения защиты информации в процессе цифровизации ее оборота в рамках ЕАЭС в аспекте повышения экономической безопасности // Вестник Евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 4. – URL: <https://esj.today/PDF/41ECVN420.pdf> (дата обращения 12.01.2023).
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (редакция, действующая с 3 апреля 2023 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2023. – 03.04. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420205962?ysclid=lcw191gj5y748754679> (дата обращения 11.01.2023).
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Контур Норматив. – 2000. – 09.09. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40613&ysclid=lcw12estgy371372874> (дата обращения 08.01.2023).
5. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // Организация Объединенных Наций. – 2023. – URL: <https://www.un.org/disarmament/ru/ достижения-в-сфере-информатизации-и-т/> (дата обращения 11.01.2023).
6. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности // Шанхайская организация сотрудничества. – 2006. – 15.06. – URL: <http://scochn.beta2.ria.ru/documents/20060615/44820.html> (дата обращения 12.01.2023).

7. Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2018. – 17.09. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/551108000> (дата обращения 12.01.2023).
8. Ковачич Л. Китайский пример заразителен // Ведомости. – 2019. – 28.01. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/28/792659-primer> (дата обращения 05.01.2023).
9. О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2021. – 26.02. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1416591/?ysclid=lcw1uqy4m0713876356 (дата обращения 12.01.2023).
10. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2017. – 10.11. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953?ysclid=lcw1lkwge9647243922> (дата обращения 12.01.2023).
11. Об утверждении Концепции информационной безопасности Союзного государства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2023. – 01.03. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1856195/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000d6e7e294ad6b00db63ab105abd305c0618fdc98056bfc2c42885dc6276125b5408c67a6c0b1430007769e3029b9fae7b49a4fe861c1489e649c83cfab25b4c0b9622c629f7725205a7a8f9a74b973a36b84976fb8c61278f (дата обращения 20.03.2023).
12. Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларусь и России от 19 июня 2018 г. № 3 «О выполнении Приоритетных направлений и первоочередных задач дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014–2017 годы) и дальнейшем развитии Союзного государства на 2018–2022 годы» // Информационно-правовой портал «Гарант. ру». – 2018. – 19.06. – URL: <https://base.garant.ru/71972538/?ysclid=lcw1s4ouv6491429803> (дата обращения 12.01.2023).
13. Рогожин А. КНР – Закон о кибербезопасности принят // ИМЭМО. – 2017. – 01.02. – URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/knr-zakon-o-kiberbezopasnosti-prinyat> (дата обращения 12.01.2023).
14. Селищев Н. Всемирная конференция по интернету открывается в Китае // ТАСС. – 2019. – 20.10. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7021930?ysclid=l2wdyv67d> (дата обращения 12.01.2023).
15. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2015. – 27.02. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499074140> (дата обращения 12.01.2023).
16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 8 мая 2015 года // Официальное опубликование правовых актов. – 2016. – 10.08. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608100001?rangeSize=1> (дата обращения 12.01.2023).
17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности от 19 апреля 2022 года (вступило в силу 5 мая 2023 года) // Официальное опубликование правовых актов. – 2023. – 05.05. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305050001> (дата обращения 12.05.2023).
18. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 года (вступило в силу для Российской Федерации 4 июня 2015 года) // Официальное опубликование правовых актов. – 2015. – 04.06. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201506040007> (дата обращения 05.01.2023).
19. Стратегические направления формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия. – URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/Стратегические%20направления%20формирования%20цифрового%20пространства%20ЕАЭС%20\(проект\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/Стратегические%20направления%20формирования%20цифрового%20пространства%20ЕАЭС%20(проект).pdf) (дата обращения 12.01.2023).
20. Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты / Чекменева Т.Г., Ершов Б.А. [и др.] // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2020. – № 7 (9) – С. 78–97. – URL: <https://readera.org/strategija-kitaja-po-obespecheniju-informacionnoj-bezopasnosti-politicheskij-i-14118405> (дата обращения 10.01.2023).
21. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // Организация Договора о коллективной безопасности. – 2016. – 18.10. – URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do/?ysclid=lcw1q5diwb406117606#loaded (дата обращения 12.01.2023).
22. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант. – 2021. – 02.07. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 08.01.2023).
23. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – 2016. – 05.12. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения 10.01.2023).

24. Цифровая повестка ЕАЭС: рынок рабочей силы, новые технологии, цифровые транспортные коридоры, большие данные // МГИМО. – URL: <https://mgimo.ru/upload/2020/02/EEU-digital-agenda.pdf?ysclid=lcw1gn2a54263848447> (дата обращения 12.01.2023).
25. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации // Евразийская экономическая комиссия. – 2018. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/directions_files/a34/a34a8a322ff61b3e9fba79b3006213c0.pdf?ysclid=lcw1ejr28l700836823 (дата обращения 12.01.2023).
26. Цифровой суверенитет // Валдай. Международный дискуссионный клуб. – 2021. – 02.06. – URL: <https://ru.valdai.club.com/multimedia/infographics/tsifrovoy-suverenitet/> (дата обращения 12.01.2023).
27. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is Coming! // Comparative Strategy. – 1993. – Vol. 12, № 2. – P. 141–165. – URL: <https://www.rand.org/pubs/reprints/RP223.html> (дата обращения 12.01.2023).
28. Cyberthreat Real – Time Map // Лаборатория «Kaspersky». – 2023. – URL: <https://cybermap.kaspersky.com/stats> (дата обращения 12.01.2023).
29. Global Cybersecurity Outlook 2022. Insight Report January 2022 / World Economic Forum. – 2022. – 34 p. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Cybersecurity_Outlook_2022.pdf (дата обращения 12.01.2023).
30. Joubert V. Getting the essence of cyberspace; a theoretical framework to face cyber issues // Conference on Cyber Conflict Proceedings 2010 / C. Czosseck, K. Podins (Eds.). – Tallinn : CCD COE Publications, 2010 – P. 111–126. – URL: <https://ccdcce.org/uploads/2018/10/Joubert-Getting-the-Essence-of-Cyberspace.pdf> (дата обращения 11.01.2023).
31. Mazarr M.J. The revolution in military affairs: a framework for defense planning // The Strategic Studies Institute. – 1994. – 10.06. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/112738/Revolution_Military_Affairs.pdf (дата обращения 11.01.2023).
32. National Cyber Strategy of the United States of America // The White House. – 2018. – September. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения 12.01.2023).
33. The EU’s Cybersecurity Strategy for the Digital Decade // European Commission. – 2020. – 16.12. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (дата обращения 12.01.2023).

INFORMATION SECURITY AS AN ELEMENT OF INTEGRATION WITHIN THE EAEU

Christina Ermak

Leading Officer-Administrator of the Center for Analysis and Forecasting of Allied Integration Processes, (Minsk, Belarus), e-mail: kristina.ermak.2102@mail.ru

Abstract. The article discusses the prerequisites for creating a system to counter information and cyber threats of the Eurasian Economic Union (EAEU) as a condition and element of regional integration in the current context of global transformations of the world order. Shows Russian and foreign experience in this area. Analyzes the potential of the EAEU member states and the results of their bilateral and multilateral cooperation in the field of ensuring information security as a significant component of the digital agenda of the EAEU. Highlights the directions, which in the future can become the basis of the EAEU Information Security Strategy and will allow countering the new challenges of the modern information space.

Keywords: information security; cybersecurity; information space; regional cooperation; EAEU; digital agenda; integration.

For citation: Ermak K.A. Information security as an element of integration within the EAEU // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 132–142.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН – УЧАСТНИЦ ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ (Обзор)

ГУЗАЕРОВ РАЗИЛЬ ИЛШАТОВИЧ

Младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия,
e-mail: guzaerov99@bk.ru

Аннотация. В обзоре показаны этапы становления современного тюркского пространства. Рассматриваются особенности и направления взаимодействия стран – участниц Организации тюркских государств, отмечается активная роль Турции в поддержке туркоцентричной интеграции в русле данной организации. Отмечается, что на фоне сложностей политического и экономического регионального развития Анкара уделяет особое внимание социально-культурному сближению тюркских государств, которое является одним из ключевых направлений деятельности Организации тюркских государств.

Ключевые слова: Организация тюркских государств; Турция; туркоцентрическая интеграция; социально-культурное сотрудничество.

Для цитирования: Гузаеров Р.И. Социально-культурное взаимодействие стран – участниц Организации тюркских государств. (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 143–151.

**Вместо введения:
становление современного тюркского пространства и роль Турции**

Современная Турция активно формирует собственную региональную подсистему на тюркском пространстве. Данная задача предполагает активное становление тюркских институтов, которые будут осуществлять универсализацию общественной жизни тюркского мира на основе турецкого примера [Аватков, 2021]. Анкара делает особый акцент на осуществлении культурно-образовательной, гуманитарной деятельности в тюркских государствах для продвижения турецких идей и создания обширной сети туркоориентированных лоббистских структур [Аватков, Сбитнева, 2022].

Первый этап активизации турецкой политики в современном тюркском пространстве (с начала 1990-х годов) ознаменовался созданием Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA, 1992) и Международной организации тюркской культуры (TÜRKSOY, 1993). Первая организация занималась координацией отношений Турции с тюркскими государствами в различных областях. Деятельность ТЮРКСОЙ была направлена на развитие общей тюркской культуры и литературы. Организация объединяла деятелей культуры тюркских стран, предоставляя им площадки для выступлений и коммуникации, а также способствовала «духовной консолидации братских тюркских народов». Однако на деле главной целью ТЮРКСОЙ было объединение лояльных Турции элит в тюркских государствах [Грозин, 2021].

Позднее, в 2008 г., по озвученному им в 2006 г. предложению президента Казахстана Н.А. Назарбаева, была создана Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА). Заявляется, что цели ТюркПА – это развитие политического диалога, гармонизация законодательств и содействие развитию более тесного взаимодействия между странами-членами [About TURKPA, 2023]. Следует предположить, что унификация законодательства была особенно необходима Турции, во-первых, для углубления экономических отношений в регионе, во-вторых, для возможности создания единого или союзного тюркского государства под эгидой общей организации в долгосрочной перспективе.

Продолжением данной политики стало создание Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) после подписания Нахичеванского соглашения [Нахичеванское соглашение … , 2009]. Участниками ССТГ стали Турция, Азербайджан, Казахстан и Киргизия, а в 2019 г. к ним присоединился Узбекистан. Структура организации включала в себя Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, Совет старейшин. В Нахичеван-

ском соглашении также были определены следующие цели ССТГ: укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поддержание мира в регионе; координация решений по внешнеполитическим вопросам; расширение сотрудничества и взаимодействия во всех областях, от политической до военно-технической, и т.д. [Нахичеванское соглашение … , 2009].

Создание ССТГ придало импульс процессу институционализации туркоцентричной интеграции, которая, однако, не шла с той скоростью, которую предполагала турецкая сторона. Из достижений организации можно назвать создание Международной Тюркской академии, а также оформление институциональной базы, которая могла бы стать основным инструментом продвижения туркоцентричной интеграции [Парубочая, 2011].

Особого внимания заслуживает стамбульский саммит, прошедший в ноябре 2021 г., на котором ССТГ был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ), что стало началом нового этапа целеполагания во внешней политике Турции [Үйсе, 2022]. Несмотря на то, что Анкара не может конкурировать с Россией и Китаем по уровню взаимодействия с тюркскими государствами в сфере экономики и безопасности, инструменты «мягкой силы» позволяют Турции усиливать свое влияние, наращивая социально-культурное сотрудничество в рамках ОТГ [Турецкий дискурс …].

Последующая трансформация ОТГ способствовала продвижению туркоцентричных идей. Помимо пяти основных членов (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция, Узбекистан) к организации присоединились два наблюдателя – Венгрия и Туркменистан. Структура организации осталась неизменной, поэтому можно предположить, что ребрендинг был необходим для того, что чтобы дать второе дыхание туркоцентричной интеграции. Сразу после создания ОТГ была сформулирована стратегия развития организации, которая предполагает укрепление отношений между государствами-членами во всех областях, но особый интерес вызывают перспективы социальной и культурной политики ОТГ.

«Видение тюркского мира – 2040»

Основополагающим документом, в котором определены траектории развития Организации тюркских государств, является «Видение тюркского мира – 2040» (далее «Видение») [Turkic world vision … , 2021]. Что немаловажно, третий пункт данной стратегии (англ. «People-to-people cooperation») подразумевает усиление взаимодействия государств – членов ОТГ в социально-культурной, гуманитарной областях.

Так, в сфере культуры предлагается увеличить количество совместных мероприятий, что позволит найти еще больше общих культурных черт и усилить чувство единства тюркских народов. Страны – участницы ОТГ договорились о создании общего перечня культурного наследия тюркского мира. Более того, подразумевается создание механизма возвращения объектов тюркского культурного наследия в страну их происхождения.

В сфере образования и науки предусмотрены процессы гармонизации учебных программ, активизации научно-исследовательской деятельности в сфере общей тюркской истории, культуры, языка, литературы, географии и т.д., а также создания «Сети аналитических центров тюркского мира» для объединения научного потенциала тюркских государств.

Помимо всего этого «Видение» предусматривает унификацию молодежных политик государств – членов ОТГ, создание молодежной платформы – зонтичной организации для неправительственных организаций (НПО) в сфере молодежной политики, взаимодействие и мобилизацию потенциала диаспор, укрепление сотрудничества частных и государственных СМИ, поощрение создания фильмов и сериалов, продвигающих общетюркские ценности и пр.

Следует также отметить, что «Видение» предполагает не только активизацию сотрудничества в социальной и гуманитарной сферах, но и объединение стран – участниц ОТГ на основе некой «общей тюркской культуры», особая роль в формировании которой отводится Турции, которая, как упоминалось выше, поддерживает и продвигает идею туркоцентричной интеграции, в первую очередь в области образования и СМИ.

Попытки возрождения единого тюркского алфавита

После того, как страны – члены ОТГ приступили к постепенной реализации «Видения» в разных сферах, в тюркском мире оживился интерес к вопросам языкового единства.

Так, в ноябре 2022 г. в Бурсе (Турция) состоялся «Семинар по общему алфавиту тюркского мира». На семинаре под председательством Г. Гюльсевина, главы Турсецкого лингвистического общества (тур. Türk Dil Kurumu), ученые из тюркских государств затронули вопросы, связанные с историей развития тюркских алфавитов. Главный вывод, к которому пришли участники семинара – общее тюркское письмо может послужить фактором, который ускорит интенсификацию культурных и экономических связей тюркских государств.

По итогам обсуждений было предложено сформировать «Комиссию по созданию единого алфавита» (далее Комиссия), которая действовала бы при ОТГ. Первое заседание Комиссии состоится в Киргизии, где эксперты начнут работу по созданию общей письменности и предоставят доклад Совету старейшин ОТГ.

Вопрос о создании общей письменности стоял на повестке дня еще в начале 1990-х годов. Но первые шаги в данном направлении не привели к какому-либо успеху, а переход на латинский алфавит в ряде тюркских государств столкнулся с серьезными проблемами [Космарский, 2003]. Однако это не значит, что Турция отказалась от своих планов. Создание Комиссии может способствовать тому, что Анкара снова возобновит свои попытки по «отуречиванию» тюркских алфавитов, но уже в контексте совместной деятельности стран – членов ОТГ.

Создание единых учебников и учебных программ

В ходе ноябрьского Самаркандинского саммита ОТГ 2022 г. президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев подчеркнул важность изучения и систематизации имеющихся исторических и лингвистических источников. Для этого необходимо активное взаимодействие научных институтов и образовательных учреждений стран ОТГ, а результаты данного сотрудничества, по мнению президента Казахстана, необходимо представлять широкой мировой общественности [Кривцанова, 2022].

В данном ракурсе Турция приняла на себя обязательства в сфере обменных программ. Так, в июне 2022 г. в Анкаре и Стамбуле была организована первая программа для специалистов в области образования из государств-членов и наблюдателей ОТГ, в ходе которой были рассмотрены вопросы внедрения турецкой системы образования в других государствах ОТГ.

В этом же направлении была проведена работа по созданию единых учебников. Эксперты Международной Тюркской академии разработали учебники общей тюркской истории, географии, литературы. На семинаре в Стамбуле были утверждены итоговые варианты учебных материалов. Причем Турция и Азербайджан планируют включить дисциплины по новым материалам в общий школьный учебный план, а в Казахстане и Киргизии пока предусмотрены факультативные курсы [Семененко, 2022].

Следует констатировать, что с помощью образовательных ресурсов может быть создано единое видение тюркскими народами своей роли и места в мире, а общее историческое и культурное прошлое – стать объединяющим фактором всего тюркского пространства через выделение тюрок из общего массива истории.

Взаимодействие в сфере СМИ

Уже достаточно продолжительное время Турция ведет работу по развитию своей сетки вещания в тюркских государствах. Среди СМИ, активно транслирующих протурецкие нарративы, следует выделить TRT, Anadolu Ajansi. Теперь данная деятельность активно развивается в рамках ОТГ.

В мае 2022 г. медиаплатформа «Тюркский мир» (англ. Turkic World), созданная Агентством международной информации Trend (Азербайджан) и турецкой медиагруппой Albayrak при поддержке Х. Гаджиева, заведующего отделом по вопросам внешней политики Администрации Президента Азербайджана, отметила свою первую годовщину. Платформа была официально представлена в рамках медиафорума Тюркского совета в октябре 2021 г.

К деятельности платформы уже подключились информационные агентства из Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Туркменистана. Платформа вещает на языках всех государств – членов ОТГ, а также на русском и английском. По словам Я. Топчу, главного советника Президента Тур-

ции, важность платформы заключается в том, что она помогает тюркским народам доносить свой голос до остального мира [Проект «Тюркский мир» … , 2022].

В декабре 2022 г. в Астане при поддержке ОТГ и Международной Тюркской академии прошел Первый Центрально-Азиатский медиафорум, главной целью которого стало обсуждение тенденций и перспектив развития медиасферы [I Central Asian … , 2022]. В программе медиафорума вызывает интерес панельная сессия «Перспективы формирования единой платформы». Присутствие на форуме спикеров из Турции наталкивает на мысль, что география единой медиаплатформы выходит за пределы государств Средней Азии.

В октябре 2022 г. в Баку прошло первое совещание регулирующих органов аудиовизуальных СМИ стран – членов ОТГ, в рамках которого участники обсудили возможности и перспективы создания институциональной основы для их сотрудничества. Для достижения этой цели было принято решение о создании Форума регулирующих органов вещания [Türk Devletleri Teşkilatı Görsel … , 2022]. Следует отметить, что в добавок к этому в рамках ОТГ было создано и Объединение журналистов ее государств-членов [Türk devletleri teşkilatı dokuzuncu … , 2023].

Таким образом, создаются постоянные площадки и форматы взаимодействия представителей медиасферы стран ОТГ. Подобное объединение представителей СМИ необходимо для создания единого информационного пространства, недопущения разночтения тех или иных событий, формирования единого взгляда на происходящие события.

Первые итоги сотрудничества стран ОТГ

Промежуточные успехи сотрудничества в рамках Организации тюркских государств были закреплены в ходе первого, упомянутого выше саммита ОТГ, который прошел в Самарканде (Узбекистан) 11 ноября 2022 г. Саммит проводился под громким лозунгом «Новая эра тюркской цивилизации: на пути к общему развитию и процветанию» [Саммит ОТГ … , 2022]. Участники обсудили широкий спектр вопросов сотрудничества в политической, экономической, культурно-гуманитарной сферах.

По итогам саммита была принята Самаркандская декларация (далее Декларация) [Samarkand declaration … , 2022], в которой были отмечены основные успехи организации с момента ее преобразования, выражавшиеся в том, что (помимо рассмотренных выше достижений):

- высоко оцениваются встречи мусульманских религиозных представительств ОТГ, призывающих продолжать сотрудничество на основе идей тюрко-исламской солидарности, духовно-нравственных и культурных ценностей тюркских народов;
- поддерживается инициатива создания единой сети тюркских памятников;
- выражена удовлетворенность рядом спортивных мероприятий, проведенных под эгидой ОТГ и т.д.

Особое внимание уделяется работе с диаспорами стран ОТГ. В частности, выработаны стратегия и план совместной деятельности тюркоязычной диаспоры. Для организации контактов между диаспорами были организованы международные форумы и программы обмена опытом. Таким образом, можно предположить, что государства стремятся объединить потенциал собственных диаспор для создания сильных лоббистских структур.

Также в Декларации указана необходимость укрепления сотрудничества между Парламентской ассамблей тюркоязычных стран, Международным фондом тюркской культуры и наследия, а также Международной Тюркской академией. Последние две организации в 2022 г. смогли получить полноценное финансирование бюджета со стороны ОТГ. Начинается постепенная настройка финансирования различных организаций, которые будут продвигать «общие тюркские ценности» в научной и культурной областях.

Также в ходе самарканского саммита была принята Стратегия развития ОТГ на период 2022–2026 гг. [Исламов, 2022], которая в первую очередь направлена на достижение целей, указанных в «Видении». Что не менее важно, было принято решение о создании Тюркского инвестиционного фонда размером в 500 млн долл., который будет пополняться равными взносами со стороны государств-членов. Создание подобного фонда представляется важным для Турции с точки зрения диверсификации источников финансирования тюркских проектов.

Представляется, что основная проблема ОТГ на данный момент заключается в том, что организация имеет ограниченные возможности по финансированию собственных проектов и программ, а государства пока не готовы вкладывать большие средства в деятельность этого международного института. Турция стремится решить данную проблему и снять с себя определенную часть экономического бремени. Так, в ходе внеочередного саммита стран ОТГ в Анкаре 16 марта 2023 г. государства подписали Соглашение о создании Тюркского инвестиционного фонда [На саммите ОТГ … , 2023], что постепенно приближает организацию к формированию общего бюджета в необходимых объемах.

Заключение

На текущий момент страны – участницы ОТГ активизируют сотрудничество в различных областях, в том числе в социально-культурной. Турция, как ведущее государство объединения, постепенно инициирует все более активное взаимодействие между членами организации. Однако, учитывая актуальное состояние конъюнктуры тюркского региона, в ближайшей перспективе не представляется возможным наладить полноценные экономические и политические взаимоотношения. ОТГ в этом плане придется пройти трудный и долгий путь.

Тем не менее Турция традиционно использует сильные стороны своей внешней политики и делает особый акцент на социально-культурном сотрудничестве в рамках ОТГ, которое может

способствовать формированию единого социального и культурного тюркского пространства. Создаются единые площадки для коммуникации и координации действий представителей культуры, СМИ, духовенства и т.д., на которых формируются новые форматы взаимодействия и обмена опытом.

Особо следует отметить успехи в области создания единых учебников и единого тюркского алфавита. В данном случае происходит не просто координация деятельности государств – членов ОТГ, а ее унификация. Итогом подобных разработок может стать становление единого мировоззренческого пространства на основе общих представлений об исторической неразрывности развития тюркских народов.

С высокой долей вероятности можно предположить, что деятельность в социально-культурной сфере будет оставаться одним из ключевых направлений в рамках сотрудничества в рамках ОТГ. Именно успехи в данной области будут прикрывать неудачи или проблемы интеграции в других сферах, например экономической или политической. Турция же будет стремиться получить наибольшие выгоды от сотрудничества и расширять масштабы туркоцентричных интеграционных проектов, вовлекая в них все большее число участников.

Список литературы

1. Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. № 5. – С. 162–176. – URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/859> (дата обращения 20.03.2023).
2. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 291–302.
3. Грозин А.В. Политика Турции в постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы // Постсоветский материк. – 2021. – № 2(30). – С. 25–48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-turtsii-v-postsovetskoj-azii-podhody-instituty-perspektivy> (дата обращения 20.03.2023).
4. Исламов Д. Саммит Организации тюркских государств в Самарканде: между иллюзией и реальностью // РСМД. – 2022. – 23.11. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/sammit-organizatsii-tyurk-skikh-gosudarstv-v-samarkande-mezhdu-illyuziey-i-realnostyu/> (дата обращения 02.02.2023).
5. Космарский А.А. Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX – начало XXI века) // Вестник Евразии. – 2003. – № 3. – С. 62–85.
6. Кривцанова К. Токаев: Казахстан решительно поддерживает территориальную целостность всех государств // NUR.KZ. – 2022. – 11.11. – URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1996742-tokaev-kazakhstan-reshitelno-podderzhivaet-territorialnyu-tselostnost-vseh-gosudarstv/> (дата обращения 18.01.2023).
7. На саммите ОТГ в Турции президенты подписали 3 документа // Sputnik Кыргызстан. – 2023. – 16.03 – URL: <https://ru.sputnik.kg/20230316/otg-turtsiya-3-dokumenta-podpisanie-1073643050.html> (дата обращения 12.03.2023).
8. Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (г. Нахичевань, 3 октября 2009 года) // Online.Zakon.KZ. – 2010. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486433 (дата обращения 18.03.2023).
9. Парубочая Е.Ф. Саммиты тюркских государств (2006–2010 гг.): реальная платформа для сближения стран // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 98–105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sammity-tyurkskih-gosudarstv-2006-2010-gg-realnaya-platforma-dlya-sblizheniya-stran> (дата обращения 18.03.2023).
10. Проект «Тюркский мир» (Turkic.World) – очень важная и ценная медиаплатформа, которая принесет пользу региону и миру – Ялчин Топчу // Trend news agency. – 2022. – 25.05. – URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3600314.html> (дата обращения 19.01.2023).
11. Саммит ОТГ в Самарканде: новая страница в интеграции тюркского мира // TRT. – 2022. – 11.11. – URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/sammit-otg-v-samarkande-novaya-strаница-v-integracii-tyurkskogo-mira-10834488> (дата обращения 28.01.2023).

12. Семененко И.С. Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... // ИМЭМО РАН. – 2022. – 23.08. – URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons> (дата обращения 17.01.2023).
13. Турецкий дискурс для Центральной Азии: пределы возможностей и перспективы роста (Часть 2) // Информационно-аналитический центр МГУ. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/turetskiy-diskurs-dlya-tsentralnoy-azii-predely-vozmozhnostey-i-perspektivy-rosta2/> (дата обращения 16.01.2023)
14. I Central Asian Media Forum // MediaForum. – 2022. – URL: <https://ca-mediaforum.org/ru#partners> (дата обращения 19.01.2023).
15. About TURKPA // Parliamentary Assembly of Turkic States (TURKPA). – URL: https://turk-pa.org/en/content/about_turkpa (дата обращения 20.01.2023).
16. Samarkand declaration of the ninth summit of the Organization of Turkic States // Türk Devletleri Teşkilatı. – 2022. – 11.11. – URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/samarkand-declaration-2679-165.pdf> (дата обращения 20.01.2023).
17. Türk devletleri teşkilatı dokuzuncu zirvesi Semerkant bildirisi // Türk Devletleri Teşkilatı. – URL: https://www.turkicstates.org/assets/pdf/temel_belgeler/9-zirve-bildirisi-16-tr.pdf (дата обращения 20.01.2023).
18. Türk Devletleri Teşkilatı Görsel-İşitsel Medya Düzenleyicileri Birinci Toplantısı Azerbaycan'da gerçekleştirildi // Türk Devletleri Teşkilatı. – 2022. – 29.10. – URL: https://turkicstates.org/tr/haberler/turk-devletleri-teskilati-gorsel-isitsel-medya-duzenleyicileri-birinci-toplantisi-azerbaycanda-gerceklestirildi_2665 (дата обращения 20.01.2023).
19. Turkic World Vision – 2040 / Türk Devletleri Teşkilatı. – 2021. – 12.11. – 17 p. – URL: <https://avim.org.tr/public/images/uploads/files/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения 19.01.2023).
20. Yüce M. Türkiye – түрк dünyасы ilişkileri // 2022'de Türkiye. SETA. – İstanbul, 2022. – P. 168–180.

SOCIO-CULTURAL INTERACTION OF THE MEMBER STATES OF THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES (REVIEW)

Razil Guzaerov

Junior researcher of the Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
e-mail: guzaerov99@bk.ru

Abstract. The review shows the stages of formation of the modern Turkic space. Considers the features and directions of interaction between the member countries of the Organization of Turkic States, as well as the active role of Turkey in supporting the Turkish-centric integration in line with this organization. It is noted that against the background of the difficulties of political and economic regional development, Ankara pays special attention to the socio-cultural rapprochement of the Turkic states, which is one of the key activities of the Organization of Turkic States.

Keywords: Organization of Turkic States; Turkey, turkocentric integration; social and cultural cooperation.

For citation: Guzaerov R.I. Socio-cultural interaction of the member states of the Organization of Turkic States (Review) // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – N 3. – P. 143–151.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Научный журнал

№ 3 (12) / 2023

ИНТЕГРАЦИЯ VS ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.В. Валикова

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, ИНИОН РАН**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

электронный адрес редакции
e-mail: [sns-journal@bk.ru](mailto: sns-journal@bk.ru)

Подписано на выход в свет – 12/IX – 2023 г.

Формат 60×90/8 Уч.-изд.л. 10,1